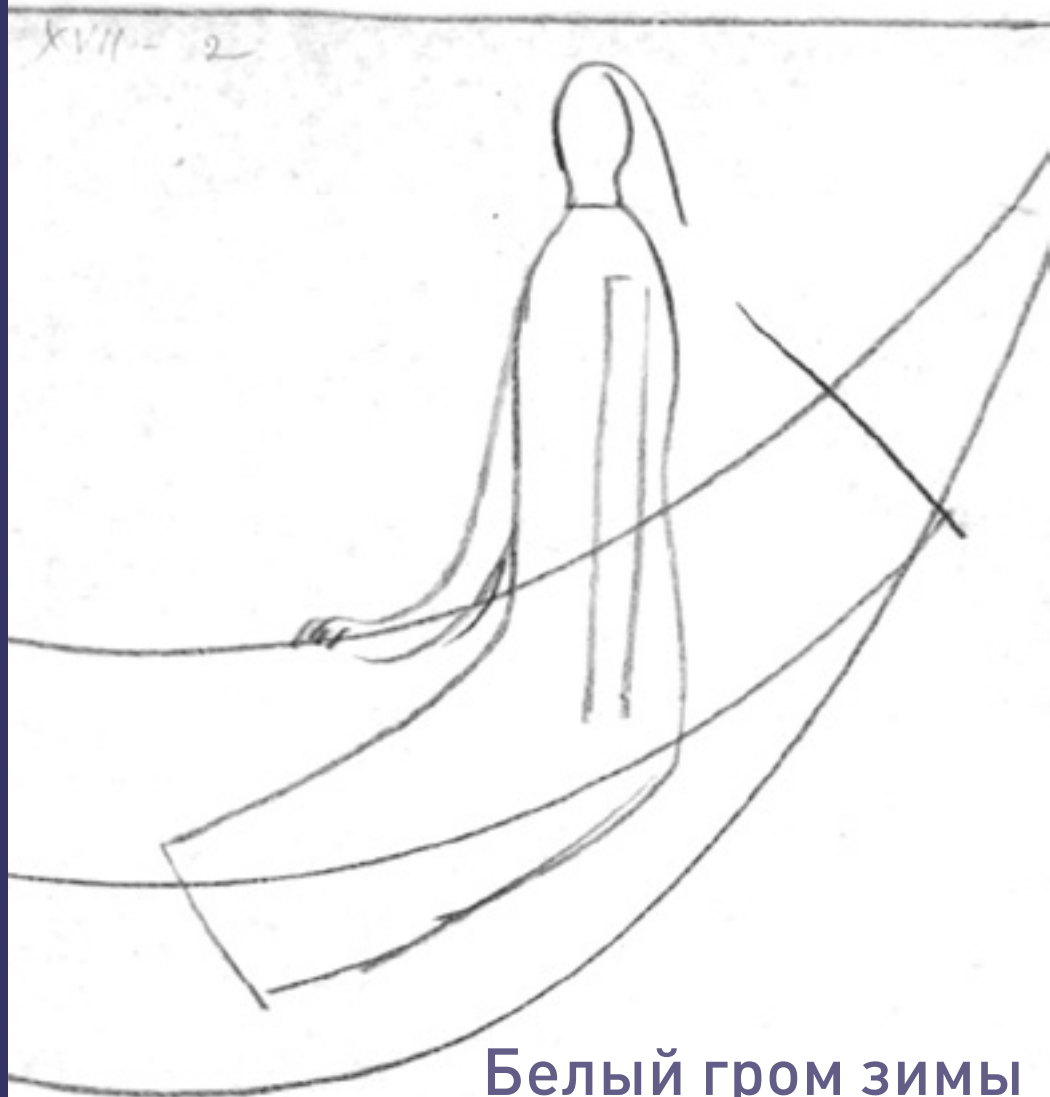

Белый гром зимы

Владимир Стерлигов

Ирина Потапова

1939—1943

Белый гром зимы

Владимир Стерлигов

Ирина Потапова

1939—1943

барбарис

БЕЛЫЙ ГРОМ ЗИМЫ

Владимир Стерлигов

Ирина Потапова

1939—1943

•

Письма

Стихотворения

Воспоминания

Графика

Белый гром зимы*

Литературный сборник

Издание осуществлено при содействии
Центра Вячеслава Иванова в Риме
и Музея органической культуры в Коломне

Составитель Андрей Шишкин
Общая редакция Ирины Тархановой

Белый гром зимы. Литературный сборник / составитель А.Шишкин. —
Москва: «Барбарис», 2016 — 297 с., ил.

Книга «Белый гром зимы» — о любви и войне. Молодой художник Владимир Стерлигов, ученик Казимира Малевича, вернувшись в Ленинград 1939-го года после пяти лет Карагандинского лагеря, встретил Ирину Потапову, красавицу, потомственную аристократку. Их краткий роман остался для нас в его страстных, романтических письмах к ней, Прекрасной даме. Молодые люди не смогли соединить свои судьбы в силу целого ряда трагических обстоятельств и событий Великой Отечественной войны. В сборнике опубликованы также стихотворения В.Стерлигова (1939—1943) и воспоминания И.Потаповой о ленинградской блокаде. Издание книги — публикация свидетельств современников и напоминание о той эпохе и людях, сохранивших светлое и яркое восприятие жизни, несмотря на все выпавшие на их долю испытания. Книга предназначена для широкой аудитории.

*Цитата из стихотворения В.В.Стерлигова

Редакторы:
Армила Минасян
Ирина Тарханова

Юлия Сухова
Мария Жмурова
Корректурa:
Татьяна Шпомер

Илье Кокоскину
Светлане Кокоскиной
Алексею Гостинцеву
за помощь в создании этой
книги

Подготовка текстов
и комментарии:
Ольга Фетисенко
при участии
Ирины Стерлиговой
Над книгой работали:
Ирина Стерлигова

Отдельная благодарность
Ирине Аликиной
Джону Боулту
Людмиле Вострецово́й
Екатерине Иноземцевой
Александру Трауготу

На обложке рисунок В.Стерлигова «Небесный невод». 1943

- © А.Шишкин. Составление. 2016
- © Государственный Русский музей. Публикация блокнота. 2016
- © О.Фетисенко. Подготовка текстов и комментариев. 2016
- © В.Стерлигов. Наследники. 2016
- © Г.А.В.Траугот. Текст. Иллюстрации. 2016
- © И.Потапова. Воспоминания. Наследники. 2016
- © Е.Иноземцева. Текст. 2016
- © Издательство «Барбарис». 2016

с о д е р ж а н и е

Предисловие

<i>Андрей Шишкин</i>	От Карлага до блокады	8
<i>Ирина Стерлигова</i>	Про эту книгу	20

Письма

<i>Ирина Потапова</i>	Два письма к Андрею Шишкину	28
<i>Владимир Стерлигов</i> и <i>Ирина Потапова</i>	Письма	37
<i>Екатерина Иноземцева</i>	О письмах Владимира Стерлигова	119

Графика

<i>Владимир Стерлигов</i>	Рисунки для Ирины Потаповой	128
<i>Ирина Тарханова</i>	«...под странным прозвищем — Кадушкин»	140
<i>Людмила Вострецова</i>	«Посмотри, перелистай, повнимательней читай» 1940—1941	142

Стихотворения

<i>Владимир Стерлигов</i>	Стихи. Фрагменты поэмы. 1939—1943	156
---------------------------	-----------------------------------	-----

Воспоминания

<i>Ирина Потапова</i>	Фрагменты воспоминаний	169
<i>Илья Кокошкин</i>	Об Ирине Алексеевне Потаповой	278
<i>Александр Траугот</i>	Стерлигов — человек из осажденной крепости	308
<i>Андрей Шишкин</i>	Что я помню о Стерлигове	310
<i>Алексей Гостинцев</i>	Владимир Васильевич Стерлигов — поэт, философ, художник	312

Хроника

	Жизнь и творчество Владимира Васильевича Стерлигова	318
--	---	-----

Предисловие

Андрей Шишкин: От Карлага до блокады

Санкт-Петербург. 2014

Известная строка Пастернака «На пире Платона во время чумы» применительно к сюжету этой небольшой книги для кого-то может звучать легковесно: как и в диалоге Платона, здесь идёт речь о любви, о смерти и о творчестве, но рамкой его оказывается неизвестная древнему миру трагедия. Трагедия первая — Карлаг, один из самых лютых сталинских лагерей, где был в заключении в 1935—1938 годах первый герой нашей книги, художник и поэт-обэриут Владимир Васильевич Стерлигов (1904—1973). При аресте погиб весь его литературный и творческий архив, на допросах его предал ближайший друг. Позднее Стерлигов так вспоминал о лагере:

1935 год. Май. Весна в полупустыне. Огромные пространства. Увеличивая их, валяются пологие бесконечные холмы — огром-

Андрей Борисович Шишкин — филолог, профессор Университета в Салерно, директор Центра Вячеслава Иванова в Риме.

ные животы великанов. По ним дует сырой весенний ветер, сдувает последние заплаты снега. С начала мира тут, верно, так и было... Но зачем сюда попал «культурный Петербург?» Каким образом интеллигент из Петербурга полагал, что он, названный врагом народа, будет встречать весну тут? ... Длинные бараки, в которых не может жить никакая ни на что надежда, раскиданы на одном животе великана. Они окружены двойным рядом проволоки. Над проволокой вышки, а в них стоят тулупы охранителей с ружьями. И еще в особом помещении собаки — немецкие овчарки. Ловить бегунов...¹

Трагедия вторая — война, а для героев нашей книги — ленинградская блокада. Войной был пропитан воздух того времени, и это грядущее уже отбрасывает тень вперед.

Представим теперь второго участника переписки, открывающей нашу книгу. Ирина Алексеевна Потапова, филолог, специалист по английской лексикологии и готскому языку, всю жизнь скрывала свое происхождение: её отец — военный дипломат, генерал-майор, герой Первой мировой войны, после революции был «забыт» в одиночной камере. «Папочкой» Ирина Алексеевна звала отчима своей мамы, воспитавшего и её, — Афанасия Никитича Михайлова. Возможно, именно такие — не родовитые, а самые простые по звучанию — фамилии (Потаповы, Михайловы) помогли выжить большей части семьи. Подруга Ирины Алексеевны с «неправильным» происхождением — дочь дьякона — неудачно бросилась с Литейного моста в Неву и еще два года мучительно умирала.

В конце 1939 году 35-летний Владимир Васильевич и 25-летняя Ирина Алексеевна познакомились в Ленинграде. В городе Стерлигов бывал только наездами: после освобождения из Кар-

лага действовало предписание «минус шесть» — запрещение жить в столице и крупных городах; в Москве и Ленинграде он мог бывать только нелегально (но в те же годы ему удалось получить работу именно там — на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке или в ленинградском Театральном музее).

И Стерлигов, и Ирина Алексеевна были несвободны: в середине 1930-х сослана, затем арестована и неизвестно когда и где сгинула гражданская жена Стерлигова Лидия Ивановна Мейснер-Эренберг. Муж Ирины Алексеевны Александр Иванович Бородулин отбывал пятилетнюю ссылку. Эта несвобода придавала роману ещё большее напряжение.

Редкость и краткость встреч, как и статус ссыльного (необходимость для Стерлигова отмечаться в милиции по месту прописки за 200 километров от Ленинграда) ограничивало общение почти исключительно перепиской. Стерлигов написал несколько десятков писем, Ирина Алексеевна, как можно судить, значительно меньше.

В 25 публикуемых ниже письмах художник и поэт через «опровержение» слова боролся с ложью в «изречённой мысли»: «то, что пишу, всё-таки — хуже, чем не писал бы». Но и находил возможность высказать самое заветное:

А у меня интуиция и насмерть уверенность, что Вы — моя любушка пока не помрем, потому что Вы мне — это дело, дело, дело жизни и всего, что Выше. Фу ты, Бог мой — ничего не скажешь (письмо 1).

Временами было не избежать упадка духа: «*Все-таки безумие, что я здесь*» (письмо 1), «*горько, что я такой, со своим проклятием, и ничего не имею*» (письмо 10). Но преобладает в письмах императив делания, творчества во вселенском масштабе: *Милушка, ух*

как хочу работать, не только руки чешутся, а и пятки. Книг хочу! Читать, писать, рисовать, работать. В Выборг? — В Выборг. В Крым? — в Крым. На луну. В Аддис-Абебу (письмо 11).

В письмах посылались стихи, рассказывалось о сочинённом, о написанном после встречи, на пути «к себе» в деревенский дом, где друг и собеседник — настольная керосиновая лампа (письмо 11).

Именно в это время писался и переписывался «Пир королей», самое значительное поэтическое сочинение Стерлигова тех лет. Это было главным в жизни и в переписке.

Когда Вторая мировая война подошла к Ленинграду, Стерлигов в составе артиллерийского полка держал оборону на Карельском перешейке, в январе 1942 г. был тяжело контужен, в мае получил разрешение на эвакуацию из блокадного Ленинграда. По законам того времени он имел право взять с собой из осажденного Ленинграда одного человека. Но Ирина Алексеевна отказалась — не могла оставить родителей. Здесь могут быть и иные мотивы или недоразумения, но они нам неизвестны. Стерлигов оказался в Алма-Ате, где начался совсем другой период его жизни.

Катастрофа разразилась и ... нас разбросало в разные стороны (письмо 26).

Эта горестная строка из последнего, прощального письма Стерлигова к Ирине Алексеевне 1943 года не только завершила переписку, но также оборвала творчество поэта, имя которого ещё при его жизни могло бы стоять рядом с именами Хлебникова, Заболоцкого, Хармса, Введенского². Расставшись с той, кто была его музой, Стерлигов навсегда отказался от сочинения стихов. Что означает эта утрата?

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ РАБОТНИКОВ ИСКУССТВ

ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ

452950

ФАМИЛИЯ *Стерлигов*

ИМЯ, ОТЧЕСТВО *Владимир*

ГОД РОЖДЕНИЯ *Васильевич*

ПРОФЕССИЯ *Художник*

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ СТАЖ *с 1920г*

ГОД ВСТУПЛЕНИЯ В СОЮЗ

ГОД ВСТУПЛЕНИЯ В ДАННЫЙ СОЮЗ *5/V-1945г*

ПОДПИСЬ ЧЛЕНА СОЮЗА *В. Стерлигов*

НАИМЕНОВАНИЕ ПРОФОРГАНИЗАЦИИ *Сектор Союза сов. Художников*

ДАТА *5 мая 1945г*

ПОДПИСЬ *В. Стерлигов*

М. П.

Членский профсоюзный билет В.Стерлигова. 1945

Можно, вслед за Бердяевым, печалиться, что русская история, русская культура, особенно XX века, не закончена, не завершена, прерывна. А можно задуматься о значении в ней поражения: поражение новгород-северского князя вызвало к жизни «Слово о полку Игореве», поражение под Аустерлицем — первые книги «Войны и мира», поражение в Крымской войне — «Севастопольские рассказы» Толстого. А преждевременная кончина Пушкина, а неожиданная смерть Скрябина, накануне замысленного им высшего свершения, которое должно было теургически преобразовать вселенную?

Читая письма Стерлигова и немногие, очень немногие фрагменты его поэтического наследия, следует, быть может, думать не об утратах, а об этом необычном поражении, — о том, что уничтоженные или пропавшие без вести рукописи, работы, оставшееся под спудом, не воплотившееся полностью творчество — ушли под землю, чтобы каким-то нам ещё неизвестным или неясным образом реализоваться в чём-то ином, нами ещё не опознанном... Хотя бы стать открытием для читателя, который первый раз прочтет публикуемые ниже эти письма и стихи. Случайно ли современник Стерлигова, философ и социолог Фёдор Степун, назвал одну из своих самых известных книг — «Бывшее и несбывшееся», стремился поведать о том, что «зачалось и быть могло», но не осуществилось?..

Утверждение высшей ценности через отрицание, через преодоление «ничто» — глубинная ось петербургского символизма и вышедших из него футуризма, акмеизма и других художественных течений. В основе было евангельское «не оживёт, если не умрёт». Ленинградские обэриуты смогли заострить этот пара-

докс через иронию и самоиронию. Ключ к картине мира Стерлигова — в этих кричаще интимных, личных, и одновременно профетических строках, написанных летом 1941 г. после известия о начале войны: *Фу, как все плохо. До смерти глупо. Нету Вас, и всё. Говорил, что так — нету. Десять тысяч зверей! Кругом чёрт знает что, кругом война, всё гибнет, человек и так проходящий, а сейчас он вовсе не существует, ему и нельзя быть им, ничего установить нельзя, он прострелен пулей, дырка в нём от снаряда, и уже сейчас, пусть под смех, каждый должен населять мир и радость всем, чем может, если всё обречено на гибель, значит в мире властвует любовь* (письмо 18).

Это не просто яркий парадокс, — перед нами религиозно пережитое представление о трагической сложности бытия, о решительном «да», сказанном этому миру в момент его кажущейся гибели, об ответственности творческой личности перед Богом. Подобного рода антиномии в переписке мы встречаем не раз — речь в них идет о преобразении жизни (центральный императив петербургских символистов), но выражены они нередко через острую самоиронию (сказывается лагерный опыт): *Мне так органически потребно воевать за радость, которая ведёт и людей и самого постоянно вверх, она такая необходимо чистая и светлая и такая постоянно сильная, что, конечно, кажешься многим глупым бараном и, очевидно — смущаешь. Всё на свете бывает. А в грусть и уныние всё-таки идти не хочу, пусть лучше буду бараном. А чем же брать ужас, горе и бесконечные страдания? Они только тогда в смысле, когда побеждены радостью. Это Творчество Жизни* (письмо 8).

...чем кругом труднее, тем сильнее внутри, потому что такая трудность дана именно каждому в отдельности и обоим вместе и надо взять её с искренним веселием и легкостью (письмо 15).

Вопит человек жизнью своей от смерти. Пощады нет. Трясёт побегодня лихорадки каждого. Бьет биологию дух. Ритм сражения не на живот, а на смерть. Победа? Верим в неё и её умерщвляем. Что ты есть — только для тебя не истина (письмо2).

Христианским по содержанию, иронично-смирненным по форме оказывается у Стерлигова осмысление природы: Вечер вчера был, и ночь. Шёл по дороге, тёплой, плотной, зелёный овраг, речка внизу, кусты на том берегу, за ними поля и лес, легкий туман над рекой и тепло, тепло, даже душно, а в кустах, конечно, пошляк соловей щёлкает, и всё кругом, как и сам — похоже на храм. Сам несёшь здоровенный храм (письмо 13).

В заключение необходимо рассказать, как возникла эта книга. Незадолго до своей смерти моя крёстная Ирина Алексеевна, передала мне письма и приложенные к ним миниатюрные наброски Стерлигова, также моего крёстного. Уже после смерти И.А. ещё одно письмо чудесным образом нашёл ученик Стерлигова и мой старый друг Алексей Гостинцев. Исключительный характер этих документов был понятен. Но необходимо было найти им соответствующий контекст, в первую очередь найти жизнеописание И.А., принадлежащее её современнику. Такие воспоминания написал воспитанник Ирины Алексеевны Илья Кокоскин. Через несколько лет обнаружилось незавершённые воспоминания самой И.А., которые она писала в свои последние годы. Наконец, событием стало появление в 2010 году в американском искусствоведческом журнале никогда не пу-

бликовавшихся стихотворений Стерлигова 1930—1940-х годов. Некоторые из них обсуждались в переписке Стерлигова и Потаповой или читались Стерлиговым Ирине Алексеевне; многие из этих стихотворений были вписаны в заветную тетрадь, бывшую некогда собственностью И.А. и затем ею утраченную (в ее воспоминаниях есть упоминание о том, что Стерлигов тетрадь у нее забрал). Эти стихотворения образуют смысловой центр книги.

- ¹ «Дух дышит, где хочет...» Владимир Владимирович Стерлигов. Выставка произведений. Каталог. Статьи. Воспоминания. СПб. 1995. С. 26.
- ² См. письма 8 и 15, где сообщается об оценке поэзии Стерлигова Введенским и Хармсом.

Ирина Стерлигова: Про эту книгу

Владимир Васильевич Стерлигов — был человеком необычным, «яркой, сильной личностью, легко увлекающей в поле своего притяжения других»¹, как написал его друг, режиссер и драматург Евгений Сперанский. К великому сожалению, с самим мастером я знакома не была — вышла замуж уже после его смерти за его племянника, москвича, историка искусства Андрея Борисовича Стерлигова. Но вдовой Владимира Васильевича, Татьяной Николаевной Глебовой, была принята и за своего человека признана. Их дом в Петергофе, прекрасный и серьезный, взыскательный по духу, сохранялся неразоренным вплоть до 1990 года, пока была жива младшая из сестер Глебовых — Людмила Николаевна.

А потом мы с мужем оказались хранителями части творческого наследия Стерлигова и Глебовой, на наших стенах висели их картины, в ящиках под кроватями, на которых спали дети,

Ирина Анатольевна Стерлигова — историк искусства, медиевист.

лежали папки с графическими работами. ВВС, как прозвали художника его ученики, с его захватывающей энергией незримо оставался в доме требовательным членом семьи, никаких там сю-сю — всё невольно мерили его мерками.

Жизненная сила присуща и всему его наследию, вплоть до малейших почеркушечек, писем и записок. Потому что «при естественной веселости нрава, Владимир Васильевич ко всем явлениям жизни относился с высочайшей серьезностью и ответственностью»². Тот, кто хоть однажды его видел, помнил: «его присутствие пронизывало жизнь насквозь»³, было «ожиданием чуда, которое он вот-вот совершит»⁴.

Меня, тоже историка искусства, занимающегося Византией и Древней Русью, он все эти годы держал за шкуру, пинал и не позволял лениться. Так при содействии добрых людей нам с Аллой Васильевной Повелихиной, искусствоведом, входившим в «ближний круг» художника, удалось опубликовать хранящиеся у нас произведения и переданные мне разными людьми письма Стерлигова⁵. Его наследие, долго остававшееся под спудом, с препятствиями и приключениями прорастало, выходило к людям. Вот и эта книжица пробивается с незримой помощью ее героев — Владимира Стерлигова и Ирины Потаповой.

Но обо всем по порядку. С начала 1990-х годов Русский музей, а именно работавший там Евгений Федорович Ковтун, историк искусства из ближайшего окружения художника, стал готовить большую выставку Стерлигова и его учеников. Помимо каталога⁶, Евгений Ковтун и мой муж Андрей Стерлигов замыслили издать книгу, в которой планировали собрать и произведения ВВС, и воспоминания о нем⁷.

В 1996 году на открытии этой выставки в музее к нам подошла изящная седая дама, доцент Ленинградского университета — Ирина Алексеевна Потапова. Узнав об этих планах, она настойчиво приглашала к себе, рассказала, что читит Стерлигова и многое о нем знает. Но надо было возвращаться в Москву, да и в той квартире-коммуналке, куда нас приглашала Ирина Алексеевна, мы неоднократно бывали. Там жил наш большой друг Александр Борисович Батурина, один из первых учеников художника. Жена Батурина, любимая нами Мария Александровна, некогда была замужем за Мстиславом Николаевичем Потоцким, вторым мужем Ирины Алексеевны. Отношения соседей были корректными, но нам тогда не совсем понятными. Словом, мы не решились принять приглашение. Время шло. Не стало Мстислава Николаевича, потом и Ирины Алексеевны, самих Батуриных, а вскоре и моего мужа.

Через несколько лет я была приглашена Андреем Борисовичем Шишкиным в Рим, работать над каталогом произведений художника-эмигранта А.Я. Белобородова, хранящихся в Римском архиве Вячеслава Иванова. Однажды я случайно увидела на архивных полках коробку с надписью «В.В. Стерлигов» и буквально остолбенела. О связях Шишкина со Стерлиговым я тогда ничего не знала. И уже наутро, с разрешения Андрея Борисовича, стала читать бумаги из заветной коробки — это оказались письма к Ирине Алексеевне Потаповой. Той самой Ирины Алексеевны, что так хотела рассказать нам с мужем о Владимире Васильевиче! Стерлигов, как в те времена и многие другие ленинградцы, несколько лет провел в лагерях после убийства Кирова и был до конца жизни невыездным. Лишь посмертно в конце XX века он попал в Рим: Ирина Алексеевна Потапова, желая со-

хранить письма, передала их своему крестнику, Андрею Шишкину.

Набирая тексты писем на компьютере, писем, часто написанных уже еле заметным карандашом, досадуя, что многого не знаю или не могу понять, я буквально переселилась в 1940 год. Через какое-то время нашлось последнее, прощальное письмо Стерлигова к Ирине Алексеевне. Обнаружилось случайно, уже после ее ухода из жизни, среди лежавших на полу ее комнаты бумаг, приготовленных для отправки на помойку. Его чудом заметил художник Алексей Николаевич Гостинцев, хорошо знавший почерк своего учителя. Горестная и светлая история, начавшаяся в конце 1939 года, завершилась почти через семьдесят лет.

Пронзительные по тону письма и записки предвоенных лет, передававшиеся друзьями, не предназначались для чужих глаз. Иные, более сдержанные письма писал Стерлигов с фронта. Они, как и «бодрые» письма Ирины Алексеевны из блокадного Ленинграда, проходили военную цензуру. Но и те, и другие были переданы в Рим именно для публикации. Стали думать об издании. За составление книги взялся сам Андрей Шишкин, а подготовкой писем к публикации — петербургский филолог Ольга Леонидовна Фетисенко, также крестница Ирины Алексеевны. В Петербурге я разыскала Илью Александровича Кошкина, приемного сына Ирины Алексеевны, также включившегося в работу. Среди бумаг ВВС, переданных когда-то моим мужем в архив Русского музея, нашелся маленький блокнотик с рисунками и стихами. Он явно был связан с адресатом писем ВВС. Стал помогать и художник Александр Георгиевич Траугот, крестник Людмилы Николаевны Глебовой. В книгу вошли

его воспоминания и рисунки. Советами и фотографиями поделилась Татьяна Николаевна Цивьян, выдающийся московский ученый-славист, родственница Ирины Алексеевны. Московский искусствовед Екатерина Иноземцева написала статью о Стерлигове-художнике. Так именем Владимира Васильевича собирались в единый круг его друзья и ученики, единомышленники и воспитанники, крестники и родственники. Подготовка издания оказалась делом небыстрым, но за прошедшие эти годы мы все подружились и сблизились.

Не так давно составитель книги А.Б.Шишкин справедливо решил включить в нее и стихи Стерлигова начала 1940-х годов, которые упоминаются в письмах. Большинство из них были опубликованы Е.С.Спицыной⁸ в малотиражном американском журнале и перепечатываются с любезного разрешения его издателя Джона Боулта.

Наконец, рукопись попала к Ирине Тархановой в издательство «Барбарис» и превратилась в КНИГУ. Теперь она перед вами. Слава Богу!

¹ Сперанский Е. Мой друг Владимир Стерлигов // Наше наследие. № 102/2012. С. 153.

² Там же.

³ Жукуська. Письмо Н.В. Александровой И.А. Стерлиговой 15 декабря 2009 // «И после квадрата я поставил чашу». Владимир Васильевич Стерлигов (1904—1973). Каталог. Статьи. Письма / Сост. М. Молчанова, Т. Михиенко. М.: Элизиум, 2010. С. 140.

- ⁴ Сафонов И. Мечты об оловянной ложке. Знамя. 2001. № 8.
- ⁵ См. прим. 3, а также: Пространство Стерлигова / Авт. концепции и сост. И.Кушенир. СПб., 2001 (Серия «Авангард на Неве»; Владимир Стерлигов. Цирк, полный искусствоведов. Галерея Проун, 20 марта — 20 апреля 2008 года / Кураторы выставки: Марина Лошак, Екатерина Иноземцева. М., 2008; Владимир Стерлигов. Живопись. Графика. 1960—1970 / Авт. концепции А. Повелихина. СПб., 2009; Геометрия природы Стерлигова. К 110-летию со дня рождения В.В.Стерлигова. Каталог выставки. Государственный музей истории Санкт-Петербурга, 20 марта — 20 апреля 2014 года. СПб, 2014.
- ⁶ «Дух дышит, где хочет». Владимир Васильевич Стерлигов. 1904—1973. Каталог. Статьи. Воспоминания / Вступ. ст. Е.Ковтуна. СПб.: ГРМ, 1995.
- ⁷ Этот замысел осуществить не удалось. Помимо фрагментов воспоминаний, вошедших в каталог 1995 г., см: Батурин А.Б. Воспоминания о встрече с В.В.Стерлиговым // Звезда. 1994. № 10. С. 189—196; Сперанский Е. Мой друг Владимир Стерлигов // Наше наследие. 2012. № 102, 103.
- ⁸ Experiment / Эксперимент: Журнал русской культуры. № 16: Шестнадцать пятниц: Вторая волна ленинградского авангарда // Изд. подгот. Елена Спицына: Los Angeles (USA), 2010. Ч. 2. С. 84—104.

An abstract collage on a light beige background. It features several dark, layered shapes: a large, curved, dark blue-grey shape on the left; a smaller, dark green square in the top left corner containing a red square with a white grid pattern; a dark green square on the right; and a dark brown, curved shape at the bottom. The word "Письма" is printed in a bold, black, serif font in the upper right area.

Письма

Ирина Потапова: Два письма к Андрею Шишкину

Dear Андрюшенька!

Посылаю Тебе этот черновик черновика. Вряд ли у Тебя будет время отредактировать его, но и не надо делать из этого что-то вроде моей статьи. Я не обладаю писательским талантом, и хочу, чтобы Ты использовал мои записки, когда будешь писать о Владимире Васильевиче как о Твоем крестном отце. Мой сосед, Александр Борисович¹, очень энергично занимается писанием. Его машинка стучит много, но он, наверное, пишет об В.В. как о художнике. Вряд ли он много знает о В.В. А так хочется, и так необходимо написать о В.В. — особом человеке, исключительно богатом своим внутренним духовным содержанием, о его мировоззрении, его добром отношении к людям. Я буду рада, если Ты сможешь использовать мою писанину.

Шлю сердечный привет и светлые пожелания Тебе и Твоей жене и счастливой семейной жизни.

Ир. Ал.

P.S. Мне было трудно писать — одолевали эмоции. Это был счастливый кусок моей жизни. Я благодарю Судьбу.

Почти кончался 1940-ой год², когда я пришла к художнице Анне Александровне Лепорской³ и увидела там нового для меня человека с большими добрыми глазами и короткими вьющимися волосами: это был Владимир Васильевич Стерлигов. Разговор быстро завязался, говорили о литературе и искусстве. Я тоже стала что-то с восхищением лепетать об направлении эстетизма. В.В. с улыбкой слушал меня и вскоре сам заговорил о Хлебникове, Хармсе и других, которых я не знала.

В.В., расхаживая по комнате, читал их стихи. Я застыла и со вниманием слушала, боясь пропустить хоть одно слово. А затем он начал читать свои стихи. Для меня открылся новый мир. Всё перевернулось во мне. Я поняла, где настоящее искусство.

Особенно сильное впечатление произвело на меня его стихотворение «Пальто» — кусочек его жизни. В.В. только что вернулся из тюрьмы и еще не имел своего дома. На нем было тяжёлое драповое пальто, подаренное любящими друзьями. Как-то поздно вечером В.В. шёл по Москве, смотрел на светлые окна и думал — у всех есть гвоздь, крюк, вешалка, чтобы повесить пальто. Так родилось это полуавтобиографическое стихотворение.

Я ушла от Лепорской поздно ночью под большим впечатлением. В.В. полностью овладел моими мыслями, стремлениями, всем моим существом. Мне хотелось всё понять, появилось новое отношение к литературе и искусству. Мы стали часто встречаться на улице, в доме, в кино, в театре. Мы много говорили. В.В. особенно воспринимал окружающий его мир. Он обладал

огромным духовным богатством и огромной внутренней силой. Общение с ним всегда оставляло большой след.

В.В. с большой добротой подсмеивался над моими высказываниями, с юмором что-то рассказывал. Каждая встреча была не только душевной радостью, но и духовно наполняла меня — новые мысли, новые ощущения. Мы ходили в кино (особенно в маленький кинотеатр на Гулярной, 2⁴, в одноэтажном здании с колоннами), особенно часто в кукольный театр Образцова⁵, были на спектакле «Сирано де Бержерак»⁶. И каждый раз я с интересом слушала, как В.В. воспринимает действие, у него была исключительная сила передавать впечатления. Я мечтала о каждой встрече, хотела поделиться своими новыми мыслями и, главное, слушать его. В разговорах с ним складывались моё мировоззрение и моё внутренне «Я». Если мы долго, хотя бы два-три дня не виделись, я получала от него записочки или письма, иногда с приложением карикатуры на меня, тонко схватывающей мои индивидуальные особенности, мою натуру, своего рода дружеский шарж. Я с радостью читала, как он скучал без меня.

Наступила война, и В.В. был мобилизован на фронт. Ему пришлось уехать туда, где он был прописан — в Вышний Волочёк⁷. Мне запомнилось, как я провожала его на Московском вокзале.

Я изредка получала какие-то сведения о нём. Как вдруг уже в январе или феврале открылась дверь нашей квартиры и вошёл демобилизованный В.В. Он остался с нами, в общей комнате, где собирались все. Это было единственное место, где стояла буржуйка, обращенная в камин. Она отапливалась мебелью и могла согреть чайник с кипятком. Так мы переживали войну. Где-то в апреле⁸ В.В. уехал в эвакуацию, оставив мне

свою тетрадь со стихами. Я не могла уехать, оставив своих родителей.

Мы встретились уже, когда он вернулся и пришел к нам. Так было радостно. Он уже был женат на хорошей художнице⁹. Было такое счастье его видеть. Но радость омрачилась, когда он попросил вернуть ему тетрадь с его стихами¹⁰. Я с горечью отдала. Стихи я не переписала, к большому моему сожалению. Где эти стихи теперь? Как могла я отдать и не оставить себе переписанное?

1996 г.

My dearest Андрюшенька!

Уже после того, как я отправила Тебе черновые наброски о Владимире Васильевиче, я нашла еще письмо¹¹, и мне кажется, что оно очень кстати. Письмо это я получила из Москвы, где он тогда был. Он часто ездил в Москву, и я всегда получала что-нибудь.

В Москве жил художник Рождественский¹². Он также был учеником Малевича. В Москве у В.В. было много друзей — весь театр кукол Образцова, сам Образцов, а самый близкий друг был Сперанский¹³. Потому мы часто бывали в этом театре, и особенно было интересно быть с В.В. из-за его восприятия этого театра и постановок.

Он пишет стихотворение и просит меня сохранить его. Из письма видно, как он изголодался по работе («делать очень хочется, работать»). Он не мог ни писать, ни рисовать: нигде, жил

то у одних, то у других. Миска или Мисочка — это имя, которое он дал художнице Анне Александровне Лепорской, жене художника Суетина¹⁴. Они вместе учились у Малевича. В.В. после приезда из заточения жил у Лепорской. Там мы и познакомились. А.Лепорская и Н.Суетин были большими друзьями моей мамочки. Из этого письма видно и отношение В.В. к людям, с которыми он встречался. «Ну, все чужое на смерть» (эту мысль его я часто слышала). Шутил без конца, смеялся, иронизировал. Так и со мной — всегда шуткой, смехом, и душевно, и сильно.

Фонарик — это я, и «бегает» — это моя характеристика. Я всегда бегом, особенно на встречу. Очень характерен для него конец письма — собственное изображение. Мне кажется, что это письмо много говорит.

У меня к Тебе, Андрюша, большая просьба. В мои каракули, которые у Тебя, вставь пожалуйста перед словами «он писал мне» — «своим совершенно особым почерком».

...Что можно добавить из того, что я вычеркнула из своего черновика. В.В., приехав из тюрьмы, не имел постоянного места жительства, своего дома, и жил у друзей, то у одних, то у других, и, видимо, не всегда это было для него радостно. Мы поехали на станцию Дибуну¹⁵ и сняли комнату на втором этаже, перевезли весь скарб для постели и даже керосинку. Но В.В. почти там не бывал. Я поняла, что он не может жить один...

Я благодарна В.В. за все встречи, за все, что я получила от него, за отношение к искусству, к жизни. За все, что я смогла воспринять от него и пронесла через всю жизнь. В.В. — человек величайшей внутренней силы, огромного душевного богатства.

Андрюшенька! Я думаю, больше ничего не надо... Я буду рада, если Тебе пригодится что-нибудь из моих писаний. Делай так, как считаешь нужным.

А теперь шлю Тебе светлые пожелания и всей Твоей чудесной семье всего радостного, взаимной большой любви и житейского процветания.

Поцелуй от меня Машеньку, маленькую Катрин и Петю¹⁶.
Всех благ.

Yours Ирина Алексеевна

Если что нужно еще, пожалуйста, передай через маму¹⁷. Может быть, надо что-то исправить или изменить? Прости за грязь и почерк. Сейчас нашла ещё письма. Если что со мной случится, то оригинал письма вложен в красный Deutsch-Russisch¹⁸ словарь.

1996 г.

- ¹ Александр Борисович Батури́н (1914—2003)— петербургский художник, ученик В.В.Стерлигова.
- ² Ряд деталей в письмах Стерлигова позволяет предположить, что И. А. не точна и знакомство их состоялось либо в конце 1939 г. (известно, что в 1939 г. Стерлигов работал в Ленинграде, оформляя выставку в Театральном музее; ср. ниже упоминание о том, что Стерлигов «после приезда из заточения» остановился у Лепорской), либо не в конце, как

говорит И. А., а в начале 1940 г. Эти детали – упоминание о скором юбилее Шумана, о выставке Маяковского и др. Ср. также: одно из стихотворений Стерлигова, посвященных И. А., датировано октябрём 1940 г.

- ³ Анна Александровна Лепорская (1900—1982) — художник по фарфору, дизайнер, график. Жила в одном доме с И. А. на улице Некрасова, 60 в кв. 87.
- ⁴ С 1952 г. Гулярная ул. (б. 1-я Введенская) называется ул. Лизы Чайкиной. И. А. позднее поселилась здесь, выйдя замуж за М. Н. Потоцкого. Двухэтажный дом в стиле неоклассицизма, снесенный в 2011 г. под будущие постройки Академии танца Б. Эйфмана, был построен в 1913 г. архитектором Ф. А. Корзухиным для кинематографа «Ассамблея». В 1918 г. здесь был устроен 1-й Пролетарский театр (однако на афишах того времени еще сохранялось название «Театр “Ассамблея”»). В 1924 г. кинотеатр носил название «Леший», в 1928 – «Искры», в 1933 г. – «Горн», позднее в здании разместился клуб фабрики «Светоч». В 2013 г. было построено новое здание с воссозданным неоклассическим фасадом. В описываемое И. А. время на Гулярной жил друг Стерлигова Олег Карташев. Возможно, этим объясняется то, что Стерлигов и И. А. посещали кинотеатр, находившийся так далеко от Бассейной улицы, где она жила.
- ⁵ Сергей Владимирович Образцов (1901—1992) – актер и режиссер, основатель и руководитель московского Театра кукол, получившего впоследствии его имя.
- ⁶ Имеется в виду постановка пьесы французского поэта и драматурга Эдмона Ростана (1868—1918) «Сирано де

- Бержерак» (1897) в Ленинградском театре им. Ленинского комсомола (1941, реж. В. Н. Соловьев).
- ⁷ На самом деле В.В.Стерлигов был прописан в Малой Вишере.
- ⁸ Стерлигов уехал в Алма-Ату в мае 1942 г.
- ⁹ Татьяна Николаевна Глебова (1900—1985) — живописец и график.
- ¹⁰ Судя по письмам И.А. 1943–1944 гг. (см. с. 000, 000 наст. изд.), эту тетрадь Стерлигов забрал не по возвращении из эвакуации, а перед отъездом в Казахстан.
- ¹¹ Речь идет о письме 2.
- ¹² Константин Иванович Рождественский (1906—1997) — художник-супрематист, график, входил в число практикантов Казимира Малевича в ГИНХУКе. Вместе с другими учениками Малевича, Л.А.Юдиным и В.В.Стерлиговым образовал творческую группу «живописно-пластического реализма, в которую входили также В. М.Ермолаева и А.А.Лепорская.
- ¹³ Евгений Вениаминович Сперанский (1903 — 1998) — актёр, режиссёр и драматург театра кукол, один из основателей Государственного центрального театра кукол. Дружил со В.В.Стерлиговым со школьных лет.
- ¹⁴ Николай Михайлович Суетин (1897–1954) – живописец, график, художник по фарфору, главный художник Ленинградского фарфорового завода (с 1932).
- ¹⁵ Дибуны – поселок в 24 км от Петербурга по направлению к Выборгу, ныне часть пос. Песочный в Курортном районе Петербурга.

- ¹⁶ Мария Борисовна Плюханова — филолог, профессор Университета в Перудже, жена А.Б.Шишкина, Екатерина и Петр — их дети.
- ¹⁷ Яшвили Ангелина Давидовна (1918–2004), преподаватель английского языка, мать А. Б. Шишкина, подруга И.А. Потаповой (Нелличка).
- ¹⁸ В немецко-русский словарь были вложены четыре письма Стерлигова (1, 21, 22, 23 по нашей нумерации). Сейчас они хранятся семье Кокошкиных в Петербурге, в отличие от основного комплекта писем, переданного И. А. в Рим А. Б. Шишкину.

Владимир Стерлигов и Ирина Потапова. Письма

1.

*Владимир Стерлигов — Ирине Потаповой**

Зима 1939 — 1940 гг., Ленинград

Говорил только что с Мисс¹, скорей Вас, пока нет — хоть написать. Вы мой любимый светлячок, ничего кроме Вас нет, то, что узнал — оставить нельзя, выкинуть весь мусорный ящик, жизнь — подарок, светлый и чистый. Вот до чего хорошо все, любимая моя светлушка, ну пусть все будет благословлено, такая радость, такая радость внутри, конечно, Бог есть и он нам все посылает, а мне Иринushку Алексевнушку милую, любимую, чтобы я сделал ей все, что мне положено. Духа, духа, радужка, если бы Вы понимали, если бы чувствовали, что это чудо, любимая, хорошая, своюшная душенька.

* Письма с 1 по 24 адресованы Владимиром Стерлиговым — Ирине Потаповой

Совсем не то хотел сказать, но и и это тоже. Вот как мало можно, хоть десять томов, хоть страница — все мало.

А у меня интуиция и насмерть уверенность, что Вы моя любушка пока не померем, потому что Вы мне — это дело, дело, дело жизни и всего, что Выше. Фу ты, Бог мой — ничего не скажешь. —

Дусеньш — так люблю Вас и из-за Вас все, что готов хоть чуть-чуть выкинуть немножко, потому что детеныши такие жадные и такие любушно-глупые, такие ребятенки, что хоть лопнуть. Кажется, начинаю понемножку тоже ненавидеть.

Теперь моя очередь в бесконечной боли за Вас, но я буду разрушать ее причины.

У Миски. Светлячок ушел.

Несказанушка, измученная пчелка, так больно за Вас, так хочется спрятать светлячка, чтобы он отдохнул, чтобы он выспался, чтобы он был совсем, совсем здоровый. Спит ли сейчас маленький ребенок? Ведь уже 2 часа. Неужели нет? И так беспокойно за светленькую. Что у нее сейчас дома? Ну пусть маленькая спит уютно и хорошо. Духа, если Вам будет вдруг плохо на душеньке или вообще плохо — скорей, скорей бегите ко мне.

А дедушка вдруг упал духом. Все-таки безумие, что я здесь. Ну, ничего, только бы светляки были.

И как это маленький сказал: к сожалению? Ах, если бы он понимал и знал, что к радости. Значит у маленьких не так?

А я смотрю книжку детенышей: Эрмитаж. А она со мной, и я рад, а потом нашел светлячка, сидит и смотрит.

Сижу на концерте в филармонии². Бетховен, Мравинский³. Как сильно, слушать и любить свою маленькую, думать о ней.

Вон какое искусство, и, только потихоньку скажу, только [совсем совсем: первый] раз увидел и был в [зале: слушал / родная. Родная <далее зачеркнутые полторы строки нрзб.> внутри все готово. И как-то какое-то тут <?> подрастает такой весь <?>]

2.

Февраль 1940 г., Москва

Записки сумасшедшего?

Кто? Несуществующее. Вопит человек жизнью своей от смерти. Пощады нет. Трясет побегодня лихорадки каждого. Бьет биологию дух. Ритм сражения не на живот, а на смерть. Победа? Верим в нее и ее умерщвляем. Что ты есть — только для тебя не истина. Сам себе так скажешь, потому что существует движение, которого нет. Есть то, чего нет. Все-таки это лучше чем «правдивая» галиматья французского философа⁴.

Дни всякие бывают. Как груша — пахнут ею, как бумага — рассказ Мопассана, а бывают железные: оббита грудь панцирем. Вот тогда всё — как палач перед виселицей:

Гей! Посмотрите, над жирным закатом
Самое нежное взял и повесил,
Завтра ж слезами прощальной молитвы
Будет стараться в напрасном усилье
Где-нибудь сбросить красные руки...
Кто хочет слушать, как в ночи
Летают красные ладони?
Как мокрый ветер с моря гонит

Стада им выщербленных звезд
 И как монах в Великий пост
 Стоит притихшее страданье,
 Глаза измучивши молчаньем?
 Ты не груби, идущий мимо!
 Смотри, как птичка сиротливо
 Поет над сломанным гнездом,
 Поет над умершим птенцом.
 Но знай: жестокость нам дана
 Подарком доброты неглупой,
 Так истина искажена
 И ты ее ни с чем не путай.

Ну вот, стало легче. Скинул камни. Прошу Вас, не обращайтесь внимания. Очень прошу Вас никому не показывать. Миске можно. Не знаю еще, что это такое, что можно сделать. Пока вышло насыро из-за того, что день был уж очень лихой. Плоховатый!

Есть Иринушка Алексеvнушка? А?

Боюсь, что Вы бог знает что подумаете из за написанного. Не надо. Если можно, сохраните эту бумажку, м<ожет> б<ыть> мне понадобится.

Сколько надо сделать. И с каждым днем все больше кажется. Кажется, четыре года писал бы не вставая, сколько надо. И работать надо. Чтобы стол был, книги, и чтобы фонарик⁵ бегал и светился там, где ему надо, как он хочет, а иногда сидел бы и лучился светлячком. Вот теперь уж правда простите за эти бесполезные мечты.

Из того, что написал, выходит что-то вроде: «добрый палач»⁶. Не знаю еще, как будет. «Пир»⁷ — стоит. Работать надо над ним.

Только что получил Ваше письмо. Вот что: записку Олегу⁸ я вложил, в какое письмо не помню. Но очень важно, получили ли ее? Вы пишете, что нет. Очень странно. Подумайте получше и скорее известите меня, до двадцать четвертого. Обязательно. Понимаете? Очень важно. Иначе не поеду. Ну ладно, пусть, раз так. Вот, как говорил, теперь пошло мне доставаться от Вас. И правильно. И еще будет: ну, мне только терпеть. Духа, только не так уж я виноват. Умираю от смеха, от путаницы: я понял, что Вы об моем легкомыслии говорите! Ну сейчас же и перевернул. Конец! Вырыли могилку и похоронили. Больше я не буду. Фу, как обидели фонарика. Мы этого деда прогоним в поле, пусть уходит: а дождь бьет ему в спину. Какой злой старик.

Знаете, что мне кажется хорошо: то, что Вы говорите, а потом: «все не так». Вот это верно, и тогда и Вас понимать можно. Одно и то же. А вот, что «постараюсь не писать» — такими шедеврами, думаю, заниматься не надо. Вам искусство дорого? Значит надо всегда, везде и во всем работать. Благодарю все живое, что Вы есть. А за Ваши последние слова — правда это.

Конечно, что ни сделаешь, ни скажешь — все не так, потому что все лучше. И делать можно еще лучше, чем делаешь. Пределов-то нет.

В том и радость.

А из-за Вас эгоистом стал нивесть каким. Умираешь со смеху, а кажется, что ничего нету, кроме того, что блестит внутри и сверкает для себя всех и вся. Так и хочется каждого прохожего взять за ноги и поставить на голову: не так ходишь! Вчера был у знакомых. Пир был. Литераторы какие-то, музыканты и балеринки из Большого. Ну, все чужое насмерть. Оттого смеялся им прямо в лицо, глупости говорил, шутил до бездарности и доехал

Записки сумасшедшего?
 Кто? Негушестьбутоиде. Вбипит' теловак
 жизнью своей от смерти. Поцеди митт.
 Прдеит победителю лихорадки кандидо. Бвст
 биологичн дух. Ритм срешени: конамибот, а
 на смерти. Победа? Варим в ней иеиуирицвва
 ом. Это ти есть - толкоко да твва не истина.
 сам себе так скашеиш, потому что существуйт
 двишние, которого митт. Есть то, голо митт.
 все таки это лучше тем, "правдивая" галиматв
 оранцузского филолога.

Дни везие бвбавит. Как груда - галматв, как
 бумага - рассказ Мотасана, я бвбавит желуны:
 оббита груди танцарем. Вот тогда все - как
 пала парад ввселивай:
 Гой! Посмотрите, над широким закатом
 самое нежное взл и твбвек,
 завтра ит слезами прощальной молитвы
 будит стараете, в натрасном уеиба.
 Где итвудь еброситв красные руки...

Кто хочет слушат, как в ноги
 летают красные ладони?
 Как мокрой веттер с мор, тонит
 стада ии вонцербленных звезд
 и как монах в великий поет
 етотит приплкшее страдаие,
 глаза излучивши молтабем.
 Ты на губи, идущий мимо!
 смотри как пттизка сиротливо
 поит над сломанным гнездом,
 поет над умершим пттемном.
 Но знай! Жестокость нам дана,
 подарком доброты неглупой,
 так истина иеилицена
 ити се иеиель не твтай.

Ну вот, стало легче, скинул камни. Прошу Вас,
 не обращайтесь внимания. Отко прошу Вас
 никому не показывать. Лице можно. Не знаю где
 это это такое, это можно сделать. Пока

до того, что они заорали «качать» и бросали под потолок. Самито они вино пили и мороженный торт какой-то ели. Конечно, ни того, ни другого не трогал.

А сам все время думал: фонарик бегаёт в хорошем городе.

Милушка, простите за то, что сделал больно, мне очень больно, что я нехороший, как Вы говорите. Ну, а если я больше не буду? А Вы сами злая и злопамятная. Вот! Делать очень хочется, работать. Черт знает что.

Ну, опять: накатал три версты и ничего не сказал. Все не так. Всех благ. Мисочку поцелуйте. <Далее одно слово густо зачеркнуто и нарисован человечек с двумя букетами в поднятых руках>

3.

Февраль 1940 г., Москва

Фонарик светлый!

В ужасе из-за своего последнего письма. Бог знает, как и что поймете. Нельзя было такого писать светлячку. Но ведь кому же? Все-таки нельзя было. А письмо уже получил о «дедушках», что думает о детенышах⁹. Как все как раз. Но Вы поймете так, как надо, уверен. 20-го сдаю три литографии. Послезавтра дадут снимок Рентгена¹⁰. 24-го — ту, ту-ту! <нарисован паровозик с дымящейся трубой>

А я все время помню, что сказал светлячок на вокзале. По всем лестницам хорошего города подымаюсь на коленцах. Вот высоко! А как же бегать? Костылишки приделать? Нет! На ноги и

бежим. Совсем завалил светлячка письмами, даже стыдно, попробую удержаться немного.

Фу, какая нехорошая. Фу! Фу! А потом еще раз фу-у! Сама нехорошая, чего наговорила в письме? Всякого нехорошего. И хотя бы написали: о моем легкомыслиИ, а не иЕ, ну тогда туда-сюда еще. Милушка, простите, но мне страшно хочется смеяться с Вами, и язык все время чешется. Ведь мир же! Ведь фонарик вовсе не ужасный? А чем Вы ужасная? Скажите! Чем я ужасный, скажу..... Думал, думал и ничего не придумал. Ничего не знаю. Тут я ничего не понимаю. Пусть другой скажет, Мисс или Вы. А чем на самом деле ужасный — это своим положением. Вот это знаю. Тут даже пищать не имеешь права. Ни на что не имеешь. Ну, довольно.

А что Мисочка? Она совсем забыла. Вот здорово.

Почитайте стихи Р. Киплинга. В переводе даже видно, что на самом деле очень хорошо. Мне попалась книга 1936 г.¹¹.

Всего хорошего. Ужасно, что так много работаете и значит устаете Бог знает как.

Всех благ.

Вдруг мне кажется, что надоел Вам как редька.

А дедушки больше нет — он ушел.

Ох ты, забыл сказать, что страшно был рад открытке.

4.

Февраль 1940 г., Москва

Ирина Алексеевна, все время ругаю себя за письмо, у Вас и так хватит своего, а я написал Бог знает что. Воображаю, что думаете

В том и радости.

И из за вас Агонистом стал нивиситб камин.
Уширавше со смеху, а кашеитес, што нитело нити
Кроме того, што блевитит вкнутри и сваркаит
Дар себе, всех и все. Так и хогаете кашдого
прогоитого взитб за ноги и престаивитб на голову:
Нитак ходитб! Втора был ч знакомик. Пир
был. Литераторы какие то, музыканты и
балеринки из Волыного. Ну, все тушто по смерти.
Оттого смелее ии стрело в лицо, глупостти
товорис, шутитс до беззаконности и дохал до
того, што они зорали "изаитб" и бросали под поро-
лок. Сами то они вино тили и мороженнай
порит какой то али. Конечно, ни того, ни друтого
не трогал.

А сам все время думал: агонист богат в хорошем
городе.

Милушма, проститне за то, што сделал больно,
многотне больно, што я нехороший, как вы
говорите. Ну, а если я больше не буду?
А вы едми злас и злобамитне. Вотт!
Делаете отны хогаете, работатитб. Верит знает
это.

Ну, отчитб: наклитал три веретны и нитело не
сказал. Искнитак. Всех благ
Мисотку помянитне.

те. А письмо уже получил о «дедушках», что думает о детенышах. Как все как раз.

Сейчас сижу в больнице. Только что просветился. Все-таки язва. Ну и черт с ней. Завтра скажут, где и какая, лиловая или красная.

Снега сколько сыпется. Мятель.

Нет! Совершенно не хочу, чтобы хотя малая часть моих «тяжестей» падала на Вас. Да у меня их и нет. Это галиматья, а не тяжести. Без меня Вам хватит своего. А вот попрыгать, это я всегда готов. А письмо уже получил о «дедушках», что думает о детенышах. Как все как раз.

Вы пишете так, будто думаете, что весь Пир готов. Ничего подобного; он для меня — событие. Долго над ним работать надо. Т. е. «подкрадываться». Прислушиваться. И уловить момент в жизни, благополучный для него, Пира. А пока, что сделал — выкинул. Плохо.

В общем, как сами знаете, что ни скажете — все не так.

Только не всегда.

Думаю, очень хорошо знаем, когда так, а когда нет. Всегда так — когда точно выражено. А для этого надо много.

Хотел я еще сказать чуть-чуть о грамматике, но вместо этого:

Приседаю, приседаю
 День и ночь,
 Приседаю, приседаю —
 Сутки прочь,
 Приседаю, приседаю
 И устал!
 Приседаю, приседаю

И упал.
 Лежа трудно приседать,
 Значит надобно вставать
 И
 Приседать, приседать,
 Снова буду приседать —
 Господи! К старости дело клонится
 Когда ж приседание кончится?!

Пока что все, дальше сказать о грамматике духу не хватает.

Получил еще Ваше письмо. Лежу с бутылкой и думаю, думаю, думаю, а что скажешь? Молчать лучше. Все равно все погибает.

Вы спрашиваете, что скажет дедушка о том, что говорить и что нет детенышу?

Глупости все это. Сейчас встану и чернилами по белому —

Просидел полтора часа перед листом и ничего не могу сказать! Вместо этого «показывал» мозгами, т. е. думал и решил, что все уже и Вам понятно и нечего больше говорить. Полтора часа показывал сам себе кино и уверился, что все видели. Видали таких обалдуев?

Каждый человек — детеныш в чем-то, и мне кажется, что чем больше человек, тем он больше детенышной. (Господи, что со словом сделали!) И так просто все, ну Вы для меня детеныш, мне не хочется, чтобы кто-нибудь или что-нибудь делал Вам тяжело или больно, и не хочется своим отяжелять Вас, а хочется наоборот, сделать так, чтобы Вам совсем было легко и прекрасно. Больше ничего не буду говорить, потому что трех жизней не хватит. (Но, кажется, наоборот: наделал уже Бог знает сколько больного.)

Стоп!

Ударила мне в буйную мысль: батюшки, да Ирина Алексеевна сможет мне сделать несколько переводов стихов Киплинга, дословно, т. е. скроит, а я сошью. Можно Вас просить об этом? Очень нужно. Но ведь можно и Уордсворта и Кольриджа, всю Озерную школу!!!¹² Ох, черт возьми — мысле-е-ей! Стоп!!!!!!

Об язве вот что: слишком простая вещь, чтобы посылать закрытые письма. Снимок и описание уже на руках. Язва в двенадцатиперстной кишке. Я думал в семи — потому что семь лет веселья — оказывается нет. Тут какая-то таинственная арифметика. 25-го смогу лично показать все доктору, но вопрос в Вас: где и как Вас ловить. Буду у Олега¹³. А как Вас словить — не знаю.

Анют<иным> глаз<кам>¹⁴ расскажите, дня два назад написал ей. Передайте ей, чтобы она высоко подняла голову и топнула ножкой на все и на вся.

Да, да, да — стойте, погодите, вот что: А у детенышу никогда не бывает грустно и он никогда не хочет сказать о том дедушке? Ну вот видите, разве не детеныш? Милый, смешной фонарик! Стоп!!!!

Шлю десять тонн здоровья и три вечности энергии
«90-2-хлетние».

Ой погодите: Вы говорите, все не так? Ну и я скажу все не так! Т. е. такнетак, нетактак. Вы знаете, что Гейне отправился на тот свет, не сумев согласовать противуречия, и страдание от этого переселил в иронию. «Отравой полны мои песни»¹⁵. «Двойник» Шуберта¹⁶. М<ежду> пр<очим> скоро какое-то летие Шумана¹⁷. Вот бы послушать, кто будет петь у Вас.

5.

Февраль 1940 г., Москва

Дуда, нежнушка, милая, ну как Вы так говорите, что сердитесь на себя? Духа, невозможная радость, которую вытерпеть трудно, вот что эта жизнь! Жизнь светлая. И как ее надо беречь! Ведь душенька совсем любимая должна быть, ведь это как дыхание, ведь это никак и ничем назвать нельзя. Как же Вы сердитесь на себя?

Это очень, очень грустно и плохо и больно. Тогда что же мне делать? А я люблю, люблю, люблю милушку, Вас, всю Вашу жизнь, все, что Вы есть.

Вы говорите — писать. Не могу больше ничего писать, потому что все надо тогда писать.

Ясно? И как же ничего нету.¹⁸

Ах, любушка, душенька родная, какая Вы потешная. Где же хорошие, любимые, любимые фонарики? Ведь спрашивал, и все молчат, молчат. Хоть бы ответили, где светлячок? Есть лапки?

Вот тут я сержусь на себя: как так вышло, что я духе все, все, что у меня есть, без сожаления, с радостью, до без конца и — пишу, пишу, пишу, а мне хоть бы что. Вот за это на себя сержусь. Как это так вышло? А духа потому не может написать, хоть чуть — потому что скверная. Вот! Пишите лучше какому-нибудь инженеру¹⁹, а мне и не смейте! И на розовой бумажке пишите, нарядитесь в сиреневое платье и переламывайтесь и перепиливайтесь в три погибели. Вот интересная картинка будет, и инженер будет в восторге и шаркать ногами. А Вы-то, Вы-то переламываться будете! Как жаль: нету времени, обязательно карикатуру сделал бы.

Вот и пишите инженеру, а я буду образочку своему, Иринушке Алексеvнушке, которой нету, которая молчит, буду ей писать и обо всем вместе разговаривать, и оба вместе все знать, и оба будем счастливы, а настоящей Ирине Алексееvне Потаповой, гражданке, педагогу, писать больше не буду. (Т. е. конечно буду! Не хотел бы, а буду... А может и стерплю.)

Ах, духа, если бы Вы знали только, как мне трудно, и именно как и в чем, как иногда до ужаса, скорее надо лапку, если она совсем моя, чтобы хоть немного прикоснуться, чтобы жить. Вот и поняли бы тогда без прикрас, что Вы мне жизнь и есть, Вы мне и воля и радость²⁰, и зачем жить и для чего и что делать, вот это Вы жизнь и есть. Вы моя любушка.

Духуха, милый, мохнатый дусеньш — будем мы беречь такую любушку или нет? Отвечайте мне скорей, нехороший, любимый ребеночек.

6.

Февраль 1940 г., Москва

Иринушка Алексеvнушка.

Сколько солнца-а! Небо синее, синее. Работаю, гляжу в окошко, а рядом вот этот лист: нет, нет и скорей хоть два слова. Иначе не могу. Никак. Сам не знаю, как поспеваю. Это Вы. Не я, а Вы не особенно балуете письмами. Все наоборот. Милушка, пишите больше. Обо всем.

Нисколько не сержусь на себя за то, что все время думаю о Вас. Мне тоже страшно хорошо с Вами. Уж наверняка лучше, чем Вам

И.А.Потапова. Фотография с документа. Конец 1930-х

со мной. Вы говорите, не смейте Мисс делать больно. Еще бы, конечно. <Далее фраза зачеркнута.> (Зачеркивать у Вас научился). А разве Вам можно делать больно? Такой, такой хорошей. Конечно нет. А мне можно? Ну конечно да, сколько угодно. И как угодно, и кому угодно. Фу, фу, фу как стыдно! Ай как стыдно!

Мы пойдем в Вами в Третьяковку? Пойдем сегодня? Да, сегодня буду ходить с Вами. Как хорошо будет.

Мне так хорошо, что Вы есть, что Вы мне дороги без конца, что у меня одно стремление — скорее увидеть Вас и бежать и прыгать. Вы не разрушите? Нет? Ведь правда? Мы поедем в Петергоф? На чуть-чуть. Совсем немножко. В парандже поеду. Ох, только бы дожить.

Все это было вчера. А сегодня очень серое небо. Пошел на почту — ничего нет. Очень жалко, больно и беспокожно. Что там с Вами и Мисс происходит? Что там думаете? Что случилось? Помните, говорили: ничего сделать нельзя? Тогда плохо. М<ожет> б<ыть>, Вы написали в Алекс<андров>?²¹ Но я туда не поеду. Если написали — верните назад. Вы исключаете возможность беспокойства за Вас? Бог мой, вот еще новая, большая печаль! Написал Вам уже много, а у самого только одно письмо, переворачиваю его сбоку набок и выучил наизусть. Чего, чего только не передумал и написал Вам, да не отправил. Все из-за Вашего письма.

Все-таки, по делам мне придется приехать, но пробывать очень немного и если и Вы, как говорите, будете заняты, то вряд ли смогу увидеть Вас, потому что тоже буду занят. Как это хорошо, правда?

М<ожет> б<ыть>, Вы с Мисс придумали Бог знает что: что не получил Вашего письма? С Мисс станет придумать всякую на-
 прасную чепуху. Скажите ей, пожалуйста, чтобы она не выду-
 мывала относительно Гали²². Может писать. Нельзя же до бес-
 чувствия придумывать и тем самым правда создавать. Все-таки
 я не совсем дурак, как Вы все думаете, и зря ничего не говорю.
 Скажите Мисс, что дела с Блоком не прерываются²³. Еще будет
 работа.

Кажется, ничего еще не сказал, а сейчас пришли люди, писать
 больше нельзя. Как хорошо Вы говорите: шлю массу чудных
 мыслей. Ух ты! А я две массы. Всего, всего хорошего.

Все-таки в конце февраля приеду.

Всех благ-г-г-г!

С.

<В конце нарисован прямоугольник на фигурном основании,
 с надписью:>

Это ровно ничего не значит.

7.

Февраль 1940 г., Москва

Вот и счастье! Получил письмо от Аринушки Алексеvнушки. Мне
 так хочется рассказать, как было кругом и всюду и во всем, когда
 это случилось.

Шел по Арбату на почту. В голове и сердце — светлячок, хоро-
 ший, добрый, умный. Думаю: конечно, светлячок думает обо
 мне, я это чувствую, и он, светляк, должен чувствовать и знать
 то же самое. Это великолепная сила. Нельзя терять ее.

И вдруг — письмо! Сразу сердце вон — и прямо в небо. Рот до ушей! Милушка, светлая, дружок хороший — вся душа летит к Вам. Не мог прийти в себя: ведь для меня необыкновенное чудо: думает об несусветном лабардане²⁴ такое светлое созданище. Господи, Вы все понимаете. Читал на улице и вдруг кто-то ругается, оказывается, попал среди автомобилей на переходе у Садовой. Шоффер открыл дверцу и сказал: «Вы что, ненормальный?» А потом засмеялся. Конечно хороший.

Удручает меня, что написал Вам какой-то ерунды, которая сделает Вам больно. Больше не буду. Это — от глупости. И получу, должно быть, от Вас по заслуженному до этого письма. Буду терпеть. Душенька — выкиньте вон нехорошее, говорил потому, что не было от Вас писем и всякого напридумал.

Аринушка Алексевнушка — преклоняюсь перед Вами и перед тем, что есть, если правильно Вас понимаю. Ну, ничего больше не могу сказать, потому что такие вороха всего и во всем и всюду, что онемеешь.

Ни в каком случае не посылайте лекарств. Боюсь, что опоздаю, пошлете. Мне нельзя их получать. Догадайтесь²⁵. А кроме того, все будет как надо. Все пройдет. Мне уже неизмеримо лучше. У меня доктор школьный товарищ²⁶. Он нежен как мать и дрожит за меня, а я опять ничего ему не могу, как и всем, отчего получается только горе.

А потом я буду здоров, потому что Иринушка Алексевнушка мне пишет, потому что есть светлячок, и если я это знаю, то мне легко бороться и радостно хотя бы с кем и чем угодно. Все равно победы обеспечены над всем. Это же вера и утверждение, это

воля, а тогда горы сдвигаются с места²⁷. Это очень простая, а потому огромная сила. Сами знаете, потому что говорите: чудно будет. Так и будет. И никак иначе.

И пусть Ваша светлая головка не думает так много над изобретением выходов. Все будет так, как надо. Только пусть ваша лапка почаще держит карандаш и пишет мне, тогда все будет ладно.

Не смейте, чтоб Вам хотя бы когда-нибудь, хотя бы минуту было грустно. Значит — маловерная. (А сам-то: ну, мне можно, немножко, чуть-чуть. Причины есть).

Про Блоху²⁸ говорите неверно. И не в том дело, жулик ли он или нет. Это безразлично. Еще не имеем права думать так, а я просто не буду.

Сейчас работаю над литографиями в МОСХ²⁹. Впереди разговоры о выставке Маяковского³⁰ и костюмах для фильма, вчера писал.

Светленькая, конечно, беру лапу и бежим так, чтобы брызги в разные стороны. Ни минуты без Вас, тем и жив, так и знайте. Ну как не сказать, что радостью жив человек. Хорошая, хорошая, хорошая, душа летит вон. Простите.

Дорогую мою Мисс кротко целую. Скажите ей, что вчера видел Колю и Рожд<ественского>³¹. Николай усиленно приглашал к себе. Ну что делать: я его люблю, барана, а Мисс сказала не ходить. Значит обманывать его? ну при чем тут Сарра³². Скажите Мисс: может быть она разрешит? На Сарру не буду смотреть.

Знаете еще что, ведь человек безумно красив своей жизнью.

8.

Февраль — март (?) 1940 г., Москва

Многоуважаемая Ирина Алексеевна!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!
(устал)!! Еще три поставлю!!!

Как Вы там бегаєте в таком прекрасном городе? Разрешите отвлечь не некоторое время Ваше внимание, если Вам пока интересно. Заранее приношу тысячу извинений. Дело в том, что мне необходимо до зарезу работать над «Пиром». Разрешите поделиться мыслями? Вот они какие. Без сомнения Вы можете думать что угодно, так и делайте, а я постараюсь думать так, как будто нахожусь сам с собой, что и есть, и как будто говорю сам себе. Тогда будет так: Иринушка Алексеевнушка, садитесь вот сюда, вот Вам стул, и слушайте, что написал. Вот «хор» четырех королей (читаю, но написать Вам пока не могу, нет). Вы хотите мне помочь? Чем? Тем, чтобы быть. Тогда мы можем сделать удивительную вещь. Можно работать. Вы опять смущены? Для Вас это совершенно не понятно? Конечно, я боюсь, что Вам станет совершенно неинтересно работать над каким то «Пиром», поэтому ставлю точку. В данное время совсем уныло. По радио передают концерт под управлением Мравинского. Это не уныло, это хорошо. А уныло то, что болит моя язва Бог знает как, сижу с бутылкой. (Вот картинка)^{32a}. Никого нет, ни души, сижу, слушаю, пишу и «болею».

И башка и сердце погибают от «пиршественного стола». Работаю вовсю. И чем больше сделано, тем больше, оказывается, нужно написать. Шире и глубже и больше. Написал сегодня много. Что-то уж очень «дикое». Читал Сафронихе³³ и Введенскому³⁴

(Мисс знает). Поражены. Молчали как расшибленные. И самому, и плачь, и смейся, и умри. Неужели и Вы сделаете, что и это умрет? Простите, я опять забыл, что поставил точку.

Больше не буду. Конечно, совершенно со всеми согласен и с Вами тоже, что все-таки я совершенно глуп. Оттого Вы и смущаетесь. Верно, что мне нельзя было Вам говорить обо всем этом, но так хотелось: ничего у меня нет, кроме (совершенно никому не нужной) любви к людям, к тем, кто дорог. Очевидно это очень смешно. Дела мои действительно похожи на дела, т. е. так здорово худо, что не придумаешь. Куда ехать? Оставаться ни одного дня нельзя, как и у Вас. Словом рассказать невозможно, понять надо. Очень похоже на амбу.

В общем и тут извините, что опять с какой-то нудностью. Да, и об этом Вам говорить нельзя. Вы совершенно правы, что своим смущением и пока интересно определили мне рамки.

Пожалуйста, только не сердитесь, если сделал Вам своими письмами неприятно или больно.

От души желаю Вам всего, всего хорошего. Мне так органически потребно воевать за радость, которая ведет и людей и самого постоянно вверх, она такая необойдимо чистая и светлая и такая постоянно сильная, что, конечно, кажешься многим глупым бараном и, очевидно — смущаешь. Все на свете бывает. А в грусть и уныние все-таки идти не хочу, пусть лучше буду бараном. А чем же брать ужас, горе и бесконечные страдания? Они только тогда в смысле, когда побеждены радостью. Это Творчество Жизни.

Да, все-таки это «пока» очень здорово! Очень. Вот переносу на себя и думаю: как бы это я мог сказать Вам «пока мне интересно» — буду писать. Похоже, если б сам себе сказал: буду думать, дорогой Владимир Васильевич, о Вас, пока мне интересно.

Все-таки очень здорово!

Если Вам не трудно — напишите мне о Мисс чуть-чуть. Пусть она Гале³⁵ не пишет. Правда. И потом прошу передать Мисс записку. Всех благ.

<Далее заштрихованный прямоугольник с отходящими восьмью цветочками и надписью:> Что тут было-о!

Проснулся утром, первое — Ириринарочка! Гоп, скорей! Вставать! Скорей два слова! Дорогое, милое, хорошее «пока». Ну зачем Вы заставили меня написать такое письмо! Фу! Фу! Фу! Ох, какая нехорошая. Все равно — обожаю Вас, люблю Вас Бог знает как. Вы ничего не понимаете, ничего Вы не знаете, не смейте ни у меня, ни сами у себя отнимать радости. Хотя бы пока. Если я сейчас и жив чем — то Вами, если могу бороться со всем — то из-за Вас.

Ох, слушайте — а вдруг Вы сказали тогда на вокзале <так!> из-за долга? Т. е. просто так, чтобы уезжалось легче?

Фу-у, сразу и писать не могу.

9.

Весна 1940 г., Ленинград

Милая, светлая душенька,
Вот как здорово: еще и не уехал, еще сижу у Мисс, всего 12 часов, а уже пишу светленькому, потому что не могу. Вот какие нехорошие светляки: был я бодрым, здоровым, ничего не боялся, был уверен и весел, а как приехал сюда и вдруг увидел светлячка и потом понял, что никак не могу без него, вздохнуть невозможно — так все полетело прахом, потому что вдруг оказалось, что

не «сам себе хозяин», а как светляк захочет. Вот уж увы! точно: быть или не быть. Вот светляк и затемнил мне все Бог знает как, потому что откуда же мне знать, как у самого светляка? Ну, что ж, я согласен, что баран, но от этого не легче, и оттого и ходил со светляком повесив нос, потому что не знал и только удручал этим светлячка. Правильно: скверный чурбан. Но ведь я ужасно, ужасно обожаю и еще три раза обожаю и еще и еще светлую душеньку Вашу и никак без нее невозможно повернуться. Оттого, конечно, и ослеп и ничего, кроме Вас, не вижу. Милушка, ну отчего я приехал? От того, что Вы, Вы, Вы! Вот! Вы такое огромно мне, уж насмерть знаю как; что чего же было бояться приехать всей окружающей меня галиматъи. Я бы никогда не сказал этого, если бы Вы сами не сказали, что были бы рады, чтобы было так, когда рассказывал о Мисс.

После дошло.

Душенька, а за Ваш словушки, которые вчера сказали и написали тогда в Москву — помереть можно, т. е. жить из-за них. Ну, какая Вы невозможно хорошая! Вы — совершенно правильная. Милушка, а то, что Вы сказали, что плакали — это совершенно НЕВОЗМОЖНО, это вообще никак нельзя. Никаким образом нельзя. Совершенно немыслимо, потому что ужасно. Мне так хочется сказать: милый, любимый человек, пусть он спит хорошо, хорошо и спокойно.

А где лапка светлячка? Светляк совершенно и не знает, какая она у него хорошая, у меня так все внутри смеялось, когда светляки водили лапой по Уорворурстдворту <так!> в вагоне.

<Далее две строки зачеркнуто, ниже две линии с поперечными черточками и надпись:> Это забор, оказывается, туда не пускают.

Переводите стихи, пожалуйста.

В вагоне сижу, сейчас пойду и опущу на вогзале <так!>. А Ири-нушка Алексевнушка и не догадается. Вот она какая. Милушка, обожаю Вас и было грустно оттого, что не знал, какие светляки, что люблю Бог знает как, а как светляки, не знал. Всех благ и всего, всего хорошего.

10.

Март (?) 1941 г., Малая Вишера

Милый, дружный светлячок.

Единственное спасение побыть с Вами, когда пишу. Только что приехали. Холодина в комнате порядочная. Еще ничего не известно.

Снег, мороз, голубое небо и солнышко. Оно светит сейчас и светлячку. Ну как же он там бегаёт? Духа, милая, хорошая, светлая, живу тем, как сказали, и каждую минуту поражаюсь: как можно наполнить человека огромной радостью. Милушка, ведь я Вами живу, так и знайте, и всего светлячка люблю, какой он есть, и если светленький говорит, что теперь должно быть легче, когда плохо, потому что детеныши со мной, тогда-то я хочу не половину, а все взять, когда детенышам плохо. Все, все плохое хочу прогнать. Вот так и знайте. Только никогда не смейте скрывать, когда Вам хоть в чем-нибудь плохо. Будет очень нехорошо.

Весь день просидел один. Он ходит по своим и моим делам³⁶. Сумерки, окно серое, точно слепой смотрит, и вдруг оно ста-

ло голубеть: а потом стало совсем серебряным: прямо в центре круглая луна. А по радио Брамс; концерт для виолончели³⁷. Смычок умеет резать пополам бедное человеческое сердце. А потом луна ушла из окна, а на ее место стала звезда.

Опять, опять прозрачное окно
 Всю ночь качает пламень голубой
 И в нем звезду, знакомую давно
 И дым снегов, сверкавших надо мной.

Совсем как в 39-м году³⁸.

Мне очень, очень горько, что я такой, со своим проклятием, и сейчас ничего не имею, чтобы у детеныша было как можно больше светлого. Сажу перед керосиновой лампой, гляжу на стену, на ней пляшут червяки обоев, и сокрушаюсь об своей чепухе.

Дудушка, работать хочу, до смерти не хочу болтать руками в воздухе. И не буду. Я хочу еще, чтобы детеныши — , ах милушка, друженька, ничего не скажешь от многого.

Ночь давно. Спокойной ночи. Пусть Вас окружает только хорошее, пусть на душеньке у Вас будет светло и радостно. Пусть ничего темного не будет у Вас. Милый, светлый образочек.

Ого! Весь день сегодня колесили и ничего. Его хозяйка не соглашается. Вот как здорово! Искали, искали, ходили — ничего. Вовсю улыбаюсь судьбе, а она никак не хочет. М<ожет> б<ыть> лучшее готовит? Должно быть так. Чего только не видели!

Тут масса искусства. Очень много можно сделать. С этой стороны очень интересно.

И вечером ходили, м<ожет> б<ыть> будет. Очень жестоко, но меня поражает вот что: поражает распирающая радостная воля из-за Вашего существования, из-за того, что Вы есть. Дудушка, не подумайте ни минуты о том, что хотя бы чуть не верно; у меня никогда не было так, не знал этого, т. е. радостной воли и какой-то несусветной радости вообще, хотя сейчас по обстоятельствам совсем чепуха, а их совсем не видно, что они такие худые.

Милушка, уже никак не делимы мое искусство и Вы. Душенькой Вашей, Вами молюсь русскому искусству. Так все замечательно странно: вечерами сидим вдвоем, керосиновая лампа, золото и коричневый свет, глубокий и пряный, сладкие ритмы обойденного за день от заборов, бревенчатых домов и повсюдной живописи, в разговорах воскресающие Венецианов, Федотов, Иванов, Врубель, красный, зеленый, черный, белый цвета, холстинные ощущения, и вечер качается золотым огнем, и лампа, чудное создание, трепещет полуночною звездой, а где-то существует Иринушка Алексеvнушка, такой же оранжевый фонарик. Когда днем прихожу в какой-нибудь дом, прежде всего хочется сказать, а на свете живет Иринушка Алексеvнушка, и так рад, так рад, что очевидно думают — баран невообразимый. Вы — облачко.

А вот и хорошо: хозяйка согласилась. Теперь второе, завтра.

А я опять спрашиваю у Всего, есть Иринушка Алексеvнушка, на самом деле? Это правда?

Неужели Вы правда есть? Должно быть, Вы не понимаете такого «глупого» вопроса. Очень худо сейчас. А тогда все внутри

болит и неистово спрашивает: есть Вы или нет. Особенно когда реально плохо, действительность плохо. А сейчас очень плохо. Ну ладно, все равно. Милушка, милушка далекая, вдруг Вы одно воображение. Так, должно быть, и есть.

Опять в вагоне. И не верится, что вновь увижу Вас. Все время поезда, вагоны, какая-то нелепица, все время потери, и Вы есть или нет, совсем не знаю и вот что хочу сказать. Помните, давно, у Мисс мы сидели с Вами и я говорил, что лучше мне не видеть Вас, совсем. Я тогда уже понял все о себе. Вы не хотели понимать (но, должно быть, все понимали). И теперь хочу сказать то же. Милушка, ну разве возможно Вам, чтобы Вы были со мной? И если нет, то зачем тогда все, что делаю, чтобы потом был печальный конец, раз невозможно.

Девушка, милая, прошу Вас: бросьте читать Достоевского. Не надо. Совсем не надо. Вам никак не надо. И не время. Хорошо? Если очень попрошу, то не будете? Дадите слово?

Еду и читаю. Ох, сколько надо, чтобы суметь и смочь правильно вынести его, так, чтобы хоть чуть приблизиться к его в высшей степени светлomu духу действия. Он дух действующий. Как глупо, что всегда говорят: Достоевский и тут же Толстой. Толстой и Достоевский. И всегда будут и будешь, хотя совсем это и не надо. Ни в чем и никак, даже из-за контраста, разницы, их вместе упоминать не надо.

Милый светик, как интересно смотреть в окно! Какие тонкие гаммы весны. Очень серьезные оттенки и все — таинственные. Вот темная лужица, по краям зеленоватое месиво бывшего льда, в лужу дождь кидает исчезающие колечки. Тут же, из та-

лого снега и из показавшейся земли лезет дикая жизнь корней и стволов.

Ха, черт возьми! Читайте Достоевского! Раз есть Екатерина Ивановна — читайте! Раз есть Алеша — читайте, раз есть Грушенька и Митя — читайте! Ведь всюду одно и то же: то же самое и происходит: борьба злого и доброго, сильного и слабого, и в каждом в отдельности, и друг с другом. Чтобы лучше понять — взято у него в преувеличении. А в жизни, может, и сильнее бывает. Не в этом дело, а в том, что сильно, по-нужному выражено. В искусстве и воля есть: красиво, когда воля мощно выражается в нем. И вот как и у него самого: то скорее прямо вырвать у Вас книгу из рук, то через страницу — читать, читать скорей.

Милушка, люблю Вас Бог знает как. Уже говорил, но еще больше люблю каждый день, люблю Вас до смерти. Всю жизнь Вами люблю, Вами люблю каждую минуту и радуюсь и ужасаюсь ей, любушкой. Я люблю светлую, мохнатую пчелку. У любушки «болит» сердечко? Я тихонько беру его в лапы, сердечко любимое, и дышу на него.

Приехал. Опять трудно переносимое чудо. Все красиво до смерти. Как много надо сказать Вам. Опять с Вами бегаю по улицам. Есть у Шагала хорошая картина: улочки Витебска, домики, заборчики, а он, держа за руку свою любимую, летит в небе над городом³⁹.

Прекрасна Вишерская грязь! Вступил в нее, а она роскошная, красивая, только живопись. Удивительные лужи, ими писать картины. А что за дома, деревья в остатках снега. А дождь зве-

нит по ним, как в звонкое железо. Все это надо было бы сделать! Сделать! Нельзя уезжать отсюда. Каждый день весны изменяет природу, и надо ловить эти изменения и оставлять их в работах. Пропадает все! Невозможно! Жить нельзя. Необходимо, необходимо говорить с Вами. Я бы и не уехал, здесь все мне надо и мое. Пока шел, думал, напишу все, и вот не могу. Невозможно.

Милушка. Совершенно поганое с сердцем: все время перебивается и останавливается. Черт знает что. Сейчас опять лампа горит. Опять чудо. Умереть можно от густого ритма. Все-таки два маленьких рисуночка сделал. Горе одно. Но если я начну работать сейчас, при неустроенности — все брошу, тогда ничего не смогу делать другого. А права не имею. Ужасно.

Милый, или на огромное счастье мы встретились с Вами, или на совершенную гибель, для меня конечно. А что люблю Вас и буду всегда любить, это я знаю уже давно.

Дуся, невозможно, невозможно. Вы только подумайте. Ну разве можно. Вот что. Нет, лучше расскажу, а то все писание, писание. С неистовым нетерпением от необходимости буду ждать Вас. НУЖНО!

11.

Март (?) 1941 г., Малая Вишера

Духа милая, любимушная роднушка, совсем, совсем любимая. Ну конечно, как только в вагон — скорей, скорей к родной душеньке. Ведь ничего кругом нет, как же можно не прибежать скорее к Иринушке Алексевнушке. Вот она сидит тут рядом, поэтому так

хорошо, хорошо. Вот так и не буду писать. Фу, фу, фу, какой я противный и нехороший, раз говорил так. Но, милушка, я так счастлив с Вами, так счастлив, так счастлив, так счастлив, так счастлив, что Вы есть, что Вы со мной, что теперь вовсе не буду говорить нехороших вещей. Дудушка, но я говорил их, потому что... понятно почему. А раз Вы такая невыразимушная, то ведь я уже наказан.

Детеныш, а сейчас примощусь поудобнее и буду есть печение и читать простую книжку — Иринушки Алексеvнушки, которая родная и ее люблю.

А потом стихи вдруг, из-за того, что говорили, пока ехали в трамвае. Пока ехал до Чайковско<го>⁴⁰, один почти готов. И так много налетело вдруг тем и всякой красоты, что очень сильно захотелось работать. Если бы было куда приткнуться и чтобы Иринушка Алексеvнушка была бы тут же, любимое созданище. Вот уж было бы счастливое все. Даже слышу смех детенышей, даже вижу, как они прыгают. А я бы надел очки, да ка-ак посмотрел бы из-под них! Чтобы дети не шалили. Нонче очень ребята шалопаи пошли, и все сами, да сами, и рассуждают как взрослые.

Светлый, глупый, вот во что верю: в Вас, как в чистое создание, как в светлое облачко, в то, что Вы мне необходимы, в то, что люблю светленького детеныша. И совсем не надо было торопиться и предполагать другое.

Уютнушка, уже темно. Вылез в Чудове⁴¹, мороз, снег скрипит, заря чуть помазана зеленым. А со мной рядом стояла Иринушка Алексеvнушка. Милая, любимая душенька.

Детеныш, обязательно берегите «Село Степанчиково» Дост<оевского>⁴². Обязательно сберегите. Это надо беречь.

Такие книги очень обогащающие. Оберегайте их. Читаю «Братьев»⁴³ с восторгом, жаль, что вместе нельзя. За искусством слова исчезает «достоевщина». Очень сильно громыхает он. Берегите эти книги. Хотел бы когда-нибудь почитать вместе вслух.

Вот и приехал, ох, милушка, как хорошо! Шел от станции — диво: ночь, как у Гоголя «Ночь перед Рождеством». Совсем черное небо, засеянное крупными, частыми звездами, воздух чистый и сытный, мороз, а не холодно. Так спокойно и тихо. Обязательно освобождайте воскресенья, чтобы поехать куда-нибудь для этого времени, когда будут звезды. Ради такого содержания и красоты надо поехать. Очень нужный смысл и красота. Богато. Ничем не меньше театра, книги. Наоборот. А я шел и держал Иринушку Алексеvнушку за лапу и мы смотрели на звезды.

А дома очень уютно, спокойно и хорошо. Если будет благополучно, и будет работа, то не хотелось бы никуда уходить. Мы поедем, ладушка, да? В воскресенье.

Как тут хорошо и внутри спокойно и сильно. Все существо отдыхает и тут же сразу хочется работать. Все делать. Жаль, что именно в эту минуту не могу отдать детенышам все спокойствие и силу, какая есть. Если бы маленький был бы сейчас тут — он удивился бы окружающему покою и ладности. И хозяйева тихи. Детеныш сразу отдохнул бы. Вот стоит керосиновая лампа, а рядом светлое личико Любимушки, оно смеется и такое тихое и доброе. Как хорошо и как не благословить судьбу. И как не сказать, что есть Боженька.

Пока ехал, написал стих.

Утро, и все другое. Мятель, снег сыплется. Холодно, и в комнате тоже. Пар валит. Ходили с хозяйкой и опять ждать до завтра, 7-ми вечера: уехали в командировку. Значит в среду могу и не приехать. Сейчас пойду бродить.

Любимая, светлая друженька.

Ах как здорово мятель бросает мимо окна облака снега. Как жалко, что не взял бумаги, очень интересно. А по радио Григ. Вот выражено полное отчаяние в мятели, дующей в одну сторону, в серебре снега, в музыке. Все как раз. Ну уж черта с два, все это только к силе зовет.

Ух как холодно, невозможно сидеть в комнате. Попробовал делать игру, и невозможно⁴⁴. По-русски: натапливают на ночь, а днем холодно.

Опять вечер, тепло и уютно. Какой снег хороший валил. К вечеру тихо стало. Опять тихий друг стоит на столе — лампа. Лучший собеседник. Ведь ее жизнь — очаровывать. Она заставляет рассказывать о себе предметы, в то время как днем они живут по-другому, а она и жизнь нашу преобразует и заставляет все быть человечнее и добрее. При ней, очевидно, не все жестокие дела возможны. М<ожет> б<ыть>, если бы не изобрели электричество (слово совсем собачье), люди мягче были бы. Доброе существо.

Дудушка, получил сегодня телеграмму.

Вот уж никак не ожидаете, что скажу. Вот возмутитесь. Вот смешно. Мало! Одна телеграмма? Мало! Что это такое?! Дедуш-

ка хочет знать, что делается в душеньке у детенышей каждую минуту, он хочет и должен знать, что думают детеныши, где и в чем им больно, чему они радуются и смеются, чего хотят. Все, все должен знать дедушка, а детеныши такие скверные: живут, тая «свое», и думают, что действительно «утаили». Но дедушка все равно все знает, но молчит по-стариковски, а детеныши скверные, что молчат, и дедушка очень сердится, потому что он пишет, пишет, у него даже карандаш присох к пальцам, он так и ходит и ни с кем не может здороваться, карандаш мешает.

И ведь неприлично совсем: когда-то дети писали дедушкам, а теперь пошло наоборот! Что это такое?! Нас, стариков, не так воспитывали!!!!!! Придется наказать внучат. А как? пусть внучата догадаются сами!!!! Вот какой суровый дедушка.

Беда в том, что у деда сегодня язва болит, и он совсем скрючился. Понятно, что никак не могу привыкнуть, что у меня язва, не понимаю это; так, должно быть, всякое живое существо не понимает, что в нем сидит болезнь, не хочет этого, а болезнь прекрасно понимает, что ей делать и делает. Вот и тр-р-рагедия.

А я знаю вот что: я слышу и ощущаю своего детеныша и скажу его же словами: детенышам должно быть не так тяжело, раз есть дедушка, который очень любит маленьких внучат и сейчас же будет около них, когда бы это ни понадобилось.

А теперь, дедушка, ступай прочь! И откуда ты взялся? Ну тебя совсем! Милушка, ух как хочу работать, не только руки чешутся, а и пятки. Книг хочу! Читать, писать, рисовать, работать. В Выборг? — В Выборг. В Крым? — в Крым. На луну. В Адис-Абебу. Де-

теньши обязательно должны «работать в искусстве» (выражение глупое). Иначе невозможно. Но беда в том, что как только я начинаю говорить об искусстве — то в ответ <Конец письма не сохранился.>

12.

Апрель (?) 1941 г., Малая Вишера

Дудушка, друженька. Пусть будет так: вот работа, надоевший эскиз, а рядом лист бумаги. Поработаю и несколько слов глупенькой, маленькой девушке. Очень любимой.

Не буду писать? Да, то, что пишу, все-таки — хуже, чем не писал бы. Дудушка это не поймет.

А детеныш такой умный, такой хороший, такой способный, что не может написать ни строчки, он не может даже какой-нибудь шутки написать, хоть чепухи, хоть что-нибудь. Он не умеет, не может. И такой вежливый, что даже на вопросы не отвечает, он решил, что молчание его настолько красноречиво и глубоко, что является единственным ответом, какой может быть. Он очень умный, этот детеныш. О-о-о!

<Рис.: кувшин> это кувшин. Почему? <Рис.: бочка> это бочка! Отчего?

<Рис.: озеро> Это озеро. Какое? Это я столько слез наплакал. Почему? Потому, что вместо любимой лапши мне макароны дают, потому что я думал, мне скажут: вот, вот лапа! Конеч-

но, вот она. Хорошая. Милая, любимая моя лапка? Да, да, да. А вместо этого что-то вытягивают из кастрюли-муфты длинное, худое; да я готов чуть не на коленях стоять, чтобы лапшу покушать. Вот сижу и плачу, сначала кувшин наплакал, потом бочку! потом озеро!

Дуда, милый, лохматый, глупый, глупый, дудушка, вы не смейте печалиться, что до мая не уйти никуда. Милушка, всего несколько дней осталось. Нельзя же так. Вам же <...>⁴⁵ у него. Как же иначе? Фу, какая нехорошая. Будьте спокойной и хорошей. Все будет хорошо и ладношно.

Ах, Боже мой, какой глупый, глупый звереныш. А пока лучше читайте Сухово-Кобылина. Надо знать его.

Будьте хорошей и любимушной и не угощайте меня макаронами. Сегодня макароны, завтра макароны, да от такого меню сбежишь!

А малыши все какие плохие. Ох, какие плохие, говорят, что летом будет много лучше, ну и они будут умирать оттого, что нечего будет делать. Вот так родная душенька! Вот так красота! Вот это любушка! Вот это дети понимают.

<Рис.: цветочки, рожица; подпись:>

Что это такое?

Дудуха, любимая, нежнушка, слоник сладный. Вот какая Вы нехорошая — всей душой лечу к Вам. Вы совсем мне любимый человек, а Вы вон какой! А мне особенно хорошо, очень светло и радостно, когда вспомню, как светлячок сказал давно на вокзале: «если это правда, то я счастлива». Ну как же светлень-

кий не понимает, что мне нужно ее душеньку, и не верит еще, что.... А я все-таки приехал.

Фу, какой глупый дусеньш!

Как грустно, что не увидать сегодня маленькую! А как хочется!

Ребяенок, ведь раз такие дети жадные, то уж давно не должен был бы писать, ну да Бог с ними, раз они такие глупые, если им хоть чуть хорошо, что пишу — так пусть читают. Они еще совсем маленькие.

А я люблю ладушку, очень люблю, а сам должен питаться макаронами. Боже — упаси!

13.

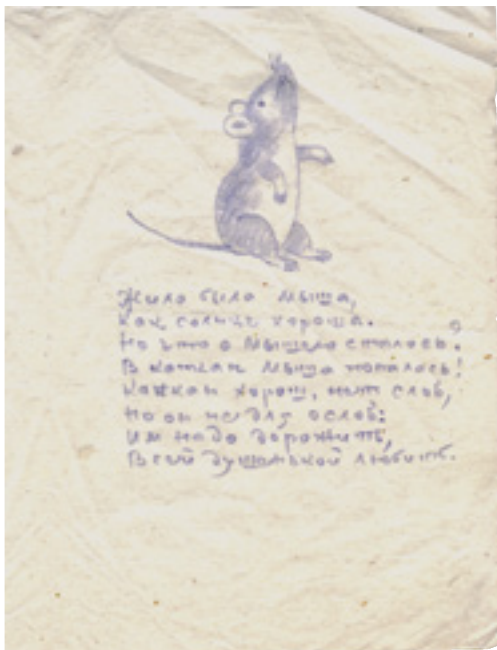
Апрель (?) 1941 г.

Ту-ту-ту! Поехал. Снится, снится сон. Ну конечно, конечно, как только сел в вагон — раз, два — скорей писать. Конечно, скорей к мышке. Пятичасовой поезд отменили. Не знал. Следующий 6.15. Купил билет. Пошел на почту, где мы были с мышой. Позвонил. Знал, что мыши нету, ну, на всякий случай. «Нет дома». Ну тогда поеду в маленький домик, где живет мыша⁴⁶. Просто так. На всякий случай, на «вдруг». Приехал, вошел во двор. Мышиное окно открыто. Чуть-чуть посмотрел. Пошел к Сафонихам⁴⁷. Жара. Пальто тяжелое, сдох. Подождал у Сафони и вот уже — еду. Где то бегают мышонок, конечно совсем святенский, совершенно святенский, даже без кусочка несвятенского. Со всем как человек, когда он уехал, ничего физического не осталось, один образ, один сон. Светлый, светлый. Его называют еще мечта. Как же ей не быть святенкой, раз ей нет предела

и раз оно совсем не «физично». И человек, который уехал, думает: это дух. Вот как раз и земного-то, может быть, совсем и нет. Слишком быстро мы проносимся. Если бы мгновение могло остановиться, тогда можно было бы говорить «земное». Но остановившегося мгновения, время, мы не можем представить даже. (Вот Гете и написал Фауста). Только воспоминанием мы можем остановить время (вновь переживаем прожитый момент), и то это будет иллюзия. Вспоминая, мы окрашиваем момент в любые цвета ощущений, чувств, мыслей и если этот процесс взят сильно, творчески, то рождается красота. Тогда воскликнем: как все красиво! Вот мне красива мышинная любушка. Вот мне любимы мышинные глазки. Вот обожаю, как говорит мыша. Я уверен, что это говорит ветер, а вот мышка бежит по улице, при этом совершенно глупая, потому что ухай. Вдруг начинаю бояться, воображение не остановить, потому что мыша неосторожная. А вот любимушка, светлая духа «укра-ла» у меня букет. Трамвай пересекает Невский. Сумерки. Вижу, бежит темненькая фигурка с желтым букетом. Почему-то сразу показалось: совсем как стрелка. Вот она перебежала на другую сторону, и я ее уже не видел, а почувствовалось: фигурка бежала во что-то темное, вдруг увидел: мое светлое в какой-то жизни, не захотелось представлять точно, потому что почувствовал: будет больно. Но воображение не остановить, и Бог знает куда заехал. А то темное, куда убежала фигурка с желтым букетом, и сейчас стоит почти нарисованным. Тогда подумал: спрошу. Так и оказалось.

Посвящение И.А.Потаповой.
Песенка для детей:
Мыша и капкан. 1940

Жила была мышь,
 Как солнце хороша.
 Но что с мышью случилось?
 В капкан мышь попалась!
 Капкан хорош, нет слов,
 Но он не для ослов:
 Им надо дорожить,
 Всей душенькой любить.

Рис. и текст В.В.Стерлигова. 1940

Серое небо. Будет дождь. А кругом все новенькое, точно сейчас окрашено, не хватает надписи «осторожно».

«Огромный, огромный мышище». Да, это чуть правда, потому что мыша растет не по дням, а по часам. Видно.

Мышка сказала: и я работать хочу. И прежде слышал, но сегодня почувствовалось что-то конкретное, т. е. первый раз почувствовал, что не только мышонок хочет (это ладно), но и может что-то, это я вперед убежал.

Дождь пошел, поезд едет, дождь навстречу и точно иголки для шитья падают на стекла. У станций тополя в зеленых бусах, что-то шевелится вроде стихов. Напротив сидит ужасно милая мама, славная, хочет спать, а у нее на плече спит 14-летний сын балбес. А она сплошная нежность. Очень хорошая.

Вот как дивно и полно все устроено. У Олега⁴⁸ вчера рылся в своих бумажках, на которых обрывки стихов, иногда поражался, до чего попадались хорошие, честное слово (захвалился).

<Рядом нарисован поезд из шести вагонов с паровозом, три ели и солнце. Надписи:>

Вот тут сиюю я. Это солнышко не Вы. Другое, хуже, нет, такое же, потому что из-за него есть другое, лучшее — мышка.

А что делает мышонок? Сегодня он в Норд⁴⁹ не пошел. Нет. Не каждый же день? Правда?

Ду-ду молчит и этим говорит. Да? Они такие, эти мыши? Они думают: чего говорить, когда и так видно. Да, мыша? А духа когда-нибудь читала Библию? Или слышала про одну зверюгу у од-

ного дяди, которая все молчала, молчала, а потом вдруг к-а-ак заговорит!⁵⁰

Очень хочется песни петь.

Дуду можно любить только на расстоянии, а потом дуду свернется, как мимоза, как только скажешь, что глазнапы и все, что из них смотрит, такое любушное, что трудно удержаться, чтобы не поцеловать. Ведь в них же любушка, ну и хочется ее поцеловать. А все-таки, этого я никогда не забуду. Не бывает так, а раз было, значит нехорошо. Очень... очень... и вообще лучше не говорить.

Волхов! Каждый раз, как доеду до Волхова, так обуревают его дикая красота, и главное — русская, русская красота, жизнь и сила. Хоть руками бери. Вот чем и города-то теперешние живы, тем, что по таким рекам, по таким местам история наша шла, и мы все от них, забыв о том в городах. Скотство. Все что умирает, то приносит много плодов, так говорил Иоанн Евангелист⁵¹. Хоть вся эта медная суровость и силища жизни народа Вам чужда, Жукуське⁵²... Все правильно, все так, Норд — вот сочинение.

13-го обратно. Назад! Хо! Как все дико, дико, дико, и трудно. Очень трудно. Сижу и смеюсь. Быть железным, чтобы все выдержать слишком мягко. Назад еду. М<ожет> б<ыть> услышу мышиный голосок. О, мой дорогой дружка, если бы Вы чувствовали и понимали, как необходим мне даже Ваш голос и как слышу его, так сильный ветер влетает, потому что голосок такой слабенький, совсем воздушный. В голосе тоже человек. Опять смеюсь тому, что любушкой все взял, да ведь это же ура! А теперь? Теперь будет здорово трудно. Очень трудно.

Маята и все. Деньги. Много денег надо. Ух, как здорово. Не одолеть!

А почему нету мышов, когда они нужны? Почему именно тогда, когда человек необычайно красив и силен, в такие минуты он один. Вечер вчера был, и ночь. Шел по дороге, теплой, плотной, зеленый овраг, речка внизу, кусты на том берегу, за ними поля и лес, легкий туман над рекой и тепло, тепло, даже душно, а в кустах, конечно, пошляк соловей щелкает, и все кругом, как и сам — похоже на храм. Сам несешь здоровенный храм. Но, конечно — один. Нету рядом того же.

Ду-ду: а я услышу сегодня хороший, хороший, душный голосок! Чей он?

Вот как мне сидеть и, вишь, без денег, работы и, главное, без мышов — это задача.

«Скапустишься» должно быть. Но меня, пожалуй, ничто не может убить, кроме мышев.

Дудка, вы думаете, я не знаю, как Вам трудно?

Милый душный голосок слышал — все хорошо! Как же Вы мне не святенькая?! Точка <слово написано вокруг нарисованной жирной точки>.

14.

Апрель — май (?) 1941 г., Малая Вишера

Получаю только одно: ненавижу. Иного я и не слушал. Ну, знаете, раз искусство, то в нем и около него сантиментов нету, дело

железное, жестокое, кто бы Вы ни были, раз Вы о нем говорите. Тут уж Иринушки Алексевнушки нету. Тут так: понимать надо. Хотите — идем вместе. Это дело. Не хотите — не идем. Я говорю про искусство. Я только рад, что говорите: ненавижу Вас. Значит есть что-то. Милый, дружа, неужели Вы не понимаете, что именно меня-то и не надо ненавидеть. Теперь, когда уже сказали «ненавижу», правильно было бы если бы ненавидели Ел<ену> Адам<овну>⁵³ и др. Очень плохо, если не будете ненавидеть их, потому что это была бы отталкивающая сила, реальность, в которую можно верить, видеть. А потом, после, конечно не надо ненавидеть. Все любить надо. Только и любить уметь надо. Это тоже искусство жизни. Разницы нету. В общем тут все рассказать нельзя, тогда наступит смерть, тут на все века жизни хватит. А мне еще трудно оттого, что это пригготовительный класс. Идите навстречу.

Кривых мыслей нету?

Когда увидимся, напомните мне, чтобы дальше рассказать, у меня голова старая.

Расписался дедушка. Вместо одного карандаша уже три при-сохло.

Покойной ночи. Дедушка рассердился вообще на все и больше писать не хочет.

Стихи перевели? Учебник стихосложения достали? Во-о как!

Сегодня дедушка весь день молчал, а сейчас прочел все и очень просит заставить его говорить дальше о работе. Так надо. Много надо, а потому что есть. Не так еще поймете, а это нельзя.

Просто трудно расставаться с лампой. Вот прекрасное создание!

Мне страшно стыдно за такое количество исписанного. Не-возможно больше. Хоть сегодня почти не писал, и то хорошо. А главное, если прочитать на другой день — уже мертвое. Смешны мы, когда говорим: реальность, действительность.

15.

Июнь (?) 1941 г., Ленинград

Почему-то именно сегодня особенно необходима была мыша и сейчас нужно, чтоб сейчас была здесь, то и дело зову мышу. Никак, никак нельзя было расставаться сегодня, а вообще нельзя расставаться тоже совсем. Такое вырастает, такая жгучая необходимость, мышшь, мышшь, светлый, где мышшь? Где мой, мой, если он мой любимый, неопядушный мышенок. Вот люблю духу! Вот беда! (Что нету ее). Где моя маленькая мышка, мой ребеночек. Нельзя детенышей одних оставлять, я так боюсь стаи — съедят волки, а я с мышкой! Мышь там, на даче; пчелка устала, пчелка все делает, делает, делает, а я с пчелкой, со вселюбимушкой. Фу, какая мы, любилки, большое хороним. Фу, какая тоска без мышей! Вот навалилась! М<ожет> б<ыть> что-нибудь худое с мышами? Почему так нестерпимо надо, почему нельзя, чтобы мыши все нету и нету. М<ожет> б<ыть> потому так худо, т. е. так надо видеть девушку, что мыши тоже хотят уехать с дачи. Сидел у Ник<олая> Мих<айловича>⁵⁴ — невозможно, убежал, пошел к Хармсу (ко вторнику он приготовит), читал ему стихи. Пошли под дождем. Хармс поехал в Пушкино. Дождь, дождь, дождь! Мыши нету, все перевопилось внутри. Пришел к Олегу⁵⁵, повалился, заснул, а проснулся — где мышшь? где-то тут, а ее нет. Подавайте мне мою мышу!

Побежал звонить. Конечно, нету. От Н<иколая> М<ихайловича> звонил: только что уехали. Мышка милая, где же Вы?

Такая Вы улыбочка, такой любимый, любимый, душный; ну вот необойдимая. И все гадаю: сможет ли мышь приехать сегодня к нам, и если смогла бы, то м<ожет> б<ыть> она трусиха. Ну, тогда так плохо и так больно. Вот как мало счастья, а что бы это было, если вдруг бы сидела тут мышка и «вытряшивалась», т. е. разводила бы интеллигентину: «Благодарю Вас», «нет, нет, большое, большое спасибо», «упаси меня Боже», «Боже меня упаси». Да, дудука, упасет, конечно, только на Бога надейся, а сам не плошай. Нет, дудука не приедет, конечно. Если нельзя — это так, а если «неудобно», то это... просто...

<Далее рисунки: извивающийся побег с цветочком и подпись «от милиционера домработнице», букет, фотография усача-милиционера в рамке, цветы в горшке, все три с аналогичной подписью «а вот еще»>.

А все-таки странно, странно мне вот что: неужели такая мыша закрытая, запертая, что ни одного слова, ничего, ничего никогда не скажет. Бог мой, сколько я написал сказок, и все, и хоть это каплюшка в море, но мыша совсем, совсем ничего. Вы думаете, так и надо. Нет. Конечно, не надо. Конечно, мне это очень странно. Иногда вдруг: да что это такое? Как же я так без оглядки, а мышь вот как. И поразительно, как она может: а как было бы, Бог знает, здорово, если бы и мышь так же! Но мышь читает это и довольная, что она такая? Гм! Гм! А ух ты куда можно было бы залететь. Мышка многого, многого не понимает. Не понимает, что все будет (и уже так) отрывать друг от друга, что будет скоро бездар-

ная и глупая «разлука», и оба будем тюкнутые (ну, по крайней мере я), что это обоим совершенно не нужно, что теперь каждый в одиночку ничего не сделает, труса будет, не понимает того, насколько уже мы, не понимает, что из-за этого мои мышинные «сомнения» совершенная глупость, с которой жить нельзя, что в этом мы мышья может все забрать, что пожелает и вообще мышья если... <полстроки густо зачеркнуто> очутится тут. Мышь не понимает, стоп! Я забыл, что Вы умнее меня, что Вы... что надо хоть одну, стоп! спокойную нашу минуточку, до всяких отъездов. Мышь не понимает, что человечек с такими «сомнениями» не должен (ну, скажу пошло, поймете хорошо) удерживать другого. А или так, или так, что вышло наоборот. Вы эти сомнения поселили и взрастили в себе и с ними ходите, а не я, не понимаете, что мне так совсем трудно и дико, раз в Вас это есть, раз Вы это развиваете, не поняли, что Вами написанное именно и надо было отдать, чтобы не жила эта чепуха. Не понимаете, что Вы мне и кто, не понимаете и не любите меня, вернее и лучше, не понимаете, что совсем не надо было и выдумывать это, не понимаете, что в треклятом большом, нелепом вал<ь>се все другое, совсем, что Вы просто смешная, и что мне этот вздорный, ненужный вопрос надоел до смерти, не понимаете, что дико и противно мне говорить, «доказывать», и не понимаете, что у меня сомнения гораздо сильнее, т. е. просто факт! Это Ваш дом. Ваши, и, очевидно, серьезность вопроса Вашего дома, Вы прикрываетесь Вашей выдуманной чепухой, для большей основательности поверив в нее (тут возмутитесь). Вот мышья прочтет все это, разбегутся у нее мысли и... все пойдет по-старому. Плавааете Вы, а руля нет. Мышь! Вот от всего скажу Вам, как бы в последний раз: мышья — пойдите ко мне. Если так — дайте лапку. И не надо больше вы-

думывать ничего. А задача наша, не выдумывать, не убеждать, а любушку претворить в дело жизни, а не <в> иллюзию, и чем кругом труднее, тем сильнее внутри, потому что такая трудность дана именно каждому в отдельности и обоим вместе и надо взять ее с искренним веселием и легкостью. Ну, много сказал, довольноно.

Хо! Хо! Хо! А Хармс сражен. Веселился от души. Он сказал, что мои стихи сильнее Заболоцкого⁵⁶ и что я, Ваш покорный слуга, бродяга непутевый, большой поэт. Во! Во! Во! И что им всем стыд за 7 лет, а что я сделал больше их всех вместе и что они все развалины, а передо мной преклоняться можно, во! во! во! На колени! Как мышь на колени впадет? Мышов тогда не будет видно Мыша.

16.

Июнь (?) 1941 г., Ленинград

Любимушка, любимушка, любимушка милая! Все равно любимушка, так было больно за Вашу душеньку, за Ваше, когда смотрели музыкальную, так хотелось сказать, сделать, уверить, что совершенная неправда, когда говорите о «пустоте». Так проклинаю свое проклятие, потому что вовсе не так трудно сделать, чтобы не было у Вас «пустоты». Во все это не такая сложность, устроится в деле, которого Вам хочется. Мне так хотелось бы сказать Вам: «Вот Вам моя лапа, а мне хочется сделать то, к чему Вы стремитесь». Ах милый, глупый детеныш, разве можно иметь в себе такую опустошенность и разочарование? Голая неправда. Чепуха и вздор. Все наоборот.

Вот что плохо, дружная, милушка, плохо то, что с каждым днем труднее без Вас, с каждым днем все больше Вы необходимое, мне плохо, а не вам, потому что, ну что я могу сделать, раз люблю такого невероятного детеныша, раз он мне нужен, раз хочу сделать ему все что могу, и вот тут и беда, потому что детеныши вон как смотрят и понимают, а я понимаю и знаю совсем по-другому. Детеныши говорят так, для себя правду, а по-моему вздор, а я говорю и знаю другое для себя, а по-Вашему вздор. Масса вер, религий, убеждений у людей, все своим живут, и не всегда может человек уверять другого, что его вера лучше. Ведь Христос и не уверял Пилата⁵⁷, очевидно Ему было стыдно немножко и в Своем уверять, и за Пилата. А Вы с педагогами от Алад<д>ина⁵⁸? Это очень жизненная вещь. Есть у человека «его святое» — не всякому язычнику скажет. Вот как, детеныш-не-мысленыш.

Эх ты! сколько можно рассказывать маленьким, и разве тут есть конец? Ну бывает. Только не смейте понимать то, о чем говорю — кривыми мыслями, не смейте понимать по-кривому. Я вообще говорю.

А если и не вообще, если о себе, то мне без Вас ни тпру ни ну. Вот чорт возьми! И если у Вас не так, то честное слово, с такими, как я, так нельзя. Милушка, ведь нельзя же шутить. Образцов? Ха! Да и не уверяю Вас, что каждый день, именно каждый день в жизни слишком огромная, наполненная красота, и в нем больше сожалений об утерянностях, для того чтобы сказать: (что-то вроде) оставлении интересного, (пусть будет так) если люди дорожат друг другом. Так понимать слова Образцова, как Вы, нельзя, а тем более для искусства. Одно — оставлять, другое — остается. Одно —

чепуха, другое — боль, радость, жизнь, творчество, насмешка, а может быть, и милость. Нам этого понять не дали, потому что не мы сотворили себя. Сотворили бы себя — все знали бы...

Как Вы смели даже просить «не рассказывать мисс»? Фу! Фу! Фу! Какая скверная! Ай какая нехорошая! Милушка, а Вы не шамашедшая? Уж верно, если бы не обожал детеньшей как всамделишного ребятешку, то рассказал бы. А потом Вы на самом деле нехорошая, потому, что Вы также то, что можно рассказать. Хорошо и просто. Думаю, что дедушка все поймет и постарается сделать так, чтобы ребятешкам было полегче, а уж как сам дедушка радовался бы. Да-а, нехорошая! Когда дети таят от старших, значит они очень далеки от них. Печальная картинка! Можно погоревать! Дудушка, 2 ночи. Неужели маленькая еще не спит? Вот что дети такие измученные. Это трудноовато сознавать.

Милый, милый светлячок, покойной ночи.

Писал и ничего не сказал. Во как здорово.

Нет, еще не все! Миска права вот в чем: не могу жить без другого? Да. Никак не знаю, как жить без другого, кто и есть смысл. Из-за другого, другим, от другого, тогда получается одно во всем, в жизни, в искусстве, тогда можно работать, т. е. тогда совершается искусство, тогда смысл во всем, все одноитожное, тогда можно верить, что действительность есть, земля есть, дом есть, дерево растет, птичка свиристит, Иринушка Алексевнушка милая, хорошая, светлая, веселая — вот она! Вы же над всем подобным смеетесь и вообще смеетесь (как же Вы можете хотя бы только говорить о творчестве?) Пусть Боженька прощает Вас.

Прошу Вас все, все вспомнить, что говорил и писал, представить все получше, получше и ответить мне: разве я не прав, когда сказал Вам, что не надо и видеться. Как баран дую в одну дудку, но ведь я же знаю, что я сейчас такое, потом я знаю, как думают светляки, а у меня по-другому, зачем же делать друг другу больно Бог знает как. Лучше сейчас не видеться совсем.

А конечно мне не нужно никакого другого счастья оказавшись неправым.

Милушка, скажите, прав я или нет? Ведь все это меня хоть немножко мучит, а?

17.

12 – 13 июня (?) 1941 г., Ленинград

Бог знает что, м<ожет> б<ыть>, Вы рассердились и сказали, что-бы Вас не вызывали к телефону? Ну, Вы же к другим добрая, а почему же мне так мучиться и Вы не пойдете навстречу. Ведь Вы посмотрите, что сегодня было и как Вас нужно бы видеть, а как Вас достать. Ведь это неслыханно. Кто же Вы мне и кто я Вам?⁵⁹ Зачем! зачем! зачем! А потом Вы же говорите, что у меня плохой характер! Когда я не могу больше так. Что Вы делаете? Неужели правда, не думаете что? Как мне в Вишеру ехать, не увидев Вас? Кто же эгоист? Да как же Вы можете так? Конечно, все у меня кипит и вся душа болит. Больше так я не хочу и не могу. Если Вы сами можете так, то я не могу. И Бога это может погубить. Все, опять я наделаю черт знает что, конечно, буду виноват, насколько не будучи виноват.

Да, конечно, все готов кинуть прочь, потому что зачем МУЧИТЬСЯ мне еще и звонками, кроме всего.

Фу, как в общем стыдно. Как Вам не стыдно! Как Вы смеете меня мучить? Вы мне скажите честно и прямо: так можно? Если можно, если ничего худого из этого не будет — то я смирюсь и буду ждать Вашего звоночка, как козочка.

Вот и рассердился.

13. Вы говорите, что не хотите, чтобы между нами стояла глупость? А это что, с телефонами? М<ожет> б<ыть>, больше — идиотство и при этом бессмысленно жестокое. Я тоже не хочу, чтобы оно стояло между нами.

Несколько раз говорил Вам, что я такой же человек, как и Вы, так же занят, так же должен работать, вылезать, значит бегать, делать, сговариваться с людьми и пр. А Вы вынуждаете меня сидеть весь день прикованному к месту. Это что? М<ожет> б<ыть>, это Вас радует? Вы совершенно, совсем не думаете, что у любого человека такое глупое положение ничего хорошего рождать не может. Ведь Вы же не в конец глупая хоть в этом. И как трудно быть в такой чепухе и говорить о ней! Я не могу отойти от Наташи⁶⁰, настоящая драма принимает ужасные размеры. Устал до смерти, воюя с двумя людьми, а Вы? Идиотство со звоночками? Не только города, а жизни не знаете, не знаете, что нельзя оставлять ни на один день того, кто дорог, потому что все может быть, а тем более с таким, как я. (Как об стену горох).

Все это так глупо и так бесконечно горько, что единственное желание — чихнуть на все. Пока не могу, хоть и правильно было бы, а Вы этому возмутитесь, скажете, эгоист. Да если бы Вы на самом деле любили, неужели бы не нашли время и случая

в продолжение даже дня позвонить не раз, а сто! Не боясь, что удобно или неудобно. «Неудобна» минута перед кем-то, а удобно мучить меня. Эх Вы. Даже в этой мелочи и то не можете. А ведь оскорбленной будете себя чувствовать! Вот эта штука в Вас меня больше всего пугает, потому что убить ее ничем нельзя, она всегда будет, это часть Вашей натуры. Вас пугает какая-то галиматья, что, мол, «надо отдать всю себя» и что Вы «прыгаете в бездну» (приятненькое начало!) (и приятно знать это), а меня пугает то, что Вы считаете возможным поступать так по отношению к людям. Я ведь знаю, что Ваша «гордая» душа и Ваши лучшие чувства возмутятся: меня не поняли! Только от того, что правда светлее солнца.

А в общем, я как эгоист скажу: такой чепухи, такой глупости с телефонами мне, конечно, не надо. Если она Вас устраивает — проводите ее с кем-либо, а не со мной. И оба скажем: вот так любовь! Только каждый по-разному.

А м<ожет> б<ыть> Вы больны?

Сейчас поговорю с Вашей мамой!

18.

Июнь (после 22-го) 1941 г., Ленинград

Это когда ходили искать «Правду».

Эх ты! Которая эта бумажка из тех, написанных раньше и сложенных и не переданных? И эта такая же будет? Вот мы люди какие: время нам дано: чтобы проходило, и мы с восторгом принимаем его: не думая о нем, а потом плачем, потоками отдаем кровь свою, а потом, примиренные бессмыслицей сожалений,

с грустью рассматриваем памятью ушедшее. А молодость? У нее одна дорога — скорее догонять стариков, в ужасе от них шараясь.

А где же любимушка? Где славный любимый, любимый зверек? Где это совсем глупенькое, умное созданище? А где — фонарики? Где же они? Куда они убежали? А где любимушный светлячок? А где лапки, такие любимые? а где детеныши? А где светленький образочек? А куда улетела лохматая пчелка? А где дальтон-планы? А где Иринушка Алексеvнушка? Куда девалась звездочка? Где она? Такая, такая нужная. Вон сколько народа, и все ушли. Ах, я знаю, где он: все спрятались в сундучок. А бедная развалина, старик, дедушка, только руками разводит, он, оказывается, такой нескладный, тяпа, что совсем не может не только в Москву уехать, не только в Вишеру, а день не знает, как проскрипеть без сундучка. А сундучку-то фьют, а ему что? Он еще совсем маленький и ничего не знает. А мне страшно хочется хоть каждую минуту быть с маленькой и с маленькой завоевывать все, что положено и надо. Ого! сколько надо! Вот смех перед этой глыбой. Руки чешутся. А никого нету! Звездочки нету. Духа, духа, любимушная, любушка моя. Вы мой любимый человечек? Да? Дудушка, а разве можно меня любить? Мне это совсем не понятно.

Спокойной ночи, давно уже дети должны спать, а дедушка песенку споет и кроватку покачает. Спать пора, а то в угол поставлю.

А я знаю, кто была та «тетя», которую встречали, когда правду искали.

Вот, вот, вот! Ну что такое? Только что звонил в 12,30 и позднее, без 10 час. Отвечают — нет! Как же достать Иринушку Алексевнушку? Все печенки кипят, а потом Вы будете говорить — характер. Ну как Вас достать завтра? А сама ни за что не позвоните! Ой как кипит все! А Вам совсем ничего? И так день прожит, а милушки и нет, и Вам неудобно звонить и мне тоже. Так ведь если нужно — через все неудобства перескачешь. Очень неудобно звонить Вам в час ночи, а звоню. А Вы не можете? Ну, а как достать Вас завтра?

Фу, как все плохо. До смерти глупо. Нету Вас, и все. Говорил, что так — нету. Десять тысяч зверей! Кругом черт знает что, кругом война, все гибнет, человек и так преходящий, а сейчас он вовсе не существует, ему и нельзя быть им, ничего установить нельзя, он прострелен пулей, дырка в нем от снаряда, и уже сейчас, пусть под смех, каждый должен населять мир и радость всем, чем может, если все обречено на гибель, значит в мире властвует любовь⁶¹, а тут не могут позвонить, тут ничего, ничего не понимают, тут совсем не знают, что такое любушка, и я ей-богу не знаю, что делать, раз на самом деле дети или что-то другое вроде. Может, им ничего не надо, т. е. пусть они будут такие, как есть, в том, что их окружает, и не надо их трогать. Для них новость, что любимая женщина возбудитель творческой энергии, что все, что сделано в мире нами, сделано и Вами, вот почему ужасны потери, когда пустыня, ничего нету, два пистолета к вискам, терял, сам ухлопывал все существо, иначе нельзя, никак не выходит, не могу, и вдруг Вы, значит во всем был смысл, так было надо, чтобы вот — последнее, и все от прошлых мудростей надо отдать, чтобы что? Опять потерять? И теперь я иногда боюсь, потому что еще сама маленькая сказала, что она не знает,

может ли ручаться за себя, не знает. Женщины не живут, как мы, идеями, мыслями, не болеют от них, они им не нужны, они даже сами собой не болеют, это мы за них, и тогда Некрасов пишет русских женщин⁶². А мы кричим во всю, из последнего: помогите нам, помогите, а к Вам прийти всегда стремимся, охранить. 999 раз этого не бывает, нет совпадения, и люди не понимают, чем и в чём помочь, а если бывает, то это тогда и чудо. Ну и как его лишиться? А я вообще Бог знает что, и маленькая скажет: надоели Вы мне. Ну и всему крышка окончательная.

А маленькие молчат, молчат и молчат.

Конечно, не в телефоне дело и вовсе не в «характере», а в том, что ничего не сказал и не скажешь. Чем больше говоришь, тем больше молчание. Значит молчать надо.

Вот опять: звонить буду утром. И ничего не скажу. Где же маленькая, любимая девушка. Ну где она? Сижу, жду, так нужно ее, каждый звонок к Миске думаю — это любимушка, и вовсе не она звонит.

Ну как на душеньке у маленькой, хочу сказать ей, милый, любимый дружка, дудуха, зачем так вышло вчера, а маленький стоял такой любимый в дверях, что хотелось взять на ручки, как берут маленьких детей. Милушка, любимая. Бог знает, что она думает, а я люблю, люблю маху и все.

<Слева рисунок — вид комнаты с 4 окнами.>

Фу, какая свинушка. Дуся, клянусь Вам — так нельзя. Обижать маленьких нельзя, «сердиться» самому тоже нельзя, а как быть, раз маленькие устраивают такую ненужную трепку, связывает по рукам и ногам тем, что: позвоню, на весь день. Ведь сдохнуть можно. Ну, не говорите, что позвоните, ну один раз можно «надуть», два, а каждый раз? Я знаю, что маленьким трудно, но

все-таки нельзя так. Бог знает что получается. А потом думаете, меня не ест что с Вами? Ой, духа, милая, какая Вы! Ну ладно: есть Боженька, все будет хорошо.

8 часов. 9... 10... ой какое горе и отчаяние — нет Иринушки Алексеvнушки. Что случилось, что-нибудь нехорошее. И не найти. Может быть, ее совсем уже нет для меня? И вот когда нужно, нужно хоть увидеть, хоть голос услышать — нету! Ужасно это. Обманула, обманула меня Иринушка Алексеvнушка, обещала позвонить утром. К сожалению, у меня нет никакого «самолюбия», потому что люблю маленькую. Ух как плохо!

Ушел. Шлепал по улицам. Не могу ждать весь день, пока будут звонить. Опять, опять бессмысленное, свирепое отчаяние. Ничего и никого нет! Все-таки невообразимо даже по отношению к любому знакомому так поступать.

19.

Конец июня (?) 1941 г., Ленинград

Милая, любимушка, такая свирепая тоска, так все больно, и язва жжет — опять с бутылкой, так ужасно, ужасно нужно Вас, хоть на минутку, и как раз — нет. Обещались позвонить и нет. Как старо! Когда нужно — тогда и нет! Мне лапку нужно, ужасно хорошую нужно. Вот сейчас, мне Иринушка Алексеvнушка нужна. Ни разу, ни разу, ни в чем, никак не было маленькой. Она молчит, молчит и молчит. Сколько я сказал маленьким — ничего. Ведь тогда обротно уходит, а зачем? Нет Вас и не было. Так зачем, зачем, зачем

же все это? Хоть бы раз, хоть какой-нибудь знак, что нужен Вам. Ведь ерунда безумная. Вы так бессмысленно закрыты, а все Ваши «секреты» такие маленькие, а в действительности знаю только одно: «ненавижу» и «неужели не понимаете»? Да зачем это хотя бы в шутку? Конечно, понимаю, да вот сами хоть бы раз сказали, когда Вам что-нибудь трудно, когда нужен Вам: так и так, как есть просто сказали бы...

А? В общем действительно все не объяснишь, действительно понимать надо. Ерунда страшная — все объяснять.

Правда нужно — так в воду прыгнешь за тем, что нужно, а вы позвонить трепещете, сказать в телефон «Володя» и то страшно, хоть никто и не слышит!

В общем я совершенно не прав.

20.

Конец лета — осень (?) 1941 г., Карельский фронт

Милая, родная, родная любовушка, мышка моя близенькая; мышь, родная — такая безысходная, непобедимая тоска по Вас, по моей, моей родной мышке. Ничего больше нет, кроме беспрерывной, непереносимой тоски по мышеньке. И желание, мучительное желание видеть Вас. А впереди только смерть и больше ничего. Нечего скрывать. Быть снова вместе... ого-го. Все так ясно, и мышь тоже понимает. Счастливый Сирано!⁶³(Мышка помнит, как хорошо мы были в театре? А на Аладдине⁶⁴? Я думал: Будур⁶⁵ — это мышь, а сам сижу в яме. И когда сидел рядом с мышей — вся душа была в слезах. Любил Мышу и люблю так, как, должно быть, никто на свете.)

Счастливым Сирано! Он мог писать сколько угодно. Как душа пожелает.

Опять ничего не знаю о Вас. Это самое страшное мучение. Мышенька, хорошая, если любите еще, то пишите хоть открытки, с двумя словами. Буду знать, что живы. А уж потом два-три слова. Все остальное понятно и так. Мышка! а она еще любит меня, а мышь не забыла своего дедушку? И никогда не забудет? Любит? Да? Напишите. А если я буду на голубом небушке, то буду смотреть оттуда на мышку и ждать ее, и уж потом наши душеньки будут вместе. Да, дудушка! Пишите, пишите, пишите. По тому же адресу, пока и скорее. Могу быть каждую минуту далеко. Ух сколько сказать хочется! Целую мои милые лапки, они устали и трудно родным и бедным. Как мышка устает. Все знаю. Милая, милая радость. Боюсь за Вас, за Ваше здоровье и жизнь, а незнание, что с Вами, делает жизнь трудной, еле переносимой. В чем и признаюсь. А письмо от Вас — единственная радость.

Милый, родной, шлю Вашей душеньке всю свою любовь, все, что имею. Буду вечно тосковать по милой, все помыслы о родной, светлой звездочке, истинной моей жизни. Вся жизнь моя в Вас. Знаете. Милушка, целую крепко, люблю Мышку и хочу, страшно хочу сам, лично оберегать ее от всего. Защищать, и всю усталость ее и горюшко мышкино взять себе и сделать мышке легко. Легко. Целую родные, светлые глазки. Все помню. Каждую минуту. Целую. Ваш я.

Очень радостно помню про основу, что говорила мышь: «самое главное в основе». Вот как хорошо. А если бы мышь знала, какие спят,⁶⁶ родные <...> повторить мыши: <...> нами, как <?>

показать прожитое нами — и пишите, пишите, пишите мне, пишите <...> молчитесь <...>

21.

Конец лета — начало осени (?) 1941 г., Карельский фронт

Милый друг мой Иринарушка, светлый мой ребеночек, внучка моя. Вчера были у Вас мои, но не застали. Это ничего: все к лучшему в этом лучшем из миров⁶⁷. Не огорчайтесь. И хоть мне курить хочется зверски (думал, передадите табак), но это ерунда. Светленькая, любимая, Вы ведь знаете, что надо помогать друг другу сохранить жизнь насколько есть сил и возможности. Поэтому: пишите чаще! Я стараюсь во все тяжкие, чтобы пришло к дýхе от меня. О посылке не думайте больше, бросьте; о моих вещах тоже не спрашивать не надо: они пропали и Аллах с ними. Ни одной минуты не пугайтесь предчувствием плохим, осиливайте их светлым и сильным, и ничего не будет. Будьте смеленькой. Много еще впереди надо неистовых сил. Не забывайте и помните, что живу, пока живы Вы. Я тверд и силен только Вами и надеждой увидеть Вас, светлого моего друга. Будьте храбренькой. Тот силен, кто научился не бояться смерти. Не бойтесь ее и ничего не будет. Знаю, духа, как Вам бывает страшно, но будьте крепкой. Все это ерунда ужасная. Как хочу быть с Вами всеми, как спрятал бы маленькую девочку в лапы, как не дал бы ее страху. Так и есть, так было бы. Как жаль, что мышь не знает меня еще, она не сказала бы тогда: хочу к мамочке, а сказала бы: хочу к Володику. А я спрятал бы мышенка у себя в ладони. Светлая, опять здоров и жив и готов

не все — раз получил от Вас открытку. Но не отнимайте от меня силы долгим молчанием. Тогда совершенно болен и без сил. Ведь уже теперь-то, когда так здорово все — еще не понимаете, что значит: один жив другим? Или Вам еще три войны надо? Или у Вас не так? А я, десять тысяч радостей — рад тому, что моя жизнь — в лапках любимой мыши. И Аллах с Вами. До последней минуты так будет. Ребенок мой, выше голову, смело смотрите всем опасностям в глаза, гоните страх и всякие предчувствия. И... любите меня. Да, мышка. Буду жив — все принесу Вам и такого богатого, что ни один человек не имел на свете. Без сомнения!.. Прочтите стих<отворение> Некрасова: Тяжелый год⁶⁸. Обязательно. Так и есть. Хотел бы почитать Вам Вами же мною написанное. Забота куда девать! А сколько всего! Ах, мышь, мышь, любимая. Всего не наговоришь. Целую мою неоглядушную. Каждый раз хочется сказать так много. Как мало писем. Всего светленького, мышка. Всего сильного. Помните! В Вашей доле спасайте меня своими лапками.

Открыток!! В конверт вложите! Немедленно! Черт возьми!!! А с Вашей новой деятельностью при первой возможности расставайтесь! или сейчас же.

Б<ольшая> Охта. Ул Шоссе Революции д 14 а, кв. 45
Дурина Ефросинья Васильевна.

Обнимите и поцелуйте маму. Мисс — свинуха, бросила, забыла в такое время! Написал адрес жены нашего тов<арища>. Сговоритесь как-нибудь — она ездит. Целую.

Посылаю много нежных словушек и любви Вам, Мышь.
Володя

22.

Осень 1941 г., Карельский фронт

Милая! Иринушка! Вам трудно, Вам очень трудно. Но если Вы не знаете, что будет с Вами в следующую минуту, то я ничего не знаю о Вас. Уже много дней. Рука не подымается писать, хотя голова все время занята Вами. Страхом за Вас. Этот страх за Вашу жизнь остановил внутри все. Столбняк. Товарищи получают письма, а я нет. Если Вы живы, то у Вас такое состояние, что не можете написать слова. Вам уже не до того. Вот когда все распадается в человеке. Все, что вокруг вас — знаю. И я с удовольствием променял бы свое на Ваше. Вы не знаете, как у нас. Столько уже прожито и какого, столько отложилось в душе каждого человека, и потом — эти дни, недели, месяцы, что любое произнесенное слово — как богохульство. Все молчит и все боится смерти и мучается от лишения жизни... Если у Вас все пока живы, если Вы еще топаете ножками, то не потому ли не пишете, что получили мое письмо? Злосчастное письмо. Да, здорово, не знаешь, как повернуться, и так и эдак. И долго ли еще ворочаться. Виноват я перед Вами. И все равно ничего не скажешь. [Тогда один ответ на] Виноват-то виноват, как перед человеком, а все-таки искусство — вот благо всем и каждому. Не могу отвернуться от него даже сейчас и именно сейчас. Если бы мог рассказать и показать, и так, чтобы Вы увидели — то вряд ли кто не согласился бы. Оно лечит раны бóльшие, чем те, которые лечат врачи. Оно должно делать так, чтобы никогда не было наносимо человеку физических ран. Оно должно останавливать кровопролитие. Все это слишком маленькое перед тем, что можно было бы сказать Вам. Хотел бы прочесть Вам.

Вы подумаете: сумасшедший! Когда пишет! Думайте сколько угодно: у меня есть Ваши — вот ответ. Ну, хорошо. Сколько я переписал Вам писем и не отправил! Никак. Очень трудно. Хочу точно знать об Олеге. Напишите, что знаете⁶⁹... Ирушка, а о вещах злосчастных сказал — не посылайте, потому что стыдно стало за просьбы, когда Вам так трудно. Лучше пришлите письмо. Мамину⁷⁰ открытку получил, поцелуйте ее, пусть пишет и не забывает меня. Милая, если очень хотеть, то можно не потерять связь, хоть тоненькую, даже сейчас. Пока живы, конечно. Вы хотите?

Сейчас у меня выскочил свободный час и в тепле. Забыл, что такое тепло, мерзну собакой и думаю о вкусных вещах, ну хоть о картошке и еще о Сервантесе. Буду жив — сразу начну «Новый Дон Кихот».

Милушка — пишите. Аня тоже не пишет. Вот и забыли уже. Целую крепко, Ирушка. Внучка, где Вы? Жизнюшка моя, любимая, измученная, усталая. Милая, милая, милая. Светло целую и желаю всего мирного и хорошего. До свидания, солнышко. Живите! Хочется книг и иногда до безумия работать. Любушка, любушка моя. Держитесь крепче. Можно, можно сохранить хоть какую-нибудь связь пока, письмами, телеграммой. Если желать сильно и находить силы. Очень трудно. Милушка слаба? Беру на ручки. Помните, не забывайте. Пишите. Целую.

Дедушка

23.

Осень 1941 г. — начало зимы 1941—1942 гг., Карельский фронт

Милушка моя рóдненькая! Звездочка, такая близкая и далекая. Близкая потому, что светит в самое сердце, живет в нем и не оставляет ни на минуту.

Роднúшка — пусть я тысячу раз покажусь Вам сумасшедшим, но я поражен и восхищен Дон Кихотом. Всегда читал его с ненасытным наслаждением, а сейчас, как с голода — возникают в памяти его страницы и хочется, ох как хочется, читать, читать! Но пусть моя любимая, любимая, необходимость моя, сидит тут же, светится рядом и мы читаем с ней <?> <1 строка на сгибе стерта> вот она, вот ее гла́зы. Вот она сама! Вот голос мыши! Родной! Духа, какая Вы хорошая, светлая, чистая! Помню все! Снег! Зима! Чистый, чистый белый снег и прозрачная зима! Ах Вы зимняя моя сказочка! Любушка невероятная. Мышка, нежный друг мой! Терпите, милая, будьте стойкой. Не падайте духом. Держитесь. И любите, любите. Может вот что: (не возмущайтесь), возьмите Пир и своей лапкой зачеркните и надпишите так: «В потемках <?> за <стерто на сгибе> » <там, где?> было у меня: «В потемки кинулся <?> <стерто> так. Потом: «<строка стерта> из ночи...», а не «из воздуха ». Это зачеркните⁷¹. Потом надпишите: «В дыре стены возникла смерть». Все это хотел еще тогда вписать, а теперь прошу сделать Вас. Обязательно, очень прошу своей лапкой. Ведь это еще черное, над ним надо работать. «Взятое первым натиском восторга...»⁷² Не возмущайтесь, что я в такие минуты обращаюсь с такой просьбой.

Получил вашу посылку. Сколько она принесла Вам и маме хлопот! Простите меня. Когда получил ее — тысячу волнений и переживаний. И Ваш старик, бродяга и поэт, в волненьи чудном уронил слезу над кофточкой зеленой! Старик, старик! Тебе ли отдавать себя во власть боязни жалкой? И смерти ждать и трепетать ее бессмысленной походки⁷³. Милушка, рад вещам, что они Ваши, что веет от них Вами, что они из Вашего Дома! Вот и вся благодарность. Поцелуйте мамочку Вашу и скажите ей от меня много хорошего. Хороша, хорошая мышшь... У меня к Вам вопрос: знает ли Ваша мама о нас? Напишите. Или я много сделал Вам неприятного? Но иногда, по обстоятельствам, было нельзя иначе. Вам было неприятно? Сердитесь?

Все больно и то, что сказали о Хар<мсе?>⁷⁴. Очень у него тяжело, но правильно.

Девушка, милая, м<ожет> б<ыть>, мне удастся увидеть Вас. Но м<ожет> б<ыть>, не хочу и себя обнадеживать. А м<ожет> б<ыть>, мы уедем. Все может быть...

Ладушка, ладушка любимая, как Вы себя чувствуете физически? Слабенькой стали? Держитесь крепче. Мисс, кажется мне, напрасно уезжает.

Целую мышинные лапки, родные и любимые. Пишите, не мучайте, как раньше, долгим молчанием. Вот когда молчите, тогда мне очень плохо. Чуть живу. В Вашем существовании, в Вашей любушке вся моя сила и жизнь, все, что есть. Напишите, получили ли мои письма. Посылал много.

Рыскал в посылке, думал — записочка, два слова! Ничего! А вложить было бы можно. Совершенно свободно. Целую крепко и желаю всего, что хотите хорошего, все, все, что Вам нужно. Больше ничего не присылайте, кроме одного, при случае и

возможности — курить! Если есть возможность. Всего светлого, мышка, родная.

Ваш дедушка.

24.

Начало 1942 г., Карельский фронт

Милая! Ёрушка. Как Вы живы?! Как живы! Милая, милая! Да, на жизнь надеяться трудно, но, как сами говорите: пока живы. А главное, среди всего, всего съедает меня, уничтожает беспокойство за Вас, за Вашу жизнь и здоровье, за Ваши силы и еще разлука с Вами. Вот что точит и точит меня, медленно высасывает силы. Проклятье! Прочли Вы стих Некрасова «Тяжелый год»? Писал Вам. Прочтите. И еще прочтите, если у Вас хватит сил достать и прочесть повесть о Крамском Евдокимова в 5 номере журнала Октябрь за 1941⁷⁵. Хватит сил? Я читал в снегу. Там четыре поразительных жизни, Крамской и его жена, Некрасов и его жена, Панаева. И искусство. Была мятель, холод собачий, читал в снегу. Вдруг музыка по радио, Бетховен. Сумасшедший дом в голове и написал стихи. Когда их Вам прочту? А они Ваши, так же как Панаевой были последние стихи Некрасова, как и «Неутешное горе» Крамского⁷⁶. Последняя ведь была [портретом] его жены. Сделал я еще несколько рисунков, портретов товарищей, и один обжег меня волнением радости. Человечность! Именно теперь должно гореть, жить необыкновенная человечность в искусстве. Это очень огромно и без конца идут отсюда бесчисленные мысли, чувства и соображения. Конечно, рисунки эти невозможно сберечь, негде, бросаешь их, но все равно жгучее чувство под

карандашом всего, что несет в себе и чувствует сейчас вот этот и этот и этот, в кругу совсем уже физических чувств действительности, это жгучее чувство живет под карандашом, и я был счастлив, счастлив без конца. И хотя бы десять минут порисовал! Если буду жив, если будем вместе, то невозможно не сделать. Но, к сожалению, очень слаб физически. Просто до безобразия. Это отвратительно, а ничего не поделаешь. Мышка тоже? Да? Мышенька, милая, а Вы любите меня? Хоть бы как-нибудь чуть написали. Или не время? А я — да, очень, и мне нужно, очень нужно от Вас таких словушек. Чтобы согрели и поддержали. Так просто. Очень нужно. Получили ли Вы мои письма? Писал много. Скажите. Достал и Дон Ких<ота>, 2-ю часть. Хоть 2 стр<аницы> в три дня, а читаю. Странное удовольствие?! Мышенька, нежнуха, рóдненькая, а я все еще живу только Вами, и так будет у меня до конца. И как вышло опять мне так, что от Вас мало писем, и много тревоги и обессиляющего ожидания известий. Сколько раз в месяц Вы мне пишете? Конечно, ответа не дождусь, как раньше на все вопросы. Ах, Вы! Мыша, мыша, целую Вас нежно, нежно, и лапки тоже. Маму и Мисс обнимаю.

Дедушка

25.

Ирина Потапова — Владимиру Стерлигову⁷⁷

Весна 1943 г., Ленинград

Сознаюсь, что мне было очень приятно получить от дедушки несколько слов. Они открыли книгу моей жизни, и я живо пробежала по страничкам наших встреч. Сейчас как раз два года тому

назад мы встречали с Вами весну длинными прогулками. А как было весело!

Очень рада, что Вы взошли на лестницу славы и поднимаетесь по ней. Вы рассердились на меня и не оставили мне ничего, даже <то>, что по Вашим словам, принадлежало мне. Где «Пир»⁷⁸, где художники⁷⁹, «Пальто»⁸⁰... «Ну и что ж, что ты художник... Значит можешь...» По радио не слышала, но хотелось и надеюсь еще услышать от самого автора. Вчера вечером сидели с Миссочкой и Ник<олаем> Мих<айловичем> и читали персидских лириков, очень уютно. Бедный Ник<олай> Мих<айлович> не может прийти в себя от постигшего его горя⁸¹. Миссочка все такая же очаровательная или, как Вы говорили, душка. Я очень жалею, что погибла Ваша иллюстрация к «Пиру». А где Наташа?⁸² Я уверена, что все наносное, неприятное расставание рассосется как папиросный дым при первой же встрече. Шлю Вам тысячи хороших, бодрых мыслей и светлых надежд. Все будет чудно!!! Жизнь прекрасна!

Мыша (если такая еще для Вас существует).

Обрели ли Вы свою мамочку?⁸³

26.

Стерлигов — Ирине Потаповой

Весна 1943 г., Алма-Ата

Дорогая Ирочка!

Неделю назад послал Вам маленькое письмо, у нас продавались тут крошечные конверты. Не знаю, дойдет ли оно до Вас: очень маленькое. Там написал Вам, что был болен крупозным воспале-

нием в легких и чуть не отправился на тот свет. Сейчас поправляюсь. Уже хожу, вернее ковыляю с палкой. Я думал, воспаление в легких бывает только у дам, оказывается, ничего подобного, от чего я очень оскорбился. И все мое здоровье, приобретенное в пустыне, улетучилось. Тош как ленинградец. В общем — чепуха.

Ирочка, я очень радуюсь Вашим письмам, я рад, что Вы пишете мне и, конечно, я хотел бы получать открытки Ваши почаще. Но это не бывало и прежде. Куда там! Чтобы Ирочка писала чаще, лучше и больше?! Ха! Ха! Жди, дедушка! Скорее петух заляет. Смотрите! Природа «зла», она обязательно оборачивается к нам тем же, в чем отказывали другим⁸⁴. Будете обязательно ждать писем от кого-нибудь, да как ждать! А Вам будут капать по три капли перед едой раз в три года. А тут надо гомеопатическое лечение. Как я у Миски путался с белыми шариками и пузырьками.

Вы говорите, что не хотите забывать меня. Кого же это не обрадует. И я, не только не хочу, а просто не забываю, не собираюсь, да если бы и захотел, то ничего бы и не вышло. А вот если сказать: не хочу забывать, то вот тут как раз может быть начало к забвению и есть. Не сердитесь: это формализм. Человек человеку, когда любит — верит. Любовь и вера тут заодно. Думаю, что чувствовал и понимал Вашу веру, а отсюда, издалека, еще лучше освещается прошлое. И в то же время опасался. (Так оно и вышло.) Иногда, оказывается, человек верит «слишком». Так случилось с Вами. Вот что это значит: Вы были уверены в Вашей вере настолько, что были убеждены, что ничто не может поколебать любовь и веру в человека и что рано или поздно будет благополучно, т. е. прямо говоря, что будем вместе.

И это состояние оказалось пассивным, верой «слишком», чтобы перейти в⁸⁵ активность, в победы над препятствиями жизни, только потому, что существовала уверенность: «Все равно так будет, как я хочу», может быть даже смутная, как состояние, что и есть вера. И, помните, я Вам говорил, что нужна мировая катастрофа, чтобы Вы сказали мне то, что сказали в Таврическом саду?

И вот эта катастрофа разразилась и... оказалась сильнее любви и веры, т. е. нас разбросало в разные стороны. Но, как и говорил Вам, писал: я шел к Вам. У меня было не так. Я все это знал и знаю и делом пытался спасти свое «неверие» в Вас, т. е. характер Вашей веры. Иначе и просто: нашу любовь. Еще раз говорю, что у меня была одна цель — Вы. И чего она стоила, сказать трудно. Если только увидимся. И вот... и вот прошлое, как известно — прошлое. Оно было. И наша с Вами коротенькая жизнь — чуть ли не лучшая страница в моей жизни, веселая, лучистая, полная (до войны). Но она — прошлое. Пусть так и будет. Но, конечно, совсем это не значит, чтобы я желал потерять Вас, не получать и самому не писать Вас письма. Я хочу, чтобы переломатая мышá не забывала дедушку, потому что дедушка любил мышю так, как она не захотела понять, и потому что дедушка сохранил к мышке самые добрые, добрые, светлые чувства.

Передайте Мисс, дорогой и милой, что я очень тоскую, что она не пишет, что обижен ею (если бы мог обижаться), что жду от нее открытки, что она все-таки свинья, что не пишет и думает (как и Вы), что святой дух, что могу узнать номер ее новой квартиры. И еще: что я всегда готов прийти к ней на помощь в чем могу, что она (как и Вы!!!) зря не поехала со мной, что мне очень, очень больно, что нет у нее усилия для меня: написать

открытку! Как стыдно! Как стыдно! Поцелуйте ее, дорогую, противную Мисс. Привет Ник<олаю> Мих<айловичу>.

Мамочку я нашел. Переписываемся. У нее горе, чем сражен и я: убит ее сын Коля, чудный, светлый, молодой.

Сам я работаю как всегда: рисую, пишу стихи и прозу, чем счастлив. Сделал несколько детских книжек для здешнего издательства.

Вот и все как будто. Писать будете? А? Переломатая? Очень нужно было бы для Вас приготовить кое-какую кашу, знаете какую? Которой иногда детей кормят, когда они не слушаются.

Передайте привет и поцелуйте мамочку. Желаю ей всего, всего светлого и хорошего. Всего хорошая, [глупая], переломатая мыша, не сердитесь на меня. Есть такие глупенькие-глупенькие мыши, игрушечные, колесики у них поломатые.

В. Стерлигов

27.

Ирина Потапова — Владимиру Стерлигову⁸⁶

Ленинград. Ул. Некрасова, 60, кв. 97.

4 августа 1943

Дедушка, милый!

Рада Вашей прозе и еще больше, что живете в творчестве. Значит все чудно. Искренне радуюсь. Но как хорошо Вы меня поняли, вот уж действительно, вся перемолотая, и теперь, как никогда, называется это в жизни. Очень бы хотелось, хоть пока невозможно слышать, то почитать дедушкины стихи, из старых я много еще

помню и часто воскрешаю. Завидую очень поездке в пустыню! У меня отчаянное желание к передвижению, «мною овладело беспокойство... желание к перемене мест»⁸⁷. Так мечтаю путешествовать и впитывать в себя новые картины, жизнь и ощущения. Миссочка с Ник<олаем> Мих<айловичем> переехали рядом в квартиру и живут над нами⁸⁸. Они много работают. Мы часто вспоминаем «художника». Хоть бы одним глазком взглянуть на выставку! У меня сильное желание уехать, но оставить мамочку не в силах, а она неумолима. Мы, ленинградцы, каждый день чувствуем, что мы герои и живем на фронте. Пока еще живы и мечтаем, и надеемся, и улыбаемся жизни, которая все-таки так прекрасна!

ШлютысячисветлыхмыслейМиссочкииНик<олая>Мих<айловича>. Целую и мамуся моя <тоже>.

Перемолотая мышка.

Желаю много веселого, хорошего и чаще вспоминать Ленинград.

28.

*Ирина Потапова — Владимиру Стерлигову*⁸⁹

Ленинград

7 апреля 1944

Так как Мисочка наша с Вами дорогая очень, очень занята, то я направилась в ЛОСХ⁹⁰ за справкой для Вас, сама и получила ответ, что Вы должны сами написать туда заявление и попросить выслать справку. Напишите точно сами, когда Вы были членом, какой секции и с какого по какое, и они Вам вышлют, а постороннему лицу не выдают. Вот Вам какие новости. Очень рада, что много рисуете, но сожалею очень, что мало внимания уделяете

слову. Я до сих пор вспоминаю некоторые Ваши вещи. Жалко, что Вы от меня все отобрали.

Ленинград представляет сейчас место въезда большого количества людей. Въезд стал такой же модой, как в 41-ом осенью <отъезд>. Народу с каждым днем заметно прибывает. Уже много народа и на улицах и в трамвае, и даже Филармония наконец добилась аншлага, все билеты проданы, и Анна Алекс<андровна> с Ник<олаем> Мих<айловичем> очень много работают. Иногда даже ночами и страшно измотались, и устали. Через месяц Ник<олай> Мих<айлович> собирается в Москву. Шлю Вам большой ленинградский привет. Спасибо за поздравления, но они к Вам также относятся. Тысячи приветов.

Мышка

* Подготовка текстов и примечания О.Л.Фетисенко при участии И.А.Стерлиговой. Печатается по оригиналам, хранящимся в собраниях А.Б. Шишкина (основной корпус текстов), И.А.Кокошкина (четыре письма Стерлигова) и Е.С.Спицыной (три письма И.А.Потаповой). Сохраняются особенности авторских орфографии и пунктуации. Письма Стерлигова не датированы.

Предложенные нами последовательность и датировки достаточно условны. (Лишь в нескольких случаях содержание письма позволяет установить время написания более точно.) В публикации для раскрытия сокращений

и редакторских конъектур применяются угловые скобки.

Зачеркнутый текст дается в прямых скобках.

Письма И.А.Потаповой впервые были опубликованы Е.С.Спицыной: *Experiment / Эксперимент. A Journal of Russian Culture*. Los Angeles, 2010. Vol. 16. P 2. С. 283 — 284.

- ¹ Мисс (также Миска, Мисочка, Анюта, Анютины глазки) — художница Анна Александровна Лепорская (1900 — 1982).
- ² Конец письма, от слов «Сижу на концерте...» написан неровным почерком, по-видимому, во время концерта на коленях.
- ³ Евгений Александрович Мравинский (1903 — 1988), дирижер; с 1938 г. возглавлял Симфонический оркестр Ленинградской филармонии. В репертуар оркестра входили все симфонии Людвиг ван Бетховена (1770 — 1827), чаще всего исполнялись 4, 6 и 5 симфонии.
- ⁴ Подразумевается Рене Декарт (1596 — 1650), основой философии которого был дуализм души и тела, двойственность идеального и материального, признание и того, и другого независимыми самостоятельными началами.
- ⁵ Ср. в письме И.А.Потаповой к А.Б.Шишкину на с. 000: «Фонарик — это я».
- ⁶ «Благотельный палач», выражение Ж. де Местра.
- ⁷ Речь идет о поэме «Пир королей», название которой отсылает к известной картине П.Н.Филонова (1913). Сохранившиеся фрагменты поэмы см. на с. 000.

- ⁸ Речь идет о живописце Олеге Всеволодовиче Карташове (1915—1941), друге и ученике Стерлигова.
- ⁹ Речь идет об ответе И.А. на письмо В.В. №2, этот ответ упоминается в письме № 4.
- ¹⁰ Стерлигов проходил медицинское обследование в связи с обострением язвенной болезни.
- ¹¹ Имеется в виду издание: Киплинг Р. Избранные стихи / Пер. с англ. под ред. Вал. Стенича; вступ. статья Р. Миллер-Будницкой. Л.: Гослитиздат, 1936. — 272 с., ил.
- ¹² Озерная школа – название группы английских поэтов романтиков конца XVIII нач. XIX в., в которую и входили упомянутые Стерлиговым Уильям Вордсворт (1770–1850) и Сэмюэл-Тэйлор Кольридж (1772–1834).
- ¹⁵ См. примечание 8. О.В.Карташов жил по адресу: Гулярная 25, кв. 46.
- ¹⁴ См. примечание 1.
- ¹⁵ Первая строка стихотворения Г.Гейне «Vergiftet sind meine Lieder...» (1822—1823) из «Книги песен» в переводе Л.А.Мяя (1858); на этот текст А.П.Бородиным написан романс.
- ¹⁶ «Der Doppelgänger», песня Ф.Шуберта (из посмертного сборника «Лебединые песни») на стихи Гейне; входил в репертуар Ф. И. Шаляпина.
- ¹⁷ 130-летие со дня рождения Р.Шумана исполнялось 8 июня 1940 г.
- ¹⁸ Строка на сгибе полустерта.
- ¹⁹ Возможно, намек на поклонника И.А.Потаповой Н.Д.Богинского. См. о нем с. 000 наст. издания.

- 20 Аллюзия на романс Ратмира из оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила», начинающийся словами «Она мне жизнь, она мне радость...»
- 21 Александров — город во Владимирской области (до 1778 г. — Александровская слобода).
- 22 Возможно, речь идет о младшей сестре Стерлигова Галине Васильевне Полуэктовой (1907 — 1963), на московский адрес которой для него могли посылаться письма.
- 23 В 1940 г. впервые в СССР отмечался юбилей А. А. Блока — 130-летие со дня рождения. Возможно, Стерлигову в это время предложили оформить какое-либо из намечавшихся изданий.
- 24 Лабардан — соленая треска; название рыбы, которую ел Хлестаков в гоголевском «Ревизоре». Это слово было одним из домашних прозвищ Стерлигова.
- 25 Для получения бандероли надо было предъявлять паспорт, тогда как Стерлигов как ссыльный находился в Москве нелегально..
- 26 Николай Александрович Краевский (1905 — 1985) — выдающийся российский онколог, автор книги «Руководство по патологоанатомической диагностике опухолей человека».
- 27 Евангельская аллюзия: «Имейте веру Божию, ибо истинно говорю вам, если кто скажет горе сей: поднимись и ввергнись в море, и не усомнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, — будет ему, что ни скажет» (Мк. 11: 23).
- 28 О ком идет речь, установить не удалось.
- 29 МОСХ — Московский областной союз художников.

- ³⁰ Выставка к 10-летию со дня смерти В.В.Маяковского не состоялась.
- ³¹ Речь идет о Н.М.Суетине и К.И.Рождественском.
- ³² Вторая жена Н.М.Суетина, Сарра Абрамовна Каменецкая (1916—1942). В конце 1930-х годов брак А.А.Лепорской и Н.М.Суетина распался, но они продолжали работать вместе.
- ³³ Антонина Фёдоровна Софронова (1892–1966) — московская художница, книжный график, прошедшая путь от сезаннизма «Бубнового валета» через конструктивизм к собственному стилю лирической живописи и графики, развивающему традиции французского постимпрессионизма. В.В. Стерлигов поддерживал отношения с ней и в 1960-е годы.
- ³⁴ Александр Иванович Введенский (1904—1941), поэт и драматург, один из создателей группы ОБЭРИУ. А.А.Лепорская и В.В.Стерлигов были крестными родителями его сына Петра.
- ³⁵ См. примечание 22.
- ³⁶ Неустановленное лицо. Стерлигов не хотел упоминать, и тем самым подводить того, кто ему помогал.
- ³⁷ Вероятнее всего, имеется в виду ор. 102 И.Брамса, концерт для скрипки и виолончели с оркестром (1887).
- ³⁸ Это замечание подтверждает наше предположение, что И.А.Потапова и В.В.Стерлигов познакомились уже в 1939 году.
- ³⁹ Имеется в виду холст Марка Шагала «Над городом» (1914—1918, ГТГ).
- ⁴⁰ Т. е. до ул. Чайковского (Сергиевской).

- 41 Чудово — село (с 1937 г. город) в Новгородской области, крупная железнодорожная станция. Для Стерлигова — пересадка по пути в Малую Вишеру
- 42 Повесть Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» (1859).
- 43 Роман Достоевского «Братья Карамазовы».
- 44 Вероятно, речь идет о работе для заработка. Стерлигов и позднее занимался художественным оформлением детских настольных игр.
- 45 Стерто на сгибе.
- 46 Возможно, речь идет о дачном поселке, где летом снимали дачи И.А.Потапова и Сафоновы.
- 47 Речь идет о друзьях В.В.Стерлигова, художнице Елене Васильевне Сафоновой и ее сестрах. Елена Васильевна Сафонова (1902–1980) – книжный график, художник театра и кино; ученица К.С.Петрова-Водкина; как и В.В.Стерлигов, была дружна с обэриутами, сотрудничала в журналах «Чиж» и «Ёж».
- 48 См. примечание 8.
- 49 Норд — популярная кондитерская на Невском пр., д. 44 (с 1951 г. носит название «Север»).
- 50 Имеется в виду ослица пророка Валаама, заговорившая с ним, чтобы побудить его исполнить Божие повеление — благословить народ Израилев, а не проклинать его, о чем повествуется в 22 главе Книге Чисел.
- 51 Неточная цитата: Ин. 12: 24. Эти слова стали эпиграфом к роману Достоевского «Братья Карамазовы».
- 52 Так В.В.Стерлигов позднее называл фантастическое четвероногое существо из хлебного мякиша со спичками

вместо ног, хвостов и рогов, о котором вспоминают мемуаристы. (Сперанский В. Мой друг Владимир Стерлигов // Наше наследие. 2012. № 102. С. 159.)

⁵³ Елена Адамовна Андреева, родственница И.А.Потаповой.

⁵⁴ Н.М.Суетин.

⁵⁵ См. примечания 8 и 13.

⁵⁶ Поэт Николай Алексеевич Заболоцкий (1903—1958), в 1920-е гг. принадлежал к объединению ОБЭРИУ. В 1927 г. Стерлигов и Заболоцкий вместе служили в Красной армии (в команде «краткосрочников»), что отразилось в шуточном стихотворении Заболотского («Однажды Стерлигов...»).

⁵⁷ Подразумевается молчание Христа в ответ на вопрос Пилата: «Что есть истина?»

⁵⁸ Речь идет о спектакле Театра кукол «Волшебная лампа Аладдина» — пьеса Нины Гернет, поставленная С.В.Образцовым в 1940 г.

⁵⁹ Перед самой войной в Ленинград вернулся из ссылки вернулся муж И.А.Потаповой А.И. Бородулин. См. о нем примеч. 26 к ее «Фрагментам воспоминаний».

⁶⁰ Предположительно, Наталья Георгиевна Басманова, (урожд. Ланг; 1906—2000), график; жена художника П.И.Басманова (1906—1993); с начала 1930-х годов Басмановы — ученики и друзья В.В.Стерлигова.

⁶¹ Цитата из стихотворения В.В.Стерлигова С. 128.

⁶² Имеется в виду поэма Н. А. Некрасова «Русские женщины» (1871—1872).

- 63 См. примеч. 6 на с. 000. Упоминание об этом спектакле позволяет датировать письмо 1941 г.
- 64 См. примечание 58.
- 65 Главная героиня пьесы «Волшебная лампа Алладина».
- 66 Далее текст почти стерт.
- 67 Крылатые слова из повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм» (1758), высмеивающие философию Г.Лейбница.
- 68 Имеется в виду стихотворение «Тяжелый год — сломил меня недуг...» (1855 или 1856).
- 69 Вероятно, до Стерлигова уже дошли слухи о гибели О.В.Карташова. Он был раздавлен немецким танком летом 1941 года, осенью об этом Стерлигову написала жена Карташова Злата Степановна Митусова (1908—1942).
- 70 Елизавета Никодимовна Потапова (урожд. Ходоровская; 1886—1966) — мать И. А.
- 71 В известных на сегодняшний день вариантах поэмы приведенных здесь строк нет.
- 72 «Натиск восторга» — термин М. А.Врубеля.
- 73 Возможно, эти слова навеяны пьесой Эдмона Ростана «Сирано де Бержерак», которую И.А.Потапова и В.В.Стерлигов смотрели перед войной в Ленинградском театре им. Ленинского комсомола.
Ср. в переводе В. Соловьева:

«Прощайте. Я умру.

Как это просто все! И ново и не ново.

Жизнь пронеслась, как на ветру

Случайно брошенное слово.

Бывает в жизни все, бывает даже смерть...
 Но надо жить и надо сметь.
 И если я прошел по спискам неизвестных,
 Я не обижен... Ну, не довелось...
 Я помню, как сейчас, один из ваших жестов,
 Как вы рукой касаетесь волос...
 Я не увижу вас. И я хочу кричать:
 — Любимая, прощай! Любимая! Довольно!
 <...>

Жизнь теплится еще. Еще я берегу
 Свое последнее дыханье...
 В свою последнюю строку...
 Вы дали мне любовь. Как одинокий марш,
 Она звучит во мне, и, может быть, за это
 Навеки будет образ ваш
 Последним образом поэта....
 <...>

Быть может, эти строки пробегая,
 Когда я буду нем, вы ощутите вновь
 В моем письме живущую любовь....

⁷⁴ Вероятно, Ирина Алексеевна сообщила Стерлигову об аресте Д.И.Хармса (23 августа 1941 г.)

⁷⁵ Повесть Ивана Васильевича Евдокимова (1887—1941) «Крамской» была напечатана в журнале в сокращении (Октябрь. 1941. № 5. С. 86—176).

⁷⁶ В последней главе упомянутой выше повести Евдокимова рассказывалось о создании этой картины (1884), навеянной,

как там говорилось, смертью младшего сына художника, Марка, который на самом деле умер за 8 лет до появления картины. В главной героине полотна запечатлены черты жены Крамского, Софьи Николаевны, урожденной Прохоровой (1840—1919).

- ⁷⁷ Впервые опубликовано Е.С.Спицной: Experiment / Эксперимент. A Journal of Russian Culture. Los Angeles, 2010. Vol. 16. P. 2. С. 282—283. Ответ на неизвестное нам письмо Стерлигова из Алма-Аты.
- ⁷⁸ См. примечание 7.
- ⁷⁹ Стихотворение «Художник» сохранилось; см. с. 000.
- ⁸⁰ См. примечание 00 на с. 20.
- ⁸¹ В 1942 году в эвакуации в Башкирии замерзла во время бурана вторая жена Н.М.Суетина С.А.Каменецкая. (См. : Шварц Е. Телефонная книжка. М., 1997. С. 275.)
- ⁸² См. примечание 60.
- ⁸³ Мать В.В. Стерлигова Софья Яковлевна Чубаровская умерла в 1915 г. О ком идет речь здесь и в ответном письме Стерлигова, установить не удалось.
- ⁸⁴ Исправлено; было: отказываем другому.
- ⁸⁵ Далее зачеркнуто: действ<ие>.
- ⁸⁶ Впервые опубликовано Е.С.Спицной: Experiment / Эксперимент. A Journal of Russian Culture. Los Angeles, 2010. Vol. 16. P. 2. С. 283.
- ⁸⁷ Измененная цитата из романа в стихах А.С.Пушкина «Евгений Онегин».
- ⁸⁸ В это время мать И.А., Елизавета Никодимовна Потапова, помогла А.А.Лепорской и Н.М.Суетину переехать в

квартиру, где до войны жил с женой и тремя дочерьми ее брат, Михаил Никодимович Ходоровский (кон. 1870 —1926).

⁸⁹ Впервые опубликовано Е.С.Спицыной: Experiment / Эксперимент. A Journal of Russian Culture. Los Angeles, 2010. Vol. 16. P 2. С. 283 —284.

⁹⁰ Более точная аббревиатура на момент возникновения (август 1932 г.): ЛОССХ, Ленинградское отделение Союза советских художников; разместилось на ул. Герцена, 38, в том же здании, где до 1917 г. находилось Имп. Общество поощрения художеств. В 1944 г. Стерлигов вступил в Графическую секцию ЛОСХ.

⁹¹ А.А.Лепорская и Н.М.Суетин участвовали в подготовке экспозиции Музея обороны Ленинграда в Соляном городке.

В.В.Стерлигов. 1950-е. Рис. Г.А.В.Траугот

Екатерина Иноземцева: Послесловие к письмам

*что мы знаем о Боге
дети, люди, друзья?
мы с тобою на небе —
это ты, это я*

Александр Введенский. «Факт, Теория и Бог»

Ты дала мне два дела: 1) не звонить к тебе, 2) не видеть тебя. И теперь я занятой человек. Есть еще третье дело: не думать о тебе. Но его ты мне не поручала. <...> Обязанности: любить, не встречаться, не писать писем. И помнить, как сделан Дон-Кихот...

Виктор Шкловский. «Зоо или письма не о любви»

«Роднүшка — пусть я тысячу раз покажусь Вам сумасшедшим, но я поражен и восхищен Дон Кихотом. Всегда читал его с ненасытным наслаждением, а сейчас, как с голода — возникают в памяти его страницы, и хочется, ох как хочется, читать, читать!» Эти строки в первый год войны пишет художник и поэт Владимир Стерлигов своей возлюбленной Ирине Потаповой: он на Карельском фронте, она в блокадном уже Ленинграде — привыкает к звуку бомбежек, учится, как не околеть от голода, не утратить человеческого облика.

Впрочем, никакой другой боли, кроме любовной, «куртуазной» нет в переписке между Стерлиговым и Потаповой. Стерлиговское пальто, единственная ценная вещь, подаренная ему

кем-то из друзей после выхода из лагеря, превращается в рыцарскую мантию. Убогие пейзажи Малой Вишеры, где он прописался перед самой войной после так называемого «минус 6» (запрет жить в шести крупных городах страны) кажутся материалом, пригодным, чтобы им красить, из него лепить («Прекрасна Вишерская грязь! Вступил в неё, а она роскошная, красивая, только живопись. Удивительные лужи, ими писать картины... А дождь звенит по ним, как в звонкое железо. Всё это надо было бы сделать!»). Одним словом, рыцарь и поэт Стерлигов готов петь о чистой «минне», о бескорыстной любви миннезингера к прекрасной даме, чаяние которой составляет единственную реальность и настоящий смысл, все остальное оседает в складках мутной и жестокой действительности. Он невероятно вариативен в жанрах собственных писем (переписка началась в 1939 году и прервалась весной 1943 года, о чем мы скажем чуть позднее), и как настоящий средневековый трубадур, прибегает к жанру то канцоны и сирвенты, то исполняет эскондидж (песнь-оправдание), то дескорт (descort — разногласие, раздор) или энуг (перечисление всего, что доставляет скуку) и плазер (все, что приносит радость). Стерлигов ткет из «поэтизированного слова» защитное покрывало, которое скрывает обоих, бережёт от агрессивного мира: он, кажется, всем своим существом стремится к укрытию, к безопасному слою реальности, глубоко переживая опыт русской абсурдной поэзии (в этот момент Стерлигов, кажется, больше поэт, чем художник — с какой радостью он пишет в одном из писем о реакции Харимса на его стихи: «Хо! Хо! Хо! А Хармс сражен. Веселился от души. Он сказал, что мои стихи сильнее Заболотского и что я, Ваш покорный слуга, бродяга непутевый, большой поэт. Во! Во! Во!»). Он

упражняется в ритмических экспериментах, как будто постоянно поддерживая «разговор», сохраняя энергию диалога («А что делает мышонок? Сегодня он в Норд не пошёл. Нет. Не каждый же день? Правда? Ду-ду молчит и этим говорит. Да? Они такие, эти мыши? Они думают: чего говорить, когда и так видно. Да, мыша? А духа когда-нибудь читала Библию?»)

Сама интонация должна отзвонить где-то в другой точке пространства и времени, эти вопросы не созданы для чтения и ответов, они не требуют человеческого отклика, они призваны взбудоражить текст, придать ему энергию, чтобы он был пущен как снаряд единственному адресату. «Влюблённый агент» то причитает, то утешает, то поет колыбельную, то частушку, рвёт предложения на звукоподобные фрагменты, соединяет их новым способом, страшно увлекаясь, изобретает новые рефрены, наслаждаясь «сюжетом» — собственным чувством, глубоким и полным, которым не смеет обременить адресата. Он не позволяет себе в театрально-нарциссическом порыве упиваться разлукой, тоской, невозможностью прогулок и встреч. Его письма избавлены от эпистолярного маньеризма, романтической драмы, дневниковых откровений, рассчитанных на будущие поколения. Это становится еще очевиднее, если перечитать письма и дневниковую прозу многих коллег, друзей, знакомых Стерлигова (вспомнить только переписку Пушкина и Ахматовой того же времени!), по которым успела пройти обезумевшая репрессивная машина и кто был вынужден жить ожиданием беды, невытравливаемым страхом. Но дело, кажется, не только в этом, но и в том, что Стерлигов обладал совершенно иным поэтическим (и шире — культурным) сознанием: он категорически не склонен к ламентации, к декадентской тоске по боль-

шой культуре; он — как и Хлебников, многие ОБЭРИУТЫ — уже пережил конец мира в большом, метафизическом смысле, он уже явлен ему перевернутым, расслоенным, разлетевшимся на частицы. Важнейший опыт преодоления конца времени оказывается фатальным для Введенского, Хармса, Хлебникова, Малевича, Филонова и Стерлигова в том числе, ведь как было бы возможно творение, создание нового прибавочного элемента, легендарной чашно-купольной системы, если бы не произошло разрушение прежнего, если бы не было выпито «черное молоко рассвета»¹?

Здесь будет уместно уточнить одно обстоятельство, касающееся истории переписки. При всей автономности прозаических текстов Стерлигова, которые часто выглядят самостоятельными произведениями, в их кровеносной системе растворена «Мыша, дух, фонарик, светлячок — Иринушка Алексеvнушка». С другой стороны, заметно ее отсутствие, потому что переписка не содержит ни одного ответа, кроме поздних писем 1943-го года. Ирина Алексеевна сама передала письма, коробку с которыми Ирина Стерлигова по чистой случайности обнаружила в Риме.

Ирина Алексеевна Потапова, будучи человеком довольно скрытным из-за семейной истории (ее отец Алексей Степанович Потапов — репрессированный генерал-майор царской армии), всю жизнь оставалась крайне и последовательно акуратна во всем, что касается обстоятельств ее частной жизни. О Стерлигове всегда говорила с большим теплом и уважением, однако речи о серьёзном любовном переживании никогда не шло. И вот практически перед самой смертью Потапова передала письма своему крестнику, Андрею Шишкину в Рим. Вряд

Г.А.В. Траурот.

И.А.Потапова. 1950-е. Рис. Г.А.В.Траурот

ли она руководствовалась соображениями архивной ценности, восполнения лакун в биографии большого художника, иначе не отправляла бы письма так далеко.

Храня их всю жизнь, Потапова могла бы показать их людям, чутким к искусству Стерлигова, специалистам, занимающимся историей культуры первой половины XX века. Однако она этого не сделала. В коробке были только несколько писем 1943 года. В этот год Стерлигов писал ей из алма-атинской эвакуации, где у него началась совершенно другая жизнь, прежде всего жизнь художника — он вновь обратился к рисованию при непосредственном влиянии будущей жены Татьяны Глебовой.

Потапова отправила в Рим фрагмент чистой поэзии, сверхконцентрированного текста, напитанный любовью и абсолютной нежностью, объект которой то ли она сама, то ли Прекрасная дама. Той подлинной поэзии, что добывает до предельных глубин мира, до самого дна, вызывает к жизни дух, открывая его тому, кто пережил опыт смерти и распада. Потапова актом передачи писем совершила действие куда более значительное: она очистила эти тексты от сиюминутного, повседневно-бытового, девичьих переживаний и дамских истерик (они, судя по отдельным фрагментам, всё-таки имели место), освободив их из времени, вернув поэзии высокий статус. И, позволим себе это замечание, укрепив собственную историю таинственной музыки, томление по которой рождает поэзию.

Удивительно завершение этой переписки, тональность которой меняется резко — до болезненного ощущения, до холодка по спине. В 1943 году она более всего напоминает общение двух приятелей, которые с нежностью справляются друг о друге, спрашивают о делах общих друзей (постоянно в переписке

фигурируют художник и ближайший ученик Малевича Николай Суетин и Анна Лепорская, «Мисс»), но никак не вчерашних влюбленных. Болезненность происходит не из банального оплакивания ушедшей любви, а от того же чувства, что испытываешь, например, когда после книги раннего Гофмана или героев «пламенеющего романтизма» читаешь рассказы позднего Гофмана, предвосхитившего уютный и устроенный мир эпохи бидермайера. В буржуазном уюте невозможен прорыв, прыжок Эмпедокла², постепенно закрываются все выходы в идеальное, тебе шепчут, что тут надежнее и правильнее. Сердца истончены вечным надрывом, существованием на пике, и все следует обратить в русло созидательной работы. Это и произошло в последних письмах: уход поэта и появление художника.

¹ Пауль Целан, «Фуга смерти» (1947).

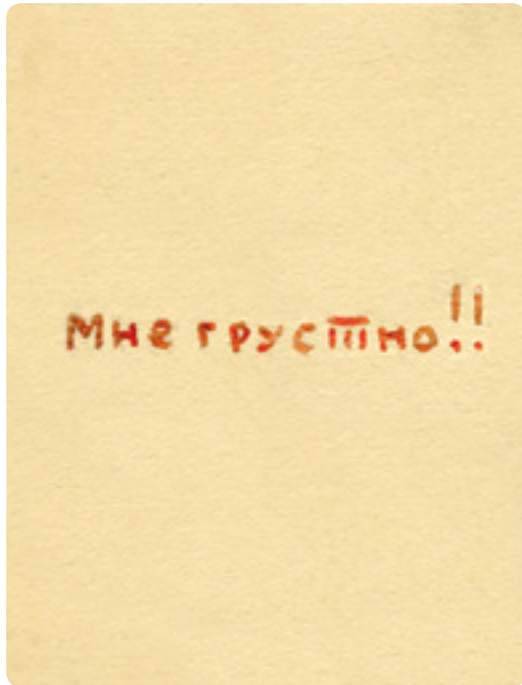
² Эмпедокл, автор знаменитого учения о четырех стихиях. Легенда гласит, что он решил стать бессмертным, прыгнув в вулкан Этна, и таким образом погиб.

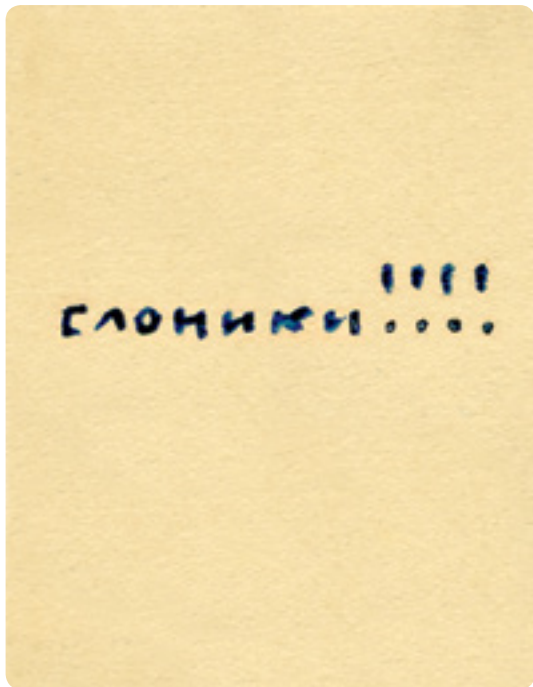

Графика

**Владимир Стерлигов.
Рисунки для Ирины Потаповой
1940**

Записка В.Стерлигова к И.Потаповой. 1940

Записка В.Стерлигова к И.Потаповой. 1940

В.Стерлигов. Страница из письма:
Дальтоны спешат на урок. 1940

В.Стерлигов. Страница из альбома. 1940

<Подпись под рисунком>

Мы с утра споем и спляшем
И портфелищем помашем.
Мы портфелик открываем,
Языкам всех обучаем:
По-английски, по-немецки,
Главным образом по-детски.
Там лежат еще тетрадки,
Две свистульки, три лошадки
И как небо голубые
Шаровары мировые,
Будет лето — я клянусь,
В них полезу на Эльбрус!

Мы с утра стоим и спалищем
 и портфелищем помнимем.
 Мы портфелищ открыаем,
 языком всех обучаем:
 По английски, по немецки,
 главным образом по детски.
 А портфель нельзя поднять,
 книжечек в нем десятков пять
 и по русски, по немецки,
 главным образом по детски.
 Там лежат еще тетрадки,
 две свистульки, три лошади
 и как небо голубые
 шаровари мировые,
 будет лето - я клянусь,
 Веник полезу на дубус!

В.Стерлигов. Страница из альбома. 1940

<Подпись под рисунком,
изображающим И.А.
на коне Медного всадника>
Я вскочила на коня
Догоните-ка меня!
Целый век мечталось мне
Покататься на коне!
И теперь я вдаль скачу,
Я под облаком лечу,
Надо мной летают мушки,
Я в руках держу игрушки:
Шарики воздушные,
Куколки послушные!
Вот как чудно!

Владимир Стерлигов. Рисунки для Ирины Потаповой. 1940

Я вскочила на коня,
 Догоните ка меня!
 Целый век мечталось мне
 Покататься на коне!
 И теперь в даль скачу,
 Я под облаком лечу,
 На до мной летают мушки,
 Я в руках держу игрушки!
 Шарики воздушные,
 Куколки послушные.
 Вот как чудно!

В.Стерлигов. Рисунок для И.Потаповой. 1940

В.Стерлигов. Страница из альбома. 1940

<Подпись под рисунком>
Целый день мы пляшем, пляшем
И букетиком мы машем,
Все роскошно, все чудесно,
Жить без танца очень пресно! >

Почтовая карточка, посланная В.Стерлиговым
к И.Потаповой из Малой Вишеры 16 мая 1941

Этот портрет
 надо вклеить в книжку
 стихов подаренную
 Вами.
 Великолепный А.С.Пушкин!
 Тебе восторженный привет
 Передает иной поэт
 Под странным прозвищем — Кадушкин.
 Уверен я, настанет час:
 (И в смерти можно повстречаться)
 Вслед за тобою взяв Парнас —
 На полках буду красоваться!
 Кадушкин.

Ирина Тарханова:

«...под странным прозвищем — Кадушкин»

Ведь кто-то может открыть эту книгу случайно. Сегодня или когда-нибудь потом. Не станем загадывать. И не вникая ни во что, увидеть на странице веселый рисунок — дамочку в пальтишке, с воздушными шарами, на улыбающейся лошади. А лошадь, посмотри, — от Медного всадника? Как хорошо! И сразу подумается: «Какая милая книга, как легко жилось ее героям, как они были талантливы и беззаботны. Наверняка еще красивы и удачливы. Они влюбились, писали друг другу вот такие записочки, всякие глупости и безделки, стишки и только радовались жизни».

Целый день мы пляшем, пляшем
И букетиком мы машем,
Все роскошно, все чудесно,
Жить без танца очень пресно!

Теперь трудно представить, что строчки эти были спасением для человека, который в 1939-м вернулся живым из Карлага с отметкой «—6» в паспорте. Отметка означала запрет на прожи-

вание в шести центральных городах СССР. Единственным имуществом его было пальто, которое надели друзья. Друзья давали тайный приют, окружали теплом и заботой, находили работу, какую было возможно. Нелегально. Риск нового ареста оставался.

А бездомный и нищий художник — тогда еще не было и впомяне никакого великого Стерлигова, создателя чашно-купольной системы и живописной школы, — взял в руки не холсты, но карандаши, детские акварельные краски, перо и чернила, старые блокноты и школьные тетрадки в линейку. Что было под рукой. Мало кто знает, что в двадцатые Стерлигов хотел стать не художником, а литератором. Повод нашелся — встреча с Ириной Потаповой. Стерлигов вновь почувствовал себя не просто живым, но и невероятно сильным. И возрадовался. Даже не столько себе и своей «внученьке», как он ее ласково называл, а сколько заново открытым чувствам. Он опять жаждал каждого дня, мог видеть, слышать, напиваться воздухом ему одному принадлежащей свободы, земли и небес. Влюбленный художник и поэт стал писать — письма, записки, стихи. Они были разными. То трагическими, нежными и страстными, а то просто шутивными и дурашливыми. Но так или иначе, его полностью захватили ликующая радость письма и неумная стихия молодости.

Роман оказался кратким. Возможности соединить судьбы не было. Трагические обстоятельства семей, столь частые в те времена, не оставляли шансов. А последние надежды унесли война и блокада.

Меж тем «...и в смерти можно повстречаться, Вслед за тобою взяв Парнас на полках буду красоваться!» — написал некто «под странным прозвищем Кадушкин» на обороте почтовой открытки с портретом Пушкина. Порой так и случается.

Блокнот В.Стерлигова. Обложка. 1940—1941
 ОР ГРМ. Ф. 212. Ед. хр. 26.

<i>В этой книге домиков</i>	<i>Блок</i>	<i>тон</i>
<i>Много всяких комиков</i>	<i>Колб</i>	<i>нот</i>
<i>Посмотри, перелистай,</i>	<i>Блок</i>	<i>колб</i>
<i>Повнимательней читай:</i>	<i>Тон</i>	<i>нот</i>
<i>Может быть себе</i>	<i>Нот</i>	<i>блок</i>
<i>отыщешь</i>	<i>Колб</i>	<i>тон</i>
<i>Подходящее жилище.</i>	<i>Блок</i>	<i>нот</i>

Людмила Вострецова:
**«Посмотри, перелистай,
повнимательней читай»**
1940—1941

В отделе рукописей Русского музея хранится небольшой блокнотик с рисунками и стихотворными записями Владимира Васильевича Стерлигова¹. В нем девять недатированных листов с рисунками и текстами, выполненными чернилами. На обложке — название типографии, выпустившей блокнот: «5-я типография Лениздата». Эта надпись дает возможность установить нижнюю границу рисунков Стерлигова — не ранее 1938 года, т. к. основанное в конце 1917 года издательство Петросовета только в 1938 получило название «Лениздат».

Этот блокнотик представляет большой интерес для творческого наследия художника, так как его довоенные произведения практически не известны. Считается, что они произведения погибли во время войны от бомбы, «осталась одна живописная работа 1927 (по другим данным 1928 — *Л.В.*) года «Супрематическая доска» и несколько рисунков»². Потеря произведений 1920—1930-х годов, несомненно, связана не только с военным временем. В 1934 году Стерлигов был арестован

*Храм тихого созерцания
и медленного вкушения времени.
Смотри на звезды, числа и в книги,
с приятностью их перелистывай,
созерцай картинки, поучай свой
мозг чудными познаниями.
Красное, белое, черное, желтое,
зеленое!*

и сослан на 5 лет в Казахстан. Он отбывал срок под Карагандой, в Долинке, в одном лагере с Верой Ермолаевой и Петром Соколовым. Художник был досрочно освобожден 28 декабря 1938 года, но почти год оставался в Караганде. «Осенью 1939, получив «минус 6», Стерлигов приехал в Москву. Прописался в Петушках, ездил отмечаться туда в милицию, нелегально жил в Москве. <...> Перед войной... жил между Москвой и Ленинградом, ночевал в разных местах... <...> В 1941 году он... прописался в Малой Вишере, ездил теперь отмечаться туда»³. Условий для творческой работы не было, заработки были случайными. В комплексе документов художника в отделе рукописей ГРМ есть справки о работе Стерлигова в 1940—1941 годах. Так в сентябре 1940 года он по договору участвует в оформлении павильона «Ленинград и Северо-Восток РСФСР» на Всесоюзной Сельскохозяйственной выставке «в бригаде художника т. Кузина в Центральном бюро Московского Союза Советских художников»⁴. В автобиографии, написанной в 1945 году, Стерлигов также указывает, что в 1941 работал в Ленинградском Театральном музее⁵.

С началом войны Стерлигов в армии на Карельском перешейке; 12 января 1942 он был контужен под Кавголовом, до мая 1942 находился в госпитале; 2 июня уехал в эвакуацию. До эвакуации в блокадном Ленинграде Стерлигов бывал в семье И.А.Потаповой на улице Некрасова 60, кв. 97⁶. В этом же доме жили его близкие друзья Анна Лепорская и Николай Суетин. С ними дружила Елизавета Никодимовна Потапова, также работавшая на фарфоровом заводе. Именно в квартире у Лепорской в конце 1939 года Стерлигов познакомился с дочерью Елизаветы Никодимовны Ириной Алексеевной, там начался «счастливый кусок» их жизни.

*Пестрый храмик для убогих,
 В ком веселье сердца.
 Выше — месяц длиннорогий
 Им повешен созерцать.
 От юности романтики,
 Под рокоты гитар
 Играют ночью в фантики
 А день им солнцежар...*

Всю жизнь играют в фантики.

Все эти биографические данные важны для определения даты создания рисунков нашего блокнота. В одном из писем Владимира Стерлигова к Ирине Алексеевне оказался текст, помещенный в блокноте на листе 8⁷. Это совпадение дает основание датировать записи в блокноте концом 1940 — началом 1941 года. Стерлигов «в 1940 году остро ощущал свою бездомность и неопределенность во всем, у него, кроме пальто, подаренного друзьями, ничего не было, о чем он и стих написал — пишет И.Стерлигова. Я подозреваю, что весь блокнотик зарисовывался, когда ВВС сидел у Миски [А.Лепорской] и бесконечно ждал обещанного звонка Потаповой, а она не звонила»⁸.

Действительно, все рисунки в блокноте составляют своеобразную новеллу. Ее сюжет — архитектура. Если учесть, что художник в это время связан заказом со строительством на ВСХВ, то выбор темы понятен и не противоречит предложенной датировке. Не удалось пока установить, является ли рисунок комплекса высотных зданий на листе 10 зарисовкой реальной постройки или это архитектурная фантазия, но он несет явные отголоски архитектуры конца 1930-х годов — и главного павильона ВСХВ, и советского павильона на выставке в США 1939 года, и, наконец, архитекторов К.Малевича. Сопровождающий рисунок текст от лица «мохнатых жукусек» также восходит к периоду «минус 6» в жизни художника. Стерлиговских «жукусек» знали все его близкие. «Так он называл фантастическое четвероногое существо из хлебного мякиша со спичками вместо ног, хвостов и рогов. Зажженная спичка подносилась к «жукуське», и она мгновенно превращалась в огненную феерию. Через полминуты слегка поджаренная «жукуська» со смешанным чувством страха и восторга съедалась малолетними участниками

Здесь живут, которые
 Предались тоске
 В ней они упорные
 И не разговаривают ни с кем.
 Там желт песок, а небо жгуче,
 Страшнее самой черной тучи.
 Горяч песок, а небо сине,
 Там каждый молится о сыне.
 Да, здесь живут которые
 Предались унынию
 И мысли у них черные —
 Они живут в пустыне.

зрелища. <...> ... в эти годы Владимир Васильевич был отлучен от живописи и тоску по ней вкладывал в своих «жукусек», как бы говоря: «Смотрите, как я горю! Это — я горю!»⁹

«В этой книге домиков...» начальная строка «введения» к новелле на обложке блокнота за шутливым тоном скрывает и неприкаянность художника, и, вероятно, метафору дома как основы укорененности человека в мире.

Знакомство с Малевичем, учеником которого Стерлигов считал себя всю жизнь, отразилось и в композиции на листе 8 с посланием Ирине Потаповой. «Могилка» — как символ несбывшихся желаний возникает позже и в переписке с Е.Сперанским в 1952 году. Увиденный из окна поезда мотив холмов бледно-зеленого, серого и коричневого оттенка привели к «рождению темы из цвета». Это был цементный завод, где художнику захотелось писать. Но нужен был пропуск, который не удалось получить. И вот «...новая могилка на кладбище несбывшихся желаний»¹⁰.

Творческий путь Стерлигов начинал как писатель. В 1923—1925 годах он занимался на Литературных курсах при Всероссийском Союзе поэтов. Но хотел учиться рисовать. По совету Веры Михайловны Ермолаевой, родственницы Сперанского, в 1926 году Стерлигов оказался в Ленинграде, подал заявление в ГИНХУК на имя К.Малевича и был принят. По его собственным словам, «ранее живописью не занимался», «работал в литературе» и печатался в «Огоньке». В ГИНХУКе существовал Фонетический отдел, который возглавлял Игорь Терентьев. Здесь состоялось знакомство Стерлигова с «чинарями» — поэтами Даниилом Хармсом, Александром Введенским, философом Леонидом Липавским»¹¹. Почти нет сведений о ранних литера-

*От радости и боли
Сто сотен лет и боле
Спасаются монахи*

турных произведениях Стерлигова. Известно, что за несколько недель до ареста он закончил писать пьесу, как-то связанную с пьесой Д.Хармса «Елизавета Бам». Литературное творчество Стерлигова только начинает входить в поле зрения исследователей.

В нижней части обложки запись, в которой Стерлигов, переставляя буквы слова «блокнот», «играет в слова». В этой игре ясно ощущается близость его литературных опытов к обэриутам. Из казалось бы случайных вариантов перестановок букв ему удается создать ритмически организованный текст, который проходя, протекая через все изменения, возвращается к исходной форме.

Рисунки в блокноте по своей стилистике, характеру линий, штриховки, пятна близки как немногим известным по книжным и журнальным иллюстрациям рисункам Стерлигова первой половины 1930-х годов (например, в книге 1931 года «На самолете в Америку»), так и рисункам конца 1940—1950-х годов, связанных с цирком.

Блокнот из архива ГРМ дает возможность открыть еще одну неизвестную страницу творчества и судьбы художника Владимира Васильевича Стерлигова.

¹ ОР ГРМ. Ф. 212. Ед. хр. 26. Поступил от А.Б.Стерлигова.

² Стерлигова И. Хроника жизни и творчества Владимира Васильевича Стерлигова // Владимир Стерлигов. Цирк, полный искусствоведов. М.: Проун, 2008. С. 49—50. Другое название произведения «Супрематическая доска» — «Равновесие». С этим названием и датой «1928 год» работа

Бубенчики, бубенчики
 Мы очень звонкие певцы,
 Мы птички, птахи, птенчики
 Мы любим лед и леденцы
 А также и леденчики.
 Зато — небесные дары! —
 Природа нас голубит,
 Сама поставила шатры —
 Живи кто сам, кто любит.

демонстрировалась на выставке «Великая утопия» в 1992—1993 годах.

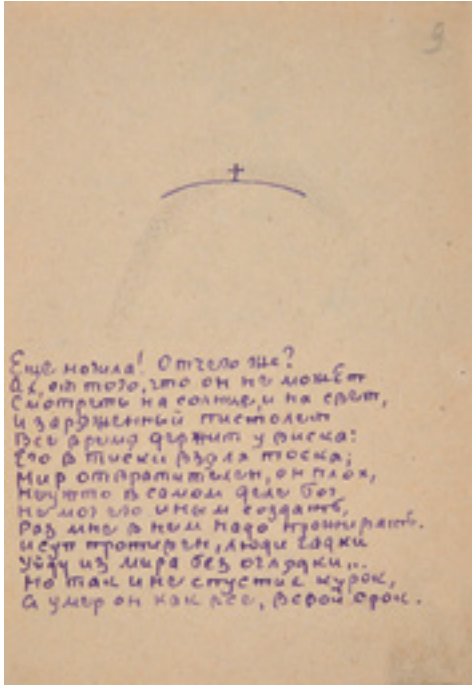
- 3 Жизнь Владимира Стерлигова, художника и обэриута (по документам, письмам, рассказам художника и его близких)/ сост. А.Повелихина, И.Стерлигова // Владимир Стерлигов. Живопись. Графика. 1960—1973. М.; СПб.: Благотворительный фонд «Благо», 2009. С. 251—253.
- 4 ОР ГРМ. Ф. 212. Ед.хр. 1. Указание на строительство павильона Северо-Восточных областей см. Зиновьев А. Ансамбль ВСХВ: Архитектура и строительство. М., 2014. С. 405, со ссылкой на: Новиков А.Е. Павильон «Северо-Восточные области»: путеводитель. М.: Госкультпросветиздат, 1954.
- 5 Там же. Л. 14.
- 6 Стерлигова И. Хроника жизни и творчества Владимира Васильевича Стерлигова... С. 49—50.
- 7 Жизнь Владимира Стерлигова, художника и обэриута ... С. 253.
- 8 Письмо И.Стерлиговой автору статьи.
- 9 Сперанский Е. Мой друг Владимир Стерлигов // «Наше наследие». 2012. № 102. С. 159. Посещения Сперанского и его родных были опасны и для них, и для Стерлигова. Сперанский пишет, что слова: «Знаешь, Володя, не стоит тебе бывать здесь так часто» в то время вертелись у него на языке, «но Бог спас меня от этих слов».
- 10 Сперанский Е. Мой друг Владимир Стерлигов... С. 182.
- 11 Жизнь Владимира Стерлигова, художника и обэриута ... С. 242—245.

Этих мало. Только двое.
 В промежутках между боя
 От несдержанных речей
 Мечут искрами мечей.
 Им покров жилищ не нужен:
 Первый в голову контужен,
 А второй проколот в бок
 Лег на северо-восток.
 И понятно, что отныне
 Дом для них в небес пустыне.

Ха! Ирония какая!
 Ты мила мне, дорогая!
 Твой бутон расцвел как раз
 Для моих голодных глаз.
 Но прекрасная девица
 Им не хочет поделиться.
 Я отвергнут. Я разбит.
 Я лежу могилой плит.

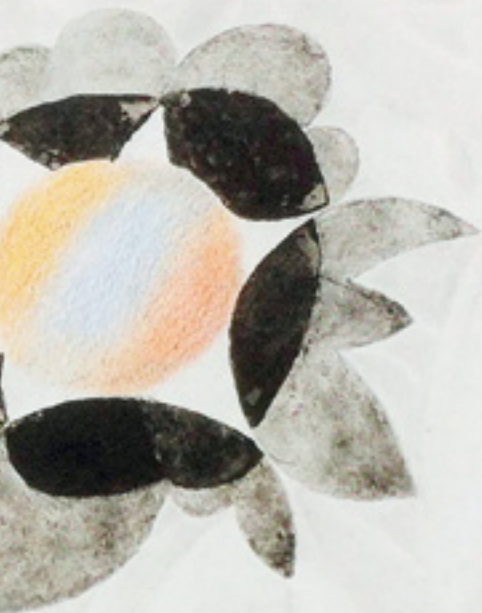

Еще могила! Отчего же?
 Ах, от того, что он не может
 Смотреть на солнце, и на свет,
 И заряженный пистолет
 Все время держит у виска:
 Его в тиски взяла тоска;
 Мир отворачивался, он плох,
 Неужто в самом деле Бог
 Не мог его иным создать,
 Раз мне в нем надо проживать.
 И суп противен, люди гадки
 Уйду из мира без оглядки...
 Но так и не спустил курок,
 А умер он как все, в свой срок.

*Мы мохнатые жукуски,
 Говорим всегда по-русски:
 Ай-ди-ли-ла, ай-да-ла!
 Вот веселые дела!
 Непонятно, что глупцы
 Нам поставили дворцы.*

Стихотворения

1. Художник

Ты художник? Да, художник,
Ну и что ж, что ты художник,
Значит, можешь рисовать.
Нарисуй тогда мне гору
Самых синих очертаний,
Чтобы мог я на вершине
Чистым воздухом дышать.
Чтобы в дни земных сражений
Ел бы зрелый виноград.
И молчи, что ты художник,
Ну и что ж, что ты художник,
Значит, можешь промолчать;
Замолчи о том, как больно
Дождик бьёт в босые ноги,
Замолчи о том, что бубна
Нету в сломанной руке,
Замолчи о том, что буря
Кудри выкинула набок,
И летит дубовый листик
В белый гром зимы навеки.

Сентябрь 1940

2. Узник

В пепел сожжено лицо мое,
Цепи гремят на руках моих —
Ты же, вместо слов голубиной нежности

Бьешь в своей дурацкий тамбурин,
Пляшешь, умирая от веселья.
Милая! Видишь — птицы летают в воздухе,
В сне блаженном леса пребывают!
Если так говорю, то неужели
Не найдешь в моей сердце радости?
Я стою пред тобой, как пред Господом.
Подари мне улыбку нежную!
Станет розовым лицо мое,
Упадут и расколются цепи.

Октябрь 1940

3. Пир королей

Ударил бубен. День скончался,
Взнесен на небо ночи трон,
Она взошла, над ней качнулся
Венец из тысячи корон.
Ударил бубен. Зал бушует,
Избит походом тучных труб,
А за столом всю ночь пирует
Ватага щедрых королей.
Один подбросил звонкую корону,
Воскликнул радостно: «я — истукан!»
Прислушавшись к стальному звону,
Он говорит: «Так властвует орган!»
Другой воткнул в пирог воздушный ножик,
И без помехи чудо совершил,
Ковчегом ночи к потолку поплыл.

А тот глядел на голубую крепость
(она стояла тихо за окном)
И рассуждал: «Весь мир нелепость,
Раз я, король, пирую за столом».
Король четвёртый ел, швыряя ложки,
Король четвёртый пил, звеня в бутылки,
Вокруг от пищи разлетались крошки,
И над столом, как шпаги, бились вилки.
А короли кричат: «Ведь мы тузы,
Великолепны мы и грубы,
Мы слушаем, как хор грозы
Гремит в воинственные трубы».
Откуда льётся карт квадратный дождь?
В стене прекрасный призрак смерти — туз пик
И смотрит с ненавистью туз бубен.
Как мечутся пред ним в высокой страсти
Червей и треф враждующие масти!
А нам-то что? Мы любим ночь!
Она сестра нам! Ей бокалы!
Послушай, царственная дочь,
Как мы споём тебе, нахалы!
Твой, корона, блеск мечей!
Лицо твоё — копьё сражений,
В глазах горит миллион свечей,
Без всяких пагубных движений!
Твой шаг неслышен, он секрет,
Так ходят кошки по карнизам,
И ты несёшь всех истин свет —
С плеча спадающую ризу!

«Мы устраиваем вашу жизнь». 1969.
Бумага, фольга, коллаж, акварель. 27 x 28

Мы все, владыки, вознесём
 Кривой шандал из бури ламп!
 Мы знак даем — и полдня гром
 Тебе во славу грянет залп!
 И дань отдав полночному стакану,
 Они, хмельные, дню поют осанну.

Он, резвый мальчик, нагишом
 Бежит по отмели песчаной,
 Играет светлым палашом
 И бьет в литавры, но случайно
 Задел ногой за синий лес,
 Блеснули пятки: день исчез!
 О, резвый мальчик, ты глупыш!
 Ты так стремительно бежишь
 И не глядишь себе под ноги!
 Но спотыкаются и боги!
 А мы должны, поднявши чашу,
 Испить печаль твою и нашу

<1940>

4. Пир королей (продолжение)

<Фрагменты>

1

И день, и ночь, сестра и брат,
 Тучна походка суток.
 У смутных неоткрытых врат

Проходит каждая минута.
 Но мы с бокалами в руках
 Подходим к ним, стовечным,
 С венками ржи на головах
 И с откровенной речью.
 Громкоголосый бодрый хор,
 Гортани золотом обиты.
 Таким идет державный двор
 И в мир, и в поле битвы.

2

Что нам скупость, щедрость что нам,
 Мы не знаем дел таких,
 Привыкать нам что ли к стонам!
 Мы ж владыки-простаки.
 Вот посмотрите, как швырнём
 Бокал к ногам разутым нищим,
 Как он сверкнет хрустальным дном,
 А славы мы себе не същем.

<1940>

5.

Князь сидел смеясь бессильно,
 В красной шапке набекрень
 А в окошко видно было
 Как на землю падал снег
 Ты чего ж взмахнул руками,
 Будто видишь яркий свет, —

Вон собаки ночью лают
Издыхая поперек
Жрущих грязь кривых дорог.
И ветла в жестокой тряске,
Ветер ветки ей сорвал
И вскочив верхом на прясла
Серой ветошью взмахнул!
Где же смерть! Вскричав от боли,
Князь созвездьям держит речь.
Гибнет мир от силы воли,
Так зачем нам ею жить?
И зачем мне от рожденья
Подарили крепкий меч?
Чтоб его в пылу сражений
В искры мелкие иссечь!
Или есть за этой битвой
Где-то тихая свирель
И спокойная как небо
Голубая колыбель?
И качаясь в ней ребенком
Свой увижу крепкий меч,
В чашу собранные искры
У подножия звезды?

1940

6.

Хочешь ты заниматься искусством?
С громкой славой писать для потомков,

Как ликуют над городом тучи.
Как земля украшается лесом,
Как стоят вокруг озера горы,
Как летают пески над пустыней?

Я хотел бы легко и свободно
Изобразить послушную кистью
Смех лица твоего и горе,
Тех, кто тушит простую радость,
Всех кто больше смеяться не может,
Тех, кто глуп, предаваясь унынию.

Ты ж сказал мне, невидимый взору:
«Брось отныне и кисти и краски.
Вот чернила, перо и бумага,
Изобрази, как туча ликует,
Изобрази улыбку и горы —
Только и это тебе запрещаю».

1940

7.

Если нож тебе воткнули в спину,
Жизнь спасая верные друзья —
Так другие нежно поцелуют
Потихоньку сталкивая в гроб.

1940

Фигура с корабликом. 1969
Бумага, коллаж. 46.5 x 42.5

8.

Слово Рыг, слово Раг,
 Быственный, лиственный, хлестанный,
 душу свою окровавил,
 Помилуй нас, Господи.
 К наоям склонены —
 Души подыдем,
 Подыдем и сложим.
 Г<оспод>и, Г<оспод>и, знаем, ты — свет,
 Г<оспод>и, Г<оспод>и, знаменья нет.
 Ворон под тучей над лесом летит,
 Море кипучее бурей гремит.
 Я — тьма!

<1940?>

9.

Жилище Бога — тоже сад,
 Где горы белые стоят,
 Бросая свет на высь лица,
 Где тополь снизу высится.
 Пространство горное везде
 Лежит прекрасно синим кубом —
 Последней, утренней звезде
 Отдавши смерть улыбкой в губы.
 Никто еще не распознал
 Ни речь высот, ни их оплечья, —
 Лишь этот, с дудочкой, сказал:
 «Живая тех пространства речь я».

<1940?>

10.

Как мне смешно, что крыша, стены
 Для нас совсем непроходимы,
 Когда вперед раскинув руки,
 Я прыгнул в сумерки ничком.

<1940?>

11.

Землю кругом облетишь и обскачешь,
 Дива такого не высмотришь ты —
 Дачная дама сажает на даче
 В дачные клумбы цветы.
 Харкают пушки плевками снарядов,
 Мечется в ужасе черт дипломат!
 «Лето хорошее, ах, как я рада —
 В воздухе будет такой аромат!»
 Я подбежал к ней, кричу: «Поглядите!
 Кровью окрашены венчики роз!»
 Дама поморщилась: «Эх! Извините,
 Ручки мои попали в навоз!»

1940

12.

Для первой ступени возвышенных чувств
 Годится Введенский с корзиной искусств

1940

13. Рыбак

Ложка, весла, парус, бредень,
В тине плещутся озера,
А рыбак и худ и беден
Смотрит в воду жадным взором.

Глубока вода, а выше
Облака в ладони неба,
Месяц к вечеру не вышел.
за день дождик вовсе не был.

Постоял рыбак на бреге,
(На песок ложились волны)
Посмотрел на туч набег
И на блеск далеких молний,

И пошел в избу на гору;
А в избе лежит краюха,
Возле старого забора
Дремлет строгая старуха.,.

Может быть для всех наивно
Поджидать в озерах рыбки,
А смотреть < нрзб.>
На старушечьи улыбки.

27 сентября 1940

14.

Вам, люди горя, не мешало б
 Свалить в овраг оснастку жалоб.
 Венок оркестра медных труб
 Одел на лоб осенний дуб.
 Что звуки трубные привносят
 Тому, что знак владыки носит?
 Охраны меч тому не нужен,
 Кто небу синему содружен.
 Кто блеском риз вооружён,
 Тот смело смотрит в бури звон.
 А она на небе черном
 Вбок проносит вилы веток.
 Ее сооруженный звон
 Для слуха зрелого прелестнее.
 Натружено дышит горам
 Шаг ее чудесен, цепок.

<1940?>

15. Обоз

Под гром январского оркестра,
 В оружие сбруи и кнутов
 Старается сорваться с места
 Встречая утренний мороз
 Готовый к подвигу обоз.
 Бегут лохматые лошадки,
 Везут солому и дрова,

Летят воза под мостик шаткий
В раскат свалившись набекрень;
Кругом уже сияет день.
Но что за чудо, великаны,
Играя рыжей бородой
Хватают сани в силе рьяной
Легко справляются с бедой
И вновь идут, как боги чинно,
Вбивая в снег жестокий визг
А на плечах у них овчина
Бушует разъяренным львом
И машем светлым топором.
А впереди, как бочка пива
Сияет солнце и поля
Себя раскинули красиво
Снегами белыми пыля...
Жесток поход. Но день уж умер,
Закинув в небо красный цвет;
Стоит обоз в великой думе,
Морозным дымом окружен,
Так он вникал в восточный сон.

Январь 1941

16.

Поверь в нас! Много истин
На копьях острых принесем,
И каждый сруб под вечер мглистый
Червонным полыхнет костром
На бревнах праздник полотенец,

Ладонь сломав кичится холст
 Огонь в печах, юла — младенец
 Из труб воздвинув жирный хвост
 И хлеб возлег тяжеле кряжа
 На доски тучные стола,
 Веретенном играя пряжа
 Овечий запах пролила,
 А мы летим сверкая медью,
 Во лбах горят созвездья слов
 И пляшут огненные ведьмы
 В объятых жарких колдунов,
 А мы летим сверкая ночью,
 И бьем в железные щиты
 И сами падаем от мощи
 Своей победной нищеты.

*В слове «мы» — немые слепцы, ни говорить,
 ни видеть не может, оно — нищие, ведут его поводыри.
 (Примечание автора)*

Март 1941

17.

Вот основа из основ:
 Недра слов не для ослов.
 Беспредельна слова жатва
 Слова ж сеять надо сжато.

(1941 ?)

Трагедия. Россия сейчас. 1969
Бумага, коллаж. 64 x 72

18.

Слышим голос твой владыка,
За тобой идем, медведи,
Костылями степь истыкав,
Сбросив с плеч охапки меди.

Мы на вздернутых ручищах
Смерть несём тому, кто ясен,
Восседая бездной днища,
Смерть орет «тоска по мясе».

Будет пир тебе, царица,
Будет зуб хрустеть на кости,
Будешь трупами кормиться,
Ты, владычица погоста.

1941

19.

Если все обречено на гибель,
Значит вечно царствует любовь
И чем больше жажда разрушений,
Тем сильнее владычествует мир.
Сколько силы вложено в снаряды,
Чтобы ими в пепел обращать
Дом, воздвигнутый от непогоды,
Изгородь от злобы и беды —

Сколько ж вложено победной воли
Разрушенье приостановить.

<1941?>

20.

Не придумывайте беды,
Больше доли их не будет,
Будут вовремя обеды,
Солнце смерти всех рассудит.

1941

21.

Мороз вгрызался белым зубом
И шел по стенам, шел по трубам
И <1 нрзб.> инея ладони
В углы, на двери, подоконник,
И в наступленье не устав,
Он замораживал сустав,
Он замораживал сустав
И кости, жилы и движенья,
И требовал повиновенья.
Движенья нет, а есть мороз
И смерть, которую принес.
А она совсем не призрак,
А действительная смерть,
Где прошла, примерный признак —

Жёлтый трупик наповал.
Город ей удобней дровней,
Развалилась и слегка,
Чтобы ей было удобней,
Смерть ворочает бока.

Кто вам, упавшим на кровати,
Чтоб взором вечность изучать,
Предъявит чек за вас к оплате
И жизнь положит на кровать?

6 декабря 1941

22.

Сугробы, снег, мороз и ветер,
Квадратный лед на дне стаканов.
Сегодня тихо умер третий
Семьи засохших истуканов.
А завтра, завтра в дно квартир
Вползет нога неслышной смерти.

Май 1942

23.

Бродят, бродят страннички,
Метут пыль дороженькой,
А зовутся Ваничкой,

А над ними Боженька.
Только прокляли Христа —
Стали черными уста,
Закричали — скинут Бог,
Бос идет он в пыль дорог.
От стыда и срама
Ввысь рванулись храмы.
Дождь! Дождь! Дождь!
Полк мнет грязь.
Ты куда пойдешь,
Никудышный князь.
Гром, бьет гром,
Туча лезет вниз.
Где твой дом?
Грязью подавись!

Май 1942

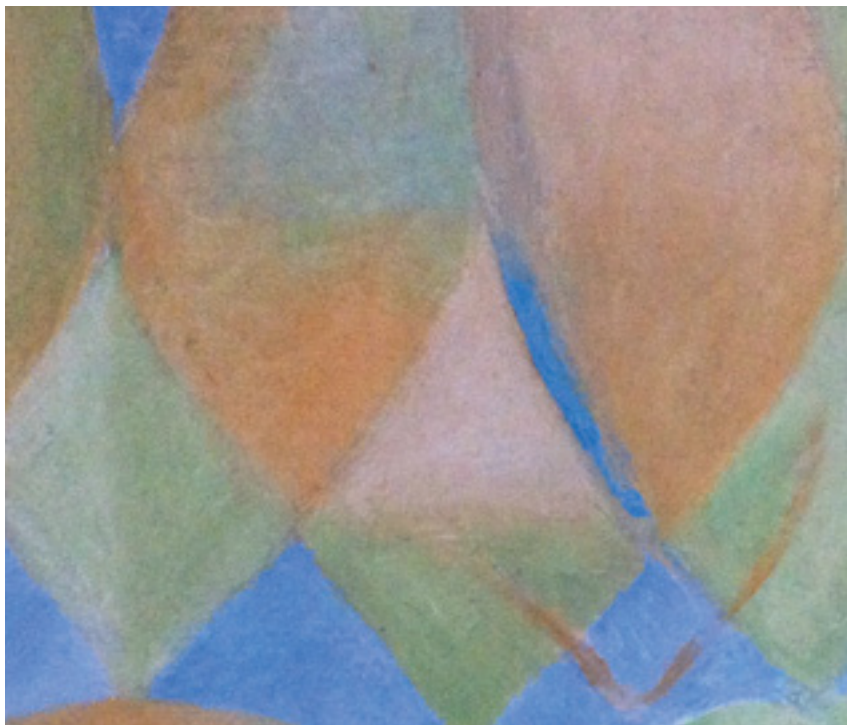
24.

Вы откуда некрасивые
И куда вы шелудивые?

Черен месяц на челе,
Грязь в ободьях у телег.

И куда вы едете,
Темь над вами — видите?

30 мая 1942

Чашно-купольная композиция № 1. 1965
Картон, масло. 33 × 40

25.

Без любви к лесам травинок
 Жизнь будет всем пуста,
 Как к кресту подходит инок,
 Поклонись лицу куста.

1942

26.

К.С. Малевичу

Зелень, киноварь и лошадь,
 Голубые небеса.
 Лапти красные, а пахарь
 Вскинул бурей волоса.
 Лошадь белая, а зелень
 Это киноварь травы —
 Голубым платком застелена.

30 мая 1942

27.

Куда как приятно войти и свободно
 Промолвить о том, что сидеть неудобно.
 О мудрости падшей узнать прибаутку,
 Накинув на плечи соболию шубку.
 Не жутко тебе ли,
 Коль жизнь убога,
 Лежать на постели,

А не у порога.
 Порог суров, он доброхот
 Он в царство вечности ведет.

1942

28.

Открыв глаза, встречаем солнце ложью.
 Цветист кафтан, до ниточки изношен.
 Мечи вранья вдруг выхватив из ножен,
 Влачим себя к неправдам гор подножья.
 Кто будет прям? Кто в полночи заставит
 Блеснуть огнем нерукотворный щит,
 Мечтать тому внушит о славе.
 И мы идем стопою твердой,
 Раскинув знамена вранья
 Под крик гиен и воронья,
 Кичась <нрзб> мордой.

3—7 июля 1942

29.

На холстах карандашом
 Или кистью на бумаге
 Накидали в злой отваге
 Лиц, живущих босиком.
 Высших сил наука жречества
 Сохранила дым отечества

июль 1942

30. Смерть

Ложку поднес к зубам — смерть,
Руку протянул, чтобы — здравствуйте — смерть,
Увидел птичку-чижика — смерть,
На ветке листочек гонится — смерть,
С товарищами идешь на прогулку — смерть,
Посмотрел на капусту в тарелке — смерть,
Друзей провожаешь: их двое, — смерть.
Случайно взглянул куда-то — смерть.

29 июля 1942

31.

Оборванцы, странники,
По дорогам шлепая,
Приходите раненько
Армия холопья.
Под грозою, дождиком
Не мочите рубища,
Не ходите с ножиком,
По дорогам рупь ища,
Не трудите ноженьки,
Не мозольте босые,
Помолитесь Боженьке,
Лейте слезы росные.
Подходите странички,
Лапти поскидаете

Вот вам утиральнички
Ножки вытирайте.

<1942?>

32.

«Но мы идём, кликуши:
Христианин, послушай,
Мы тоже Божий люд,
А ты как зверь к нам лют.
Христопродавец, мы же
К земле гораздо ближе,
Нам сноп — иконостас,
Нам поле — Божья риза,
Вот где жива для нас
В поту слеза — отчизна,
Живём и вдоль, и поперёк,
В полях, в оврагах, в хвое,
Лицо крестьянское — пенёк,
Мы от мозолей воем...»

12 августа 1942

33.

Одежды дня, наряды ночи
Кому покажутся напрасны,
Вот потому и мы упрочим
Рвань сверкающие рясы.

Лишь потому, что с плеч Христа,
 Оборванные ризы
 Одеты нами неспроста,
 Владыками отчизны.

<1942?>

34.

Предметом синим называл
 Улыбку лошади. Издохши,
 Луну сглотнул её оскал,
 Он был садов царей не плоше.
 В орбитах синие цветы
 Ласкали взор межзвёздных духов,
 Среди камней и высоты
 К земле склонивших чуткость ужа.
 Сцепленье водорослей рек
 В бреду слегка теченье зыблет,
 Вот так заснул на веки век
 Под слово Бога: он погибнет.

7 сентября 1942

35.

Есть люди, у которых внутри: али,
 ели,
 яли, женские рифмы,
 есть люди, у которых Щ, Ъ.

А есть как Цб. Эгих надо ловить — жулики,
 предатели, из них шпионы. Кто хочет пусть
 боится.

7 октября 1942

36.

Калбитка* нежная, тебе ли
 Сегодня степи шелестели,
 Тебе ли травы нашептали
 О снах веселья и печали.
 И потому ты чернокошая,
 Хотя прекрасны эти идолы,
 У них всегда глаза раскосые,
 Таких прекрасных мы не видели.
 Холмы уснули сном кибиток,
 А небо думает верблюдом.
 Возьми меня к себе, калбитка,
 И угости бараньим блюдом.

7 окт. <1942>

** Калбитка — в Казахстане
 уничижительное название распутной женщины*

37.

Проехали дроги. Возницы продрогли
 Стоногие клячи изгрызли оглобли,
 Колёса увязли. Возницы кричат
 Над чёлками щелкает обруч бича.

И кто-то высокий, босой, обнажённый,
Не плачем ли осени насмерть сражённый
На обруч, на окрик, на руганый стук
Отчаянье вывихнул срубленных рук...
Из горла завывли проклятья больницы,
Зеленая ветка в лоб тучи стучится.
И роща упала на землю плечом,
Иссечена в шрамы горячим бичём.
Труба, открыв лужёный рот,
С косматой одурью
В дыру без устали орёт.

25 окт. <1942?>

38.

И доски бьют. Смятенье.
Кричат орлы, деревья
В овраг идут стволов полками,
Кольчугой инея гремя
Над их вершинами
Летают, ночь качая,
И чей-то голос губ огромных
Три раза произносит: Мы
И конные, в огне оружия
И в блеске сабель их чашоб,
Несутся с воплями на ветки
И машут смерти обручами,
Убить желая наповал.
И дышит чёрная земля,

Себя слезами обливая:
 «Где ты тяжёлый человек,
 В кусты забросивший постель?»

7 декабря 1942

39.

Уверяю вас, это делается так: ставят шандал полный горящих свечей перед белым лицом. На множестве белых рук свечи плывут в пустыне.

Бог. Бах.

Жители снегов белых стран и корабельщики зелёных морей падают ниц. Свечи на белых руках освещают пустыню. Колесница в золотых песках под блеском звёзд где конские морды из бронзы и где нет лошадей, но все движется скоростью умирающего мира.

Уже просыпаются львы. Они вбивают хвосты в песок. От плотных ударов песок звенит. Уже вытянуты лапы, львы открывают пасти и белые зубы, как боги, сверкают улыбками в душу под белым на небе оленем двурогим, искавшем на звездах прозрачную сушу.

Тогда львы начали рыкать:

Бог. Бах.

1940—1942

40.

Бежал от леса, от обедни
 Богатых нежностью садов.
 На зов бежал проклятых бредней,

В пожар камней, в тиски дворов.
И там, в косматых злобой взорах,
Где чащи рук готовы к драке,
и в разбегавшихся раздорах
В сердцах, несущих смуги накипь,
Нашел себе отменный берег,
Внимать рычанью голытьбы,
Таскать вериги в новой вере,
Сжигающей на плахе лбы.

15 января 1943

41.

Что делать сердцу, если сумрак
Бесшумной бабочкой летает,
Небесный круг по произволу
И землю вверх и вниз качает.
Не только ночь меняет взоры,
Но сбит и полдня лик блестящий,
И различить никто не может
Вчерашний день и настоящий
Закутанный в туман созвездий
Бредет незримо вверх прохожий;
И птиц полёт, и рек движенья,
Шум леса, на него похожий.
Где ж твёрдый берег? Сон стоокий,
Раскинув вёсла, отдыхает.
Бесшумный сумрак понемногу
Природу вверх и вниз качает.

1940-е

42.

Несу вам люди утешенье и сладость мудрости.
Вникните в красоту, мною изображенную.
Се — радуга над главою взлохмаченной.
Зелен луг. Бросьте междоусобицы.
Вникните в красоту новоявленную.
Будьте сердцем чистые,
луга зеленого не покидайте.
Глазу радость в нем, душе отдых.
Сколько вам пребывать еще в зле,
неведении радости? Стоит ли?
Вот истина вам сердца доброго.
Следуйте за ней. Хлеб черный нужен вам —
возьмите его. Чистыми войдете во врата радуги,
дождем омоченные, освеженные, чище голубей будете.
Топор в руках ваших. Строители чудотворные
изб бревенчатых, вам ли забыть запах леса срубленного,
бревна отесанного. Вернитесь, услышите радость
в слове произнесенном и, ликуя,
очиститесь от репья и мусора.

1940-е

Стихотворения 1, 3–5, 8–10, 15, 18, 21–23, 26, 28, 29–32, 39–41 впервые были опубликованы Е.С.Спицной в журнале Experiment / Эксперимент. A Journal of Russian Culture. Los Angeles, 2010. Vol. 16. P. 2. С. 84–103 и воспроизводятся с любезного разрешения главного редактора журнала Джона Э. Боулта (University of Southern California, Los Angeles, USA)

Стихотворения 2, 6, 7, 11–14, 16, 17, 19, 20, 24, 25, 27, 33–37 публикуются по машинописи и рукописям, хранящимся у наследников В.В.Стерлигова.

Стихотворение 42 публикуется по автографу, хранящемуся в фонде В.В.Стерлигова, архива ГРМ, лист 129.

An abstract painting featuring a palette of various shades of blue and green. The composition is dominated by broad, horizontal brushstrokes. On the right side, there is a large, dark, textured shape that appears to be a shadow or a deep crevice, rendered in dark blue and purple tones. The overall effect is one of depth and atmospheric perspective.

Воспоминания

Ирина Потапова
Фрагменты воспоминаний¹

Итак, мне 80 лет и даже 81. Никогда и не смела думать, что смогу прожить столько. Детство прошло, счастливое для меня, окруженной чудесными, очень любимыми людьми — мамочка², папочка³, совершенно особая бабушка⁴, которую я не могла называть «бабушка», так она была хороша и прекрасна. И помню трудности житейские, голодные годы после революции, помню слезы приходивших к нам друзей — расстреляли того, другого из любимых, знакомых, родных — отца, мужа, дедушку...

Я увидела много слез и страданий

Еще в раннем детстве я увидела много слез и страданий. Дедушка и мамуся работали день и ночь, а тут — расстрелы близких и дорогих. Даже не помню, когда мамуся спала. Я просыпалась ночью и в рубашечке, босая, бежала к ней в комнату, где приятно пахло скипидаром и лавандовым маслом, горела керосинка, сушил-

ся уже разрисованный фарфор, и мамуся водила кисточкой по фарфоровым различным рамкам, фигуркам, разукрашивала их и делала красивыми. Она была вся в работе и с большой любовью расписывала, а потом разглядывала каждую чашечку, блюдечку и фигурки. Иногда днем мне давали растирать краски, что я очень любила, и как-то особенно приятно ложилась краска на стекле под маленьким пестиком. А иногда мамуся давала мне самой «рисовать» и учила делать «мазки», а потом отдавала в обжиг, и к именинам папуся или кто-нибудь в семье получали кружку.

Ночью я заставала у мамы Мариночку⁵, вернувшуюся из театра, где она танцевала в балете, и дядю Болю⁶, которые внимательно и с интересом и любовью «принимали участие» во всем, что разрисовала мамуся. Как было уютно! Меня встречала мамуся с улыбкой и как бы с упреком, ласково говоря: «Ируська, ты что не спишь?» И перецеловав всех, я снова отправлялась спать. Мамуся много плакала — арестовали одного, другого, близкого. Расстреляли того, о Боже, за что? — офицер, генерал, полковник, граф, князь, опасный — занимался теософией, и т. п. Помню слезы моей красавицы-мамуся, когда расстреляли Константина Дмитриевича Кудрявцева⁷ 5 сентября 1918-го. А перед тем она ждала, когда заключенных поведут по улице, чтобы увидеть его в последний раз. Я помнила его в очках, доброго. Кого-то все время арестовывали из друзей. Всюду волнения и страдания.

Прощание с близкими и дорогими, уезжающими или, вернее, убегающими за границу. Прощались, как оказалось, навсегда. И даже не только больше никогда не виделись, а совсем потерялись, так как переписка стала совершенно невозможна. За переписку сажали. Лишь оставленные у нас какие-то вещи напоминали об уехавших.

Елизавета Никодимовна Потапова (1886–1966)

Помню буржуйки, топящиеся, волнения и огорчения моей дорогой семьи: надо было как-то найти, чем накормить детей и себя. Помню, как мамочка собирала какие-то вещи и сидела на Мальцевском рынке⁸ вместе с Ниной Константиновной Лосевой⁹, оплакивающей расстрелянного мужа, Ивана Александровича Лосева¹⁰, и также оставшейся без средств. Но всего ужаса и горя я до конца не понимала тогда.

А потом помню приезд отца¹¹ — чудного, доброго, красивого. Помню, что мы в Москве, в гостинице, где много иностранцев — запомнился красивый индус с чалмой на голове... И бледное лицо отца. Скитания моей матери по городу и страшная, именно страшная, трагическая его смерть — «забыли» в одиночной камере. Слезы, волнения бабушки и дедушки за мать. К запечатанной комнате, в которой остались мои игрушки — сигнатура — и подходить было страшно. Мамуся все это время уезжала и приезжала и старалась быть со мной. Значит не так ужасно! Целые дни я бывала с бабушкой, которую называла Камочкой, по имени — сокращенное от Камиллы. Она была красивой, всегда хорошо одетой, причесаной. Я любила смотреть, как она завивалась каждый день перед трельяжем и накладывала мушку, как, очевидно, было модно. Камочка была светской дамой, красавицей, любительницей развлечений и хорошей картежницей в противоположность моей мамусе, которая не любила светской жизни, увлекалась религией и потом перешла в православие. Мамуся в те времена занималась и интересовалась теософией. Она всегда отличалась необычайной добротой, раздавала все, что могла, направо и налево, и кругом всем помогала: кому деньгами, кому едой, сидела ночами у тяжело больных, буквально их

Ирина Потапова с матерью
Елизаветой Никодимовной Ходоровской. 1925 (?)

спасая. Не было такого нищего, который, позвонив, не получал бы обеда или завтрака горячего, в зависимости от того, что было под рукой. Помню, как я открыла дверь с черного хода, поднимаясь на цыпочки и едва доставая наверху крюк, высокому черному мужчине, который спросил, здесь ли живет дама, которая всем помогает. И может ли она поставить банки и помочь его сыну, очень тяжело больному воспалением легких. Они жили по той же лестнице — он, сын, мой ровесник, и старушка бабушка. И мамуся к моему большому огорчению даже ночевала у постели того мальчика. И он был спасен.

Мамуся часто ходила в церковь, потихоньку убегая из дома, чтобы не узнала Камочка и не сердилась. Бегала на ранние¹² и водила меня за ручку. Ранняя служба, хор народа под руководством монахини-регента с густым низким контральто — такого прекрасного низкого голоса я потом никогда не слышала, даже в период большого увлечения оперой и пением¹³. Красивый тенор отца Федора¹⁴, полуосвященная церковь, огни лампы и свечи и кругом — монашки разного возраста. Все это производило на меня сильное впечатление, и я с большой охотой и радостью тихонько одевалась, чтобы не услышали Камочка и папуся, и бежала с мамусей в церковь. Мамуся так усердно молилась и такая была красивая, что я с удовольствием и с большой любовью смотрела на нее. И так хотелось ей подражать.

Мамуся была поразительно хороша — правильные черты лица, чудесные добрые и какие-то особые голубые глаза. Чудные волосы. И сейчас, когда время и трудная жизнь наложили свой отпечаток, и то мамуся красива, только теперь это лицо обрамляет седина. Папуся как-то сказал: «Лиза была так красива, что я никогда не видел более красивой женщины ее возраста».

Ирина Потапова с кузинами Мариной
и Еленой Ходоровскими. Конец 1920-х

Так и было. Ее много рисовали. Многие любили. Она светской жизни предпочитала жизнь в имении у Михайловых — отца папуси, или в Могилевской Губернии у тети Мани¹⁵, или просто — книги. У нее была замечательная библиотека. И чем только ни интересовалась мамуся. Этот интерес остался и до сих пор: это о змеях — как интересно! — это о космонавтике — как ново! Здесь о последних методах лечения, здесь о растениях, о мёде, о рыбах, а здесь о религии или против нее, а здесь о вулканах, землетрясениях, путешествиях по разным странам и т. п.

Я много болела в детстве, и самое яркое воспоминание — о Мариночке, сидящей у меня на кровати и рассказывающей содержание балетов, опер и книг.

И вот я в школе. Мое образование дошкольное оказалось в руках прекрасного опытного учителя Annenschule¹⁶ Александры Георгиевны Ден¹⁷, жившей в нашем же доме¹⁸ в кв. 27. Ей я обязана очень многим и, в частности, знанием языков. Как ужасно, что не смогла ее по-настоящему отблагодарить! В школе я училась в основном хорошо. Школа дала мне знания математики, физики, химии и почти ничего в области гуманитарных наук. Почти ничего, потому что один год у нас был учитель профессор Академии художеств, историк Александр Иванович Боргман¹⁹. Мне страшно нравился его вид и манеры и предмет, и я добросовестно выучивала целые страницы истории наизусть. И учитель русского языка И.Ф.Буткевич, который нас учил по-старому и хорошо. В остальном — это был бригадный метод²⁰, который справедливо провалился.

Школу я кончила весной 1930-м — багаж был плохой. Куда идти? Я любила рисовать и любила архитектуру. Хочу в архитектурный техникум²¹ и — «первое горе»: по словам папуси, туда

принимают рабочих, детей крестьян и комсомольцев со стажем! Значит нельзя. Документы не в порядке. Слезы.

На курсах иностранных языков приняли приветливо. Хочу английский, — это мечта родного отца, а второй? Люблю французский и хорошо говорю, но кому нужен этот язык аристократии? Заработаю ли я на нем?! Тогда — немецкий. За такой утилитаризм рассердился дядя Болечка. Вскоре стала давать уроки немецкого языка и учиться на двух отделениях.

Есть нечего. Коллективизация! В подвале с дровами хранится картошка. Митя изловчился, прокладывая ее среди дров. Как вкусно, наконец вареная картошка. Все едим. А сегодня достали конину. Есть хочу и — не могу. А назавтра, провожая тетю Варю²², у казарм нашли мясо — военные уронили. Ура, обед, как вкусно!

А мои подруги? Катюша стала хорошей комсомолкой: она дочь дьякона, ей надо замолить грехи своего происхождения. Ее послали в деревню на помощь коллективизации, чуть не прихлопнули, что-то плохо было, что-то неудачно. Что будет с ней дальше? Идя с вокзала по Литейному мосту, она бросилась в Неву, попала на льдину, осталась жива, вся разбилась и года два вся сломанная пролежала в постели. Потом так и погибла.

Таня пошла в народ, на завод. Уже в детстве она что-то строила, возилась с электричеством и показывала мне свои опыты. Я, ничего не понимая, испытывала к ее знаниям и уму невероятное уважение. Таня пошла на завод строить социализм. И работала у станка рядом с рабочими, чем невероятно гордилась. «Ира, как тебе не стыдно учить языки, играть на рояле! Не время быть барышней. Иди на завод!» «Но я не люблю машины!» — говорила я, пристыженная, очень боязливо. Потом она закончила

вечерний институт, вышла замуж за рабочего-пьяницу, поляка. За это уехала с ним во время войны в ссылку. Когда ему разрешили вернуться, ей нельзя было, так как не нашли ее в списках высланных, и — хлопоты. И, наконец, она — инженер. Он — слесарь. Тяжкий быт, дочь, и никаких общих интересов! Ушла из среды родителей и не вошла никуда.

1929 год. Аля и Боря Вольф. Сестра и брат. Ей 16 лет, ему — 14. Оба красивы. Их отец Вольф²³ — бывший владелец магазина. У Али большая прядь седых волос, резко выделяется на темно-русых волосах. Шатенка. Откуда? Поседела в одну ночь в год изъятия ценностей²⁴. Однажды ночью стук в дверь разбудил всех. Обыск у Вольфов. Взломан пол, стены, открыты и вывернуты все шкафы, чемоданы и вся мебель. Найдены кольца из жемчуга, золотые часы и т. п. Папа и мама арестованы. Конфискация имущества и комнаты. Они — на улице. Алю берут к себе сестры Френдлих²⁵ — учительницы школы, бывшей Annenschule. Боря живет у нас в столовой, а потом переезжает к сестре. В 1934 году все Френдлихи тоже были арестованы и высланы. В 1941-м Боря погиб на фронте за Отечество, Аля — в блокадном городе. Откуда узнали, где у них золото и есть ли оно? Подруга детства Али и школьная соученица Таня, посвященная случайно в тайны семьи, влюбилась в следователя и «выдала» ему дело.

1934 год. Март-апрель. Хотя еще далеко до белых ночей в Ленинграде, но часть города не спит и с трепетом ждет своей участи. Утро. Какие сегодня новости? У кого был обыск? Кто арестован? А кто дальше? А нас минует? Наверное, нет. Камин горит: родословное дерево с 1070 года, свидетельство дворянского происхождения — в печку. «Жги, жги скорее», — говорит Мариночка. Метрика чья? — всё в печку. Фотография, кто там

на фотографии? Дядя Сеня²⁶ в костюме генерала — жечь. И нет больше его фотографий.

И посыпались с неба бомбы...

Ясный и светлый солнечный день. В природе все чудесно — скот на полях, цветы, деревья радуются теплу и солнцу, а люди — лету. И вдруг объявляется война с немцами. Они нарушили границу. Первый момент — молодость — желание новых впечатлений, как всегда, овладело мной. Как интересно! И я переживу то, о чем так часто читала. И вдруг сирена, тревога, и посыпались со светлого голубого неба бомбы. Вся жизнь нашего прекрасного города в момент перевернулась: друг другу сообщали о страшной новости, и будущее становилось неизвестным. В каждой семье все менялось. На пятый день пошел добровольцем с рюкзаком за спиной мой муж — Александр Иванович Бородулин²⁷. Его часть стояла в желтом здании с большими окнами на площади Ломоносова²⁸, откуда я и провожала его на фронт, уже переодетого в военное. В этой же части было много и других знакомых. Никто точно не знал, куда пойдут и что будут делать.

Август 1941 г. Трудработы. Копали противотанковые рвы. Я поехала от Политехнического института²⁹ вместе с другими преподавателями. Спали кто на полу, подстелив газетку, кто на маленьких детских кроватках — это были детские ясли в прошлом. Вставали в 6 часов утра. Кто-то оставался варить кашу на обед и ставить самовар, который выпросили у местной жительницы. Мы копали где-то в нескольких километрах от Мариенбурга³⁰, в сторону Кингисеппа. Начальником нашего отряда,

человек лет 40—50, был преподаватель, партийный, типичный воспитанник сталинской эпохи, очень послушный и боящийся сам предпринимать какие-либо действия или даже помыслить и охватить всю ситуацию. Молодежь работала в трусах, а женский пол в бюстгальтерах: было жарко, и еще думали о загаре. Ели раз в день кашу, горох. Все варили в большом чане. Работали по 14 часов. Домой не ездили. Копали честно, все глубже и глубже. Песок, глина: выбрасывали наверх — было физически трудно.

Нас начали обстреливать. Самолеты летали низко. А мы с преподавателями гидротехнического факультета забрались на чердак и крышу и увидели позиции немцев, готовых к наступлению. Горел у них костер. Изредка стреляли и пули падали. Мы обратились к нашему начальнику. Надо бежать, иначе попадем в плен. Все местные жители куда-то ушли, деревня опустела. Он говорит: «Не было приказа уходить». Ждем приказа. Телефон уже не работал, и мы как-то стихийно все побежали. Немцы стреляли. Мы ползли и бросались в канавы, прикрывая головы чем попало, кто своими мешками, кто чем, — от осколков.

Когда мы копали окопы, одиночные солдаты-добровольцы проходили мимо нас, спрашивая дорогу. Это было страшно — люди шли голодные, уже не первые сутки, лесом, питаясь тем, что где было — черникой или листьями. Пили из болота, бледные, усталые, морщась от сильной боли натертых ног, которые потели в кирзовых сапогах, не всегда соответствующих размеров, — кровь, портянки, кожа. Все смешалось, сильная боль, а надо идти. Не известно, добирались они до Ленинграда или военной части, и не известно что с ними стало. Но при виде этих

людей в душе все сжималось от человеческих страданий. Не забыть тех глаз, которые провожали нас со словами: «Вы-то убегайте, уходите, а мы!...» Пушки заряжены, солдаты лежат в траве. Мы бросали им оставшиеся морковки.

Потом доползли, добежали до станции и вскочили в стоящий поезд — это был последний. Как-то доехали домой. Еще когда попали под один из обстрелов, видимо, ком глины или что-то еще сильно ударило мне в ногу и колено, когда-то туберкулезное, но желание добежать превышало боль. И я наконец дома.

Пока работала на окопах в течение двух с лишним месяцев, кругом наблюдала слезы — кто уже погиб, кто тяжело ранен, о ком-то ничего не известно, кто-то срочно уезжал или отправлял семью или ребенка. С едой становилось хуже с каждым днем, и, как говорили, был «драп», т. е. бежали из города. Появлялись разбомбленные дома. Ужас охватил всех, когда бомба попала прямо в госпиталь на Суворовском, 50³¹. Здание горело, из окон вырывалось пламя, из подвала тяжело раненные пытались выползти, а некоторые, те, которые находились на верхних этажах, просто бросались вниз. Стоял стон, плач, крик, а немец продолжал бить город. Ужасная картина.

Те бойцы, которые спасались из окружения, возвращались чаще по одному, иногда по два, еле-еле, измученные, усталые, но все-таки шли, довольные тем, что уцелели. Часто я задавала себе вопрос: нужны были на фронте эти добровольцы, необученные, в большинстве своем уже специалисты-инженеры, художники, артисты? Сколько на их образование потрачено? Почему не обучить их раньше военному делу? Добровольцы, а

большинство их — это «пушечное мясо», почти все они не умели стрелять, носить винтовку, многие не прошли какой-либо подготовки. Люди разных профессий. Потом мы узнали, что Серафим Федорович Окунев³² взял с собой рейсфедер и всю готовальню и думал, что будет работать на фронте по специальности. Он был туберкулезником и по сведениям, дошедшим до жены от его товарищей, заболел. Поднялась высокая температура. Видимо, воспаление легких. Серафим Федорович и еще один боец на исходе сил — тяжело дышали и идти дальше не могли. Когда наши продвигались, они оставили этих двух больных лежащими с коробкой консервов. Умерли они своей смертью или их пристрелили немцы — осталось неизвестным. Больше никто их не видел и ничего о них не знал.

В это же время мобилизован был Боря, живший в нашей квартире, — Борис Ковалевский, уже прошедший финскую войну, ненавидящий войну всеми фибрами своей души. Часть его размещалась в школе на Греческом проспекте, здание находилось за Некрасовским садом³³, т. е. близко от нас. Марина Зеест и я часто бегали к нему, стараясь принести что-нибудь вкусное. Их никуда не посылали долго, так что я могла его видеть, приезжая с загородных работ на окопах. И вдруг он пропал. Никаких сведений о нем не давали. Все оставалось в неизвестности, а часть все еще стояла. И только случайно, уже через какой-то промежуток времени, одна женщина, жена одного из тех, с кем был Боря, в трамвае подошла к Мариночке и сказала, что он арестован. С тех пор его никто никогда не видел, а в 1942-м пришло письмо из лагеря, где он писал: «Статья 58-я, 10 лет». Посланные деньги не вернулись, и ничего больше не было известно.

Все понимали, что идет голод...

Восьмого сентября сгорели Бадаевские склады³⁴, и все с ужасом и страхом понимали, что идет голод, страшный голод, новые страдания. Бадаевские склады горели ярким пламенем, освещая весь город, издали был виден огонь и огромное зарево на небе. Охватил ужас, и «драп» стал нарастать. Ехали кто куда мог. Одни ехали к родным, другие к знакомым, третьи — куда везли учреждение. Эвакуация. Бежали от бомб, бежали от голода, бежали от немцев. Прошел слух, что Гитлер хочет Ноябрьские праздники отметить, кажется, в «Астории». Всех охватил ужас, тем более что наши войска пока не продвигались, и немец подходил к Ленинграду. Одним удавалось быстро уехать, другим — сложнее. Хлопотали. Военнообязанных не пускали, заводы также нельзя было оставлять. Надо было защищать Ленинград и трудиться в поте лица.

Были и такие, которые просто не могли уехать — некуда, и нет денег, и как, бросив все, там жить. Или те, у которых в семье были больные или престарелые. Молодые оставались работать. А голод наступал. Уже ввели карточки — рабочая, служащая, иждивенческая, которые уже не всегда отаваривались. Снижали норму. Население внимательно слушало по радио, что выдадут по этим карточкам, люди начали пухнуть, покрываться цинготной сыпью. Вскоре отключили воду. Трубы-калориферы лопались от холода и заливали комнаты черной жидкой массой, которая замерзала. Люди стали слабеть.

Еще в октябре мне наложили гипс на ту ногу, которая пострадала при бомбежке на трудаботах. Но в ноябре у меня уже не было сил ее тянуть. Гипс сняли. Ходить на работу в Политех-

нический институт³⁵ (15 км) я больше не могла. Транспорта не было. Тем более, что часто приходилось бежать от тревоги до тревоги³⁶, а в тревогу — под ворота. Я, как Вовочка³⁷ и Мамочка, распухла от голода. Но нужна была карточка, и карточка рабочая, и я стала работать мойщицей посуды в лаборатории Пиофака и Биофака³⁸ и ходила в Боткинскую больницу. Транспорта и там не было никакого. Да и как влезть в транспорт, если ногу надо поднимать руками. Мой маршрут: Греческий, 8-ая Советская, 6-ая Советская, Мытнинская, Исполкомовская³⁹, Старо-Невский, Миргородская и больница. Этот путь казался долгим, бесконечным — морозы до 42°. Все мерзло. Считала шаги, кругом сугробы снега, полная тишина на улице, редкая встреча с человеком таким же, борющимся с ужасной слабостью и заставляющим себя идти. К тому же я постоянно падала, то поскользнусь, то о что-то споткнусь. «Что-то» — это мог быть комок снега, льдина, камушек, досочка... или... умерший человек, силы которого отказали, и человек упал, и больше не было сил встать. Он замерз. Утром шли в полной темноте, обратно — тоже. Только белый снег помогал ориентироваться и находить дорогу. Люди падали. Можно было упасть в сугроб, на снег или на замерзшего человека или, упав, ощутить рядом какую-то часть распростершегося покойника. И это воспринималось без ужаса, страха, как что-то естественное, обычное.

Как могло это быть? Тем не менее иногда можно было различить человека, покрытого снегом или непокрытого, в разных позах — с раскинутыми руками, на спине или на боку. А как-то раз я увидела одного замерзшего с распростертыми ногами и распростертыми руками. Кто-то поставил его так к забору. Не

хотелось упасть именно на такого несчастного, именно так ушедшего из жизни, так страшно прекратившего страдания от холода и голода.

Итак, дойти домой или до больницы уже было своего рода достижением. Но зато — рабочая карточка! У мамуси иждивенческая, у папуси служащая. Все это соединилось, и стало легче.

Что такое моя работа в больнице Боткина? Мытье бутылочек от Пиофака и Биофака. И что такое «мыть»? Моют водой. Для мытья нужна вода. Воды не было. Воду добывали из снега: спустились со второго этажа и набирали большую кастрюлю, ставили на горелку. В результате получалось немного грязной, но теплой воды. Тащить кастрюлю было трудно, но надо было все преодолеть.

Профессор Фишер⁴⁰ давал мне часто переводы английских текстов по микробиологии, и это радовало меня и отвлекало.

Вокруг буржуйки

Наступили холода. Надо было топить печи. Но чем топить?

В конце ноября стали умирать в основном мужчины. В нашей квартире 30 ноября умер Сергей Александрович Кашин⁴¹. Его жена Антонина Леонидовна проснулась в его холодных объятьях, и никакие уколы камфары, которые делала ему моя мамочка, не смогли его разбудить. Их сын Игорь уже был на фронте. Сергея Александровича еще похоронили в гробу и как полагается на Охтинском кладбище⁴². Жена осталась с иждивенческой карточкой.

Голод усиливался. Мороз становился все сильнее. Карточки все реже можно было отovarить. Помню, как стояла весь день

и ночь в бывшем Молокосоюзе в нашем доме на Некрасова, 60: замерзшие ноги, руки ооченели, нет сил стоять, а привоза нет, машин нет, может быть, по дороге разбомбило или что... Удалось достать дуранду⁴³. Ее варили, от нее чуть-чуть изменяла цвет вода. Есть ее было невозможно.

В госпитале была прачка 35-ти лет. Жила с матерью 75-ти лет, и часто она ела мясо. Все смотрели на нее, завидовали и глотали слюнки. Пропало пикейное покрывало, и пошли к ней в Дом Толстого⁴⁴ и сделали обыск. Открыли диван, а там детские головы. Она ела детское мясо. Окна лаборатории Биофака, где я работала мойщицей посуды, выходили на морг, куда привозили грузовики трупов. Среди трупов нашли детские с вырезанными мягкими частями.

Декабрь. Стою в очереди в ожидании получения кусочка хлеба. Поднимаюсь наверх, греюсь. Где? Как?

В кухне пристроили буржуйку, которая еще сохранилась со времен революции. Ее топили в основном мебелью. Дров достать было невозможно. Нашли топор, которым я как самая сильная, колола все, что можно было.

И вот я дощечки одну за другой подбрасываю в печурку, обжигаю руки, на которых уже гноящиеся раны от ожогов. В буржуйку летят и бумаги, книги. Поддерживаем огонь. На печурке крохотные кусочки хлеба, поджариваются на сухарики, чтобы каждая крошка дольше держалась во рту. Пьем непрерывно кипяток, у кого еще есть силы. Помню, как я сосчитала, что выпила 27 маленьких фарфоровых чашечек кипятку за целый день, согреваясь. Есть в тот день было нечего.

Вокруг буржуйки в полусонном от голода состоянии Марина Германовна, Леонид Петрович Персиковы⁴⁵, папуся, Ольга Лео-

нидовна⁴⁶, Анна Антоновна, Мария Петровна и еще Вовочка Бородулин. Мамуся в хлопотах, всегда в движении.

Персиковы, Мария Германовна и Леонид Петрович, сначала топили камин у себя в комнате книгами. Он был библиофил, и раньше половина комнаты от пола и до потолка была в книгах. Но книги быстро сгорели, не давая особого тепла. Вскоре и они перебрались на кухню. На всех было надето все, что только имелось теплого. Вовочка Бородулин всегда сидел в пальто, разговаривал. В декабре Вовочка был уже распухший, как и все мы в нашей квартире. До этого мы с Вовочкой съели все гомеопатические лекарства, горошки перца, касторку, на которой «жарили» малюсенькие кусочки хлеба.

Высылали не только ее, но многих...

Заходила голодающая преподаватель Политехнического Института Юлия Николаевна Дитрихс-Ринк⁴⁷, очаровательная женщина, прелестная блондинка лет 45—47-и. Она была небольшого роста, до войны — пухленькая, очаровательная, то, что англичане называют *plump*, а французы *<dodu>*. Будучи большим гурманом, любила вкусные вещи, но старалась очень себя ограничивать, чтобы не полнеть дальше. Как мы вспоминали вкусную еду и как жалели, что мало ели, а она — что удерживалась, и весело смеялась. Но в начале января она вдруг пришла с подушкой, завернутой в скатерть, и сказала со слезами, что ее высылают — куда? зачем? без вещей? — и эта подушка почему-то была единственным из того, что она схватила. Мы попрощались со слезами. Я ее провожала. Она жила близко, на Ковенском⁴⁸, и больше никогда

ее не видели и обещанных писем не получали. Что с ней? Где она, дорогая Дитрихс-Ринк⁴⁹?

Высылали не только ее, но многих. В этот холод и голод тоже. Кажется, в конце декабря или в первых числах января приходил Николай Дмитриевич Богинский⁵⁰ и предлагал мне место в легковой машине, которая увезет нас на Большую Землю, и я смогу потом ехать в Казань к моим близким и родным, к Елене Адамовне Андреевой и Варваре Ивановне. Я отказалась наотрез. Я не хотела оставлять своих мамочку и папочку, которые никуда не хотели ехать, да и не могли. Папуся уже лежал больной тяжело с воспалением легких, и мамуся была слаба и распухла от голода. И я, распухая, проводила его до Юлии Николаевны на Ковенском и зашла к ней. Я была почти не узнаваема, и жаль, что Николай Дмитриевич видел меня такой страшной. Но больше я Николая Дмитриевича никогда не видела. Так как меня вызывали в КГБ на допрос в отношении его дел, я узнала, что он был арестован и обвинялся в том, что не пошел на фронт и, конечно, в том, что он против Советской власти, и, видимо по 58-й статье, обвинялся в заговоре.

Николай Дмитриевич Богинский был далек от политики вообще и всегда увлекался, помимо своих мостов, театром. Он бывал на всех театральные премьеры, имел прекрасную уникальную библиотеку по театроведению и 75 изданий «Горе от ума». Николай Дмитриевич знал это произведение наизусть, был знатоком и поклонником Грибоедова, имел много друзей среди крупных актеров и много знакомых из театральной среды. У него собирались играть в карты — если я не ошибаюсь, каждую неделю — и был он страстным поклонником Галины Улановой⁵¹, называл ее «Божественная» и с большим восхище-

нием рассказывал, какая она хорошая и очаровательная. Любил вспоминать, как она купалась и каталась на лодке на озере Селигер. Восхищался ее талантом и умом. На озере Селигер отдыхало тогда много интересных людей. Преклонялся Николай Дмитриевич и перед Рашевской⁵², Юрьевым⁵³. Его близкими друзьями были Николай Радлов⁵⁴ и его жена⁵⁵, восхищался он Анной Радловой⁵⁶ и Сергеем Эрнестовичем Радловым⁵⁷. Он любил хорошо, вкусно поесть, с изысканной сервировкой, ходить в гости и принимать у себя. Он был, повторяю, очень далек от политики и никогда ею не интересовался. Это был прекрасный *causeur* и *bon-viveur*⁵⁷, который любил жизнь, все ее прелести и наслаждался жизнью. Насколько я помню, он когда-то служил в армии, но освобожден был из-за болезни ног. Такой человек не мог и не хотел заниматься политикой и участвовать в заговоре тем более. По-видимому нашлись злые языки, которые все это придумали. Кому-то не понравилась его интеллигентность. Он не был тем, которым просто захотелось сделать себе «карьеру» на нем, как и на других. Сколько волнений! В 1950-е годы он был реабилитирован полностью, но скорее всего посмертно.

В это время арестовывали многих, в том числе из Политехнического Института с разных кафедр и с моей кафедры Иностранных языков. Арестовали даже зав. кафедрой Суперанскую⁵⁹ (не помню ее имени и отчества), но я с конца сентября в Институте не появлялась.

Мы должны страдать во время войны...

В декабре 1941-го люди стали распухать и становились страшными. Это особый вид опухолей. Потом, уже медсестрой, я ви-

дела больных, опухших от болезни сердца, почек. Это другое. От голода опухало все лицо, глаза становились маленькие, лицо широкое, брови приобретали особую растительность и делались густыми, нависшими над низкими щелочками глаз. Человек изменялся почти до неузнаваемым, тогда как руки делались очень худыми и костлявыми — такие вероятно были у Кощея Бессмертного, описываемого в сказках. На руках и ногах ясно проступали вены, артерии. По ним можно было изучать анатомию и ligamento⁶⁰, жилы. Такая рука протянутая могла бы сейчас вызвать мистический ужас. Человек медленно съедал сам себя. Но самое страшное было, когда вдруг в один день или за ночь опухоль полностью спадала, и лицо человека приобретало совсем новый вид, новое выражение. Белело бледное лицо, щеки становились глубоко впавшими, глаза под все еще нависшими густыми бровями приобрели новое выражение. Человек делался еще более трудно узнаваемым, на шее выступали пятна цинги. Изменялась и походка, люди передвигались так: с трудом шла нижняя часть тела, а начиная с поясницы все остальное запрокидывалось назад. Уродливо и некрасиво. Схематически это выглядит так:

Поднять ногу на ступеньку составляло особую трудность, и приходилось иногда помогать ноге руками. Передвижение сильно затруднялось и осложнялось количеством надетого на себя. Мерзли руки, мерзли ноги, лицо и все тело. У многих руки были отморожены и уже после блокады не восстановились. Люди делались фактически инвалидами, как например жена профессора Н.М.Александрова и многие другие. Ноги оборачивали чем попало, валенки мало у кого были, но и они не спасали. Многие

женщины надевали брюки своих ушедших на фронт мужей, братьев, отцов. С тех пор я не люблю брюк на женщинах, особенно на юных. Лицо прятали в платок поверх шляп, так что оставались одни глаза. Внешне фигура блокадного человека представляла собою движущуюся груды тряпья.

В конце декабря тяжело заболел папуся и лежал в своей комнате у кухни на кровати. Мы с мамусей перебрались туда. Как заболел папуся? Было холодно на работе в нетопленном помещении, но в кабинете Галины Львовны — главврача Боткинской больницы⁶¹, где он работал, тепло. Ее кабинет остался единственным помещением, которое отапливалось. Сотрудники перебрались туда, так как руки замерзали, писать становилось трудно, а чернила превращались в лед. Когда она пришла, то всех выгнала, и все эти люди заболели. Сразу же заболел от переохлаждения и папуся. Высокий рост, отсутствие еды тому способствовали и все кончилось тяжелым воспалением легких в невыносимых условиях. Папуся слег и уже не встал. Мы помогали ему изо всех сил, но протянули только до июня.

Новый год 1942-го встречали с грустными мыслями или вообще без мыслей, в полном неведении будущего, на кухне около буржуйки и у постели папуся. Комната у кухни, которая прежде называлась людской, едва «обогревалась». Постепенно все слабели и распухли от голода. Но одно было приятно, что мы всей семьей вместе.

В начале января мы и соседи переехали в нашу бывшую столовую в 41 м², где располагался камин. По предложению папуся буржуйку, которая топилась, перенесли из кухни и прямо в этот камин установили. В столовой уже лежала тяжелая больная Ма-

рия Петровна Березовская⁶². Сюда же взяли Анну Антоновну, и все разместились.

Мария Петровна уже не вставала с постели, мучимая еще тяжелой болезнью. Анна Антоновна лежала в полузабытье, громко стонала и кричала. наших кошечек и собачку украли жильцы⁶³. Только после возвращения из эвакуации рассказали, что их съели.

Каждый день я и мамуся разбивали всю мебель для растопки — топором и к вечеру нагревали комнату до + 7°, но к утру — снова мороз, и вода в чашке превращалась в лед.

Ночью под одеяло забирались крысы, которые тоже мерзли, а если я подкладывала под подушку маленький кусочек сухаря из этого хлеба земляного, то они забирались туда и все съедали. Я никогда не забуду ощущения чего-то живого, прислоненного к моей ноге. При первом движении они уходили, и слышно было, как спрыгивают с кровати. Крысы были везде, ели всё — ремни, корешки книг. Борьба с ними была невозможна, да и не под силу. Они жили с нами и весь 1943-й, и очень трудно было прятать еду. Это очень умные животные. Раз я вечером подвесила сумку к люстре, чтобы в 6 часов утра идти на дежурство, но в сумке хлеба уже почти не было. По потолку, по цепям люстры, по крюку крыса подобралась к сумке, прогрызла ее и почти все съела. Я говорю о крысах потому, что они составляли часть жизни в блокадном городе.

В январе, когда опухоль постепенно сошла и у меня, и у Вовочки, и у мамуси, наши лица изменились до неузнаваемости. Но я ослабела так, что не могла подняться и лежала, обдумывая свое прошлое, в ожидании смерти. Каждый раз, открывая утром глаза, радовалась жизни.

С едой не было улучшений, одну карточку украли. Кто? Когда? Как? Никого из нас это не интересовало. Заснуть было трудно, мучал голод.

Мамуся осталась единственной из нас, обладающей неимоверно сильным духом. Она старалась помочь всем. И не только своим, но и проходящим. Она старалась вселить в нас силу духа, силу воли и желание легче переносить все трудности жизни. Когда меня спрашивают, как мы остались живы, я всегда с уверенностью отвечаю, что только благодаря внутренней силе мамочки. Она говорила: «Ничего ужасного нет. Мы должны страдать во время войны. Надо иметь мужество переносить все и не распускаться. Мы вместе, нам хорошо. Сегодня у нас очень тепло (это при + 7° и +5°). А на фронте как? Возьми себя в руки и заставь себя делать то, что нужно». С мамочкой становилось уютно и хорошо. И она действительно вселяла какую-то силу и бодрость. Я заставляла себя встать с постели и, с трудом передвигаясь, шла все-таки на работу. Без карточки не прожить.

Как потом стало понятно, ослабленным надо было не ложиться, а непрерывно двигаться, не теряя ни капли энергии.

Свою пайку хлеба, 125 грамм, мы старались подсушить, разрезали на маленькие кусочки, клали прямо на буржуйку. Казалось, что так каждый кусочек дольше задерживается во рту. Крошки запивали кипятком. Иногда жарили на касторовом масле, которое еще сохранилось в домашней аптечке, или, что казалось роскошью, на машинном масле, если доставали. Хлеб был совершенно черного цвета, земляного, такой был и на вкус, оставлял впечатление прессованной земли. Это не был хлеб из ржаной муки, которая, возможно, подбавлялась, но на вкус не ощущалась. Состав хлеба мне остался неизвестным, но вкус за-

помнился. Хлеб был тяжелый и 125 грамм представляли собой тонкий кусок размером в половину формового, который обычно называют кирпичиком — что-то фатальное в этом названии, хлеб и напоминал по вкусу это. Иногда прибавляли довесок размером в четверть кусочка пиленого сахара. В толщину этот кусочек был не более чем неполный один сантиметр — как раз такое, как расстояние между этими строчками. Достижением уже было получить этот кусочек, что удавалось не каждый день. Доставка в магазины производилась нерегулярно — нет горючего, нет грузовиков, или снаряд, или бомба, или ее осколки попали в машину, нет шофера — взят на фронт или погиб — и бывший магазин переполнялся холодными, голодными людьми, ожидавшими и теряющими последние остатки физических и моральных сил.

Сильные морозы, -42° , делали существование человека еще более тяжелым. Никогда не забуду глаза поразительно красивой 16-летней девочки, которой я в больнице Ленина, будучи операционной сестрой, должна была перевязать ноги, покрытые цинготными ранами, из которых лил гной. «Поднимите ногу», — строго сказала я, чтобы ее перевязать. И тут, подняв голову, встретилась взглядом с прекрасными полными страдания глазами, и она сказала: «Я не могу». Сердце у меня сжалось и мне стало стыдно за строгость в моем голосе. Вечером этой девочки не стало.

На лице такого голодного человека еще была копоть или сажа. Топили не только буржуйки, а печи, если они были в квартире, плиты. Разжигали с трудностями, трубы буржуйки ставили прямо в форточку или проделывали дырку в фанере, если окно уже было выбито. Часто дым шел прямо обратно в комнату, и, хотя

делалось все-таки немного теплее и не так мерзли руки и ноги, дым въедался в глаза, покрывал копотью лицо и одежду, а сажа въедалась во все линии рук и ногтей, и нужно было много, много горячей воды и мыло, которое было ограничено и выдавали его в жидком виде. А воды принести и нагреть уже не хватало топлива — и мебель, и книги, и все, что можно было жечь, тоже имели конец. Колоть мебель оказывалось трудно — знаю по себе. Это требовало много сил. Только бы согреть воды, чтобы выпить горячего! Вода была проблемой.

Мы жили на углу Греческого и Некрасовой⁶⁴ в доме 60. На 7-ой Советской была вырыта яма. И туда надо было ходить за водой. Вода находилась довольно глубоко, а каждое опускаемое ведро, чайник, кастрюля — не удерживались в ослабленной руке и опрокидывались. В результате получалась гора льда вокруг, и для того, чтобы достать свой чайник или ведро, надо было лечь на гору льда и после опустить сосуд. Пока доставали, выливалось еще и увеличивалась площадь льда, по которому надо было идти ослабленному человеку. А дальше лестница, залитая льдом. Пока несут — воду расплескивали.

Невольно вспоминалась английская пословица *no pains, no gains*⁶⁵ или русская «без труда не вытянешь и рыбку из пруда» или, приспособившая к тем условиям: без труда не выпьешь и глотка.

Вспоминаю художника Николая Михайловича Суетина. Они с женой жили на 5-ом этаже⁶⁶, и он, будучи уже в состоянии дистрофии или, как тогда называли, дистрофиком, с опухшими ногами, дотащил воду до 5-ого этажа и на последней ступеньке поскользнулся и упал. Вся вода пролилась. Идти еще раз не было сил, и слезы покатались по его лицу.

Была еще одна возможность получить воду — спуститься и набрать снег, а потом поставить на печурку. Вот такой не очень чистой водой я каждый день — раздевалась в морозной кухне — и мылась. Тело мое — верхняя часть — было покрыто цинготной пылью, которую я и врач сначала приняли за грязь. Вопрос мытья в дистрофическом состоянии был сложный и по-разному решался. Прикосновение холодной воды было особенно невыносимым. Врезавшаяся во все линии рук и лица копоть трудно смывалась. Не все могли заставить себя раздеться и помыться еще при отсутствии воды, доставаемой с такими трудностями. Даже если доставали воду, то небольшой или неполный сосуд. Ведро воды поднять уже не могли.

Дистрофия, холод и темнота. Что может быть противнее холода в комнате неотапливаемого дома, который снаружи покрыт инеем и напоминает сказочный дом? Даже когда в какой-то комнате и загоралась время от времени буржуйка, то тепло сохранялось ненадолго. В редкие дни удавалось довести до $+7^{\circ}$. Обычной был температура $+3^{\circ}$ — $+5^{\circ}$, но через час, два снова наступал мороз. Многие спали не раздеваясь и даже в пальто. Не раздевались и днем, и одежда сrostалась с человеком. Но некоторые все же старались раздеваться на ночь и в этом диком холоде.

В нашей семье мы заставляли себя и раздеваться, и мыться. Хотя слово «мыться» совсем не подходило, это было растирание тела мочалкой и не совсем чистой водой. Пользовались еще одеколоном. Хорошо, что он у нас был. Воду носили еще и в полной темноте. Темнота была везде — на лестницах, во дворах и на улице. Зимой в Ленинграде рано темнеет. И с каким нетерпением ждали 22 декабря, когда начинал прибывать день, и с какой радостью ощущали светлое время дня, которое уже заметно становится в марте.

Освещались комнаты коптилкой. Или — у тех, у кого было — лампадой. На бутылочку или баночку с широким горлышком надевалась железная крышка с дыркой посередине и продевался самодельный фитилек, который зажигался. Внутрь наливали что было — керосин, машинное масло. У некоторых, у кого сохранились, были керосиновые лампы, но это была уже роскошь, не всем доступная. Тем не менее такой горящий фитилек, хоть и коптил, но давал возможность даже читать.

Улица блокадная — особая тишина, страшная тишина. Хочется, чтобы был хоть какой-нибудь шум. В декабре и январе обстрелы и налеты с воздуха почти прекратились и только издали слышны были взрывы.

...Хоронили без гробов, без специальных одеяний

Начались смерти. Анна Антоновна без сознания кричала пять дней и умерла. Выносили ее, вернее спускали, на простыне и по коридору тянули до кухни, где постепенно набирались покойники. Мамуся по своей доброте делала все, чтобы похоронить, отдавая ценные вещи. Умерли Леонид Петрович и Мария Германовна Персиковы. Каждый день кто-то умирал. Кого-то увозили на саночках без гробов в морг, на кладбище. Это делали те, у кого еще были какие-то силы. Умер Вовочка, которого удалось устроить в Боткинскую. Он еле дошел, падая и изнемогая через каждые пять-десять шагов. Его положили, дали очередную еду. Он заснул и больше никогда не просыпался. Чудесный, обаятельный Вовочка, талантливый актер и писатель, ни на минуту не сомневался, что переживет это время, писал юмористиче-

ские стихи. Я вынимала лучшую сервировку, и мы делали вид, что все хорошо.

В январе умерла тетя Люся Черницкая⁶⁷. Кто-то из жильцов отвез ее на саночках в больницу, ее не приняли и оставили на улице — человеческая жестокость проявлялась и в такое страшное время.

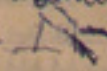
Еще трагичнее погибли академик, математик и оптик Владимир Сергеевич Игнатовский⁶⁸ и его жена Мария Ивановна, урожденная Черницкая. У них был страх спускаться вниз в бомбоубежище. Они боялись, что при бомбежке их засыпет, и они, как и многие, оставались дома. Жили на Дворцовой набережной, 22, рядом с Эрмитажем на верхнем этаже. Раз, стоя у окна, Владимир Сергеевич вынул платок и стал вытирать нос и усы. Его обвинили в том, что он подает знак летящим немецким бомбардировщикам. Мы не понимали, как это возможно! Его и его жену арестовали, и больше никто их не видел никогда. Думаю, что это дело рук дворников. У Черницких еще жива была собака, а собак и кошек тогда ели и считали особым лакомством. Кроме того, возможно, в квартире сохранились какие-нибудь консервы. Когда пришел к ним уже полностью истощенный брат, Василий Иванович Черницкий⁶⁹, — его никуда не пустили. Говорят, что «спустили с лестницы», также как и сестру Екатерину Ивановну с дочкой Ниной, которые часто жили там и были к ним близки. Позже я узнала, что все Черницкие умерли, и Константин Иванович, и позднее, уже в марте, Зоя Ивановна. Что случилось с самим академиком Игнатовским и его женой после ареста никто не знает. В книге Солженицына говорится, что Игнатовского расстреляли⁷⁰.

Умерла Мария Петровна. Пришел к нам Дима Булатов⁷¹, который мог доползти по лестнице только до 4-го этажа, а жил на

6-ом. Пришел к нам, положили его на диван. С ног его тек гной: это голодные, цинготные раны с большим его количеством. При полном ослаблении они не давали двигаться и лечению не поддавались. У Димы раны были огромны. Вспоминаю, как мы с мамочкой перевязывали их и пытались молодого 28-летнего человека спасти. Все попытки не увенчались успехом. Он умер на 7-ой день, но лежал мертвый с нами в комнате. У нас не было сил отнести его на кухню. Потом, собравшись, мы втроем, живые — мамочка, я, Мариночка Зеест — стащили тело на пол и на простыне тащили по всему коридору, по очереди падая на мертвого. Через две недели его похоронила его тетя. Трупы могли надолго оставаться в квартирах. Они не портились из-за невероятного холода в домах и истощения людей.

Потом умерла няня, Анна Дмитриевна, мать дяди Володи, Надежда Ивановна⁷², и много других по нашей лестнице. На Ленинградском фронте убили в начале февраля 17-летнего Игоря⁷³. Туся, Оля и Люда Глубоковские уехали в эвакуацию на Большую землю. Распухшая Мариночка Зеест упала в передней и встать не могла. Как-то втроем, мамуся, я и Лёлочка⁷⁴ дотащили ее до дивана в комнате, и она слегла на месяца три. Лёлочка ходила на рынок, меняла вещи на еду и приносила за все один кусочек сахару или одну маленькую картошину, или хлеб обменивала на ложку крупы. Так к лету Мариночка поднялась, но 15 июня умер папуся, и в квартире из 8 больших комнат остались на одном конце мамуся и я, а на другом — Мариночка и Лёлочка Зеест. Ни одна дверь не закрывалась, как и входная, — дерево разбухло, но никто об этом не думал и не думали бояться.

Всю зиму люди умирали от голода в большом количестве. Каждый день, что на работе, что дома узнавали о смерти род-

еще или сидящие ^{заходящие} мерзавцы
 а раз придувшись к забору, были
 замирали ^{забытая} фигура очерни-
 ся на ^{одну фигуру} и ^{вспомнил}
 ноги ^{сидящие} ^{пони} Как можно
 это было?
 Моему уму в ту пору ^{квардрант}
 не приходило в голову, ^{иногда} ^{человек} ^{сидит}
 разных ^{ногах}, на работе. Какой
 был у нас ^{администратор}. Форман
 теодорович - ^{преподаватель} ^{гео-}
 графического факультета Инсти-
 тута им. А.А. Герцена, был ^{одним}
 в правой ^{части} на ^{дому} ^{здании}
 здания ^{школы} ^{Кировский}
 пр. 8. ^{Лекция} ^{администрация}
 Института им. А.А. Герцена ^{для}
 преподавателей. В конце ^{лекции}
 (она ^{незачем}) он пришел в
 Институт (лекторий ^{еще} ^{не}
 эвакуирован ^{сид}), на ^{Черверенка}
 вблизи на ⁴ ^{мб} ^{здании} и ^{здание}
 сотрудников. Он ^{сид} ^{на} ^{сиди}

ных, друзей, знакомых, жителей в доме или на той же лестнице. Каждый день уже кого-то не хватало. Сначала умирали мужчины — молодые и старые, туберкулезники и здоровые. Люди умирали в пустых квартирах, иногда целыми семьями. Какой был ужас одиночества! Флориан Теодорович⁷⁵ — географ, преподаватель географического факультета Института им. А. Герцена, жил один в правой части на 2-ом этаже здания школы, Кировский пр.⁷⁶ д. <пропуск в рукописи>. Кажется, это общежитие Института им. А.Герцена для преподавателей. В конце января (дата неточная) он пришел в Институт (который еще не эвакуировался⁷⁷), на четвереньках вполз на 4-ый этаж и застал сотрудников. Он сел на стул и не мог двигаться, чтобы пойти домой. Он умолял не оставлять его одного, но все ушли, оставив его в темноте голодного и холодного. Утром он сидел там же, но был уже мертв.

Находили в квартире покойников, головой сунувшихся в печь. Холод и голод были настолько сильны, и так хотелось тепла, что люди совали голову в печку в безумии от желания согреться.

На заводах и фабриках перевели многих рабочих и служащих на казарменное положение. При учреждениях, институтах, академиях устраивали профилактории, которые многих спасали незначительным, но регулярным кормлением. Но многим и это уже не помогало. Видимо, для организма важно не упустить какой-то определенный период. В подвале Академии Художеств был устроен такой профилакторий для профессоров, преподавателей, студентов и служащих. Но и там умирали. 2-го — 7-го февраля в этом профилактории умерло 8 профессоров-преподавателей и один студент (И.Я.Билибин, П.С.Наумов, О.Р.Мунц, В.А.Фролов, П.А.Шилинговский, К.П.Фурсов, науч-

ный сотрудник⁷⁸). Всех вместе их похоронили в общей могиле на специальном подготовленном открытом тогда кладбище для умерших блокадников Василеостровского района за Смоленским кладбищем, на другой стороне реки Смоленки⁷⁹.

Это братское кладбище 1942 г. существует и сейчас. Часть его занята индивидуальными могилами тех, кого хоронили с трудностями — за хлеб, и могилами, которые рыли для себя еще живые, прощаясь с дорогими и близкими.

Есть могилы от заводов и учреждений, в которые захоронили от двух или более умерших от голода — служащих или рабочих. Здесь и были похоронены все вместе в одной могиле 6 профессоров и один студент Академии Художеств. В 60-е годы их останки перенесли ближе к выходу и поставили памятник. Средства частично были собраны у живых родственников.

Остальная и основная часть этого кладбища занята огромными братскими безымянными могилами, метров 50 в длину и метров 6 в ширину. На каждой такой громадине, братской могиле, — стояли дощечки с надписью, какое предприятие ухаживает за могилой. Нельзя даже назвать это могилой — длинное возвышение, занимающее огромную площадь. Уход за такими братскими могилами до сих пор распределен между заводами, фабриками и институтами Васильевского острова и они есть на каждом кладбище.

Прекрасный памятник поставлен на Серафимовском кладбище⁸⁰. Братские могилы блокады Ленинграда занимают огромное пространство и на Охтинском кладбище, и на Волковском и др.⁸¹ И почему-то только Пискаревское выделяют из всех? Пискаревское кладбище приведено в порядок⁸², все там устроено показательно, но боюсь, что у посещающих останется впечат-

ление, что это единственное место захоронения, а это не так. Оно не могло вместить все то количество погибших от голода, которое было. Сейчас все братские могилы — особенно за Смоленским кладбищем — в прекрасном состоянии и также впечатляющи.

Тогда хоронили без гробов, без специальных одеяний. Покойников свозили в определенные, специально отведенные места. Например на ул. Маяковского, 23⁸³. Других мест я к сожалению не знаю. Умерших везли обернутых в простыню на саночках родные, соседи, друзья, знакомые, которые сами еще могли передвигаться. Квартиры стояли пустые, двери с лестницы не закрывались — они разбухли. Да и кому нужно или кто хотел войти, кому могла прийти такая мысль в голову? В такие квартиры входили, находили мертвых, лежащих или сидящих людей, замороженных, и оттуда специальные люди увозили их в морги или в места, куда собирали покойников. Увозили тех, у которых родные или умерли, или находились на казарменном положении, или даже в пределах либо окрестностях Ленинграда, или не могли прийти — не было физических сил. Часто покойников везли прямо на кладбища, где их просто бросали в специально машинами вырытые ямы. Морги были полны. Так в морге Боткинской больницы штабелями лежали трупы на полу, на полках. Некоторые — совсем изуродованные. Это страшное зрелище.

Не все могли хоронить: и не только потому, что не было сил физически, — не было денег, а главное — не было хлеба. А похоронить могли только за хлеб. Те, которые отдавали свои пайки, чтобы похоронить близких и родных, часто уходили из жизни быстрее, чем те, которые брались отвезти на кладбище и все устроить, сохраняя на этом свои жизни. Иногда и ненадолго. А

Карацерна черта бивающая
 ушцы детские сапки, на
 которых были в белизны
 совсем ослабшего человека,
 адико сиделого, покуривого
 или в профитокривы при заводе
 где в общи много снажи
 так, жена Володи Мещуров
 была на саночках, совер-
 шенно ослабшего реж его
 он сам не мог удрэ итти
 и бри снала его.

Были те, что еще мог ходит
 на работу на в это время,
 и были на саночках и уцерили
 от гонда, завернувши в
 праску или ~~мешок~~ во что-то
 с закрытой милой. Кто был на
 младше, кто в морз, кто в снежины
 ходили на меду.

вырыть могилу также стоило столько-то граммов хлеба плюс деньги. В то время все оценивалось в пересчете на хлеб.

Молчанов⁸⁴, писатель, муж Ольги Бергольц⁸⁵, умер от голода, и Мария Григорьевна Петрова⁸⁶ зашивала в ткань труп. Потом его увезли хоронить за хлеб и деньги в пункт, куда сдавали умерших.

Характерной чертой блокадной улицы стали детские санки, на которых везли в больницу совсем ослабевшего человека, обычно сидящего, полуживого, или в профилакторий при заводе, где многих спасали.

Так, жена Володи Пясецкого, Наташа, везла его на саночках, совершенно ослабевшего — он сам не мог уже идти. И этим спасла его. Везли те, которые еще могли ходить. И везли на саночках умерших от голода, завернутых в простыни или во что-то, с закрытым лицом. Кто вез на кладбище, кто в морг, кто в специально выделенные места.

Что мы ели

Что мы ели в течение 1942 года? Хряпа, дуранда (варили), шроты⁸⁷. Летом 1942 года — цветы липы, подорожник.

В октябре или ноябре на полях уже был снег. Мы с Мариночкой Зеест и еще с кем-то, поехали на бывшее капустное поле, где-то за Политехническим Институтом, и там собирали хряпу (листья капусты, зеленые, которые теперь выбрасывают коровам) и вырывали из земли оставшиеся после капусты кочешки. Руки очень замерзали, но мы набрали по рюкзаку — всё, что могли не-

сти, и страшно довольные своими достижениями, едва тащили и довели до дому. Это был пир! Хряпа долго была предметом питания в течение блокады в столовых супах. И как вкусно казалось! Хотя и наваренная супом, содержащим хряпу, вода и соль!

Еще ели столярный клей. Сначала тот, который был дома, а затем даже покупали, кажется, на рынке. Делали из него что-то типа заливного, и я помню, с каким удовольствием я ела, придя после суточного дежурства в больнице. Я съела много клея, а мамуся не могла есть. Угощали проходящих.

Летом в ночное дежурство я собирала на территории Боткинской больницы подорожник и варила к приходу туда моей мамуси. Я перестала его есть и собирать только после того, как однажды им отравилась и меня рвало целые сутки. Видимо, попала туда еще какая-нибудь трава.

Особым деликатесом были шроты — отжимки от сои. Эти шроты уже появились поздней зимой 1942 или 1943-го, когда и соевое молоко.

Зимой 1941—42 г. ели дуранду, которую варили в воде и жидкость, отличавшуюся по цвету от воды, ели. Сама дуранда не елась, как мне помнится, представляла что-то вроде опилок с колбучками. Есть ее было невозможно.

Давали пить как витамины настойку из иголок елки.

Где-то в начале 1943 г. появилась уже бóльшая дифференциация. Появились дополнительные карточки, выдаваемые на заводах, фабриках и других местах работы. И тут одни имели Литер А, другие — Литер Б. Это было дополнение к существующим карточкам в зависимости от работы и занимаемой должности и большое подспорье. Мамочка начала снова работать на заводе Ломоносова художником в художественной мастерской, и

ей полагался Литер А. Нам уже было вроде достаточно и могли даже делиться понемногу с теми, кто нуждался. Ходить на завод было трудно — мешали обстрелы, трамваи ходили редко. В народе шутили и ставили другое ударение в словах ЛитерАтеры, ЛитерБетеры и... коекакеры.

Бомбили каждый день

Бомбежки начались с самого первого дня войны. Звуки сирены сначала приводили в ужас и заставляли бежать в бомбоубежище. На улицах не позволяли оставаться. Дворники, дежурные загоняли в бомбоубежища или по крайней мере в подворотню. И, если идешь на работу или спешишь домой, то необходимо было стараться не попасть в бомбоубежище, а как-то перебежать от подворотни до подворотни под свист дежурных. Так трудно было добираться мне домой от Политехнического Института или Госпиталя, расположенного недалеко от него (бывшее какое-то НИИ, куда нас послали для ухода за ранеными)⁸⁸. Пешком до ул. Некрасова, где я жила, получалось приблизительно 10—15 км.

Бомбили каждый день. Особенно в лунные ночи. Появляющаяся луна, озаряющая землю своим холодным светом, предвещала воздушные налеты, смерть людям, ранения, страдания, разрушение домов и погребение под разрушенным домом заживо людей. Никто не знал что будет, хотя каждый с ужасом думал об этом. Люди оставались под обломками домов, умирая в страшных страданиях, а кого-то падающие стены убивали раньше. И это страшно. Помню, как разбирали остатки дома рядом с Фи-

лармонией. Наткнулись на скелет женщины с ребенком. На руке висели золотые часы, а на костях пальцев — кольца.

После каждого налета и бомбежки оставались разрушенные дома. Прямое попадание разрушило часть Эрмитажа, Невский, 14—16 (?)⁸⁹ где когда-то жил <пропуск в рукописи>.

В наш дом на Некрасова, 60 бомба попала, но не разорвалась и застряла между 4-м и 5-м этажами. Там архитектором Виррихом, построившим этот дом, были сделаны железобетонные прокладки. А дома на Литейном разрушались один за другим. Вряд ли остались улицы без попаданий и разрушений. На местах бомбежек оставались куски комнат, иногда даже мебель и то, что висело на стенах. Все это говорило о том, что там когда-то жили люди.

В доме на углу Некрасовой (№ 43) и Лиговки⁹⁰ сохранилась только часть — угол, противоположный стене, выходящей на Некрасовую. И в этой части жила женщина. «Я живу одна в доме, вернее в остатке дома», — сказала она мне, когда мы разговорились в магазине, и мне стало так страшно за нее. Как она может там жить! В июле 1942-го две девочки девятиклассницы были на Мальцевском рынке и, услышав тревогу, побежали и спрятались как раз в доме 43/1, куда в это время бомба и попала. Обеих убило. Одну из них звали Роза...

Каждый день происходили разрушения: воздушными нападениями днем и ночью, артиллерийским обстрелом, бомбой. Помню долгий артиллерийский обстрел, начавшийся рано утром и продолжавшийся весь день. Нервы не выдерживали, так хотелось, чтобы он остановился и дал хоть отдохнуть. Я бросилась на кровать и закрылась подушками, но и это мало помогло. Каждый выстрел, каждый удар нес смерть, ранение и разрушение. Попадали в идущие трамваи, хотя трамваи обыч-

но останавливались и высаживали людей в подворотню или бомбоубежище. Попадали на трамвайную остановку, просто на улицу, в дом. Никто не мог сказать, выходя из дома: «Когда я вернусь...».

Голод менял психологию людей

Белые ночи. Где-то в конце июля 1942 г. К больнице Боткина подъезжает машина. Из машины выходят 40 молодых женщин, одетых в черное в основном. Это заключенные с Крестов⁹¹. За что? За то, что украли кусок хлеба или схватили, выхватили у кого-нибудь, а потом быстро запихали к себе в рот. Эти молодые женщины больны, у них сыпной тиф. Некоторые в таком тяжелом состоянии, что не могут сидеть в приемном покое, температура высокая, истощенные, дистрофики с впалыми глазами, впалыми щеками и специфически блокадными лицами: уменьшенные глаза, под глазами подпухшее, с разросшимися бровями, молчаливые. Некоторые так слабы, что еле отвечают на вопросы медсестры. Некоторых ведут прямо в бараки — а записать сестра придет потом — и когда ведут по территории, их шатает.

В основном все молчат. От этого молчания и движения темных фигур по саду больницы среди деревьев по траве в уже потемневшем сером воздухе становится страшно. Ощущение какой-то нереальности.

К утру уже многих не стало, уходили в вечность одна за другой, и мало кто выжил. Бедные, бедные молодые страдалницы! Вот какая у них была молодая жизнь!

А кругом раскаты, взрывы. Звуки орудий и где-то стреляют, а вдали слышны удары артиллерийского обстрела в дымке восходящего солнца.

Голод может убить все чувства — любовь, привязанность, дружбу и... материнские или дочерние и сыновьи чувства. Матери хватывали хлеб у ребенка, матери могли бросить ребенка, воспользовавшись карточками.

Одна женщина в марте 1942 г. взяла карточки своих двух дочек и детскую — маленькой годовалой внучки, которая от слабости, вызванной голодом, не могла ходить, и ушла из дома и, как потом выяснилось, к своей подруге, где бывали военные, было теплее и светлее и... какая-то пища. Но были и семьи, где каждый старался спасти другого, своего близкого, уделяя часть своего пайка.

Интересна психология молодой голодной женщины. Например фильм «Анна Каренина»⁹², где героиня переживает, страдает от любви, не хочет жить, решает покончить жизнь самоубийством, меня не тронул. Я смотрела с единственной мыслью — стоит ли ей так переживать из-за мужчины. Она сыта, ей тепло и светло. Есть переживания сильнее — война, смерть, голод, ранения, инвалидность.

От голода сходили с ума даже военные. Серафима Герасимовна Ильина, военный врач, вспоминала, что везла офицера в больницу Степанова-Скворцова⁹³, и он все просил остановить машину у столовой и смотрел в окно. Он говорил: «Вот здесь была столовая, доктор, остановите, сойдем. Мне бы только тарелку щей горячих».

Постепенно возможно голод, а может быть, уже какое-то привыкание, но артиллерийские обстрелы или бомбежки не вызы-

вали уже особого страха. Скорее даже как-то раздражали, когда заставляли по пути домой или на работу. Все движение останавливалось, всех загоняли в подворотни или бомбоубежища, но люди все равно старались этого избежать и идти пешком, перебегая от одной подворотни к другой, хотя и понимали, что обстрел и бомбы несут разрушения и смерть.

Зимой 1942—1943-го на рынке можно было выменять небольшую вязаночку дров — обычно напиленные от досок — на хлеб от 200 грамм, что мы и делали, урезывая себя в хлебе, но зато согреваясь от печки.

Деревянные дома, стоявшие тогда еще на окраине города — на Охте, в Гавани, на Васильевском острове (о других районах не знаю точно) ломали на дрова. Помню как нас, жителей Смольнинского района, посылали для этого на Охту. Оставшихся жителей из этих деревянных домов переселяли в большие каменные, в комнаты умерших или уехавших. Многих переселили в наш дом на Некрасова, 60. В нашу квартиру въехала семья рабочего Петренчука, муж, жена и дочь. Сын уже умер от голода. Раньше.

Ломать дома было также нелегким делом, требовалась физическая сила и какие-то знания строительства. Вот этого и не было, что иногда приводило к физическим повреждениям разбивавших.

Радио играло особую роль в блокадной жизни. Оно никогда не выключалось, и днем, и вечером, и ночью старались сидеть у радио. Ждали сводки военных действий, а также объявления о выдаче какой-либо еды. Диктором был Левитан⁹⁴. Его голоса ждали с нетерпением, ждали с последними известиями. Он объявлял конец тревоги, сообщал новости, а также, что собираются

выдать по карточкам на следующий день — 100 грамм крупы и т. п. Он же объявлял о положении на фронтах, о попытках прорвать блокаду. У блокадников до сих пор звучит в душе его голос.

Большую радость доставляла своими выступлениями Мария Григорьевна Петрова, пробывшая всю блокаду здесь, все 900 дней. Она жила на казарменном положении, как и многие другие, в Доме Радио⁹⁵. Запомнилось чтение стихотворения Веры Инбер⁹⁶ как-то утром в 10 с чем-то утра. Все это очень помогало. Зимой 1942 и 1943-го заслуженный дирижер Элиасберг⁹⁷ составил симфонический оркестр из тех, кто оставался в городе, и давал концерты.

Большая благодарность Элиасбергу. Концерты шли в холодном зале филармонии, слушатели сидели в пальто, валенках, закутанные в платки. Сидели военные, оказавшиеся в Ленинграде, и женщины молодого возраста. Все получали огромное удовольствие. Во время концерта, однако, слышны были обстрелы и воздушная тревога. Тем не менее музыка симфоний отвлекала от ужасов и всего страшного.

В Кисловодске все другое

Июль 1946-го. Кончилась война, но многих уже нет, и они не увидели, за что отдали свою жизнь, оставив дом, жен, детей. В Кисловодске все другое. Это собрание толстых самовлюбленных людей, приехавших сюда отдохнуть и поправляться. Денег много, но вдруг не хватит. Меня спросил один оптик, что я думаю, хватит ли ему и его семье, жене и дочке, пять тысяч. Эта сумма так поразила меня.

Народ приезжий веселился. Война была забыта. Да они и не почувствовали войны. Скорее всего эти люди скрывались от нее где-то, кто как мог.

Но среди удовлетворенной толпы можно было видеть и детей, просящих кусок хлеба, и женщин, лишившихся мужей-кормильцев. Милиция разгоняла таких и грубо с ними обращалась.

Помню, как по главной улице шла красивая женщина с тремя детьми. Она держала на руках маленького. Тот, который был немного постарше, держался за юбку матери, а третий бежал рядом. Милиционер схватил его за руку, и тот сразу расплакался от боли. Мать попросила отпустить мальчика, но напрасно. Потом она нагнулась, чтобы укусить руку милиционера, который схватил ее и отбросил на панель. Голова женщины ударилась о поребрик, и она больше не встала. Ее унесли в милицию вместе с детьми.

¹ Мемуарные наброски И.А.Потаповой, хранящиеся сейчас в семье И.А. и С.А.Кокошкиных, расположены в нашей публикации не по датам создания, которые иногда установить затруднительно, но так, чтобы описываемые автором события выстроились в хронологической последовательности. В качестве «эпиграфа» к этому разделу выбран позднейший по времени (1995 год) незавершенный фрагмент, записанный на отдельном листке. Сохранены особенности авторской орфографии. Недописанные окончания слов восстановлены, редакторские конъектуры введены в текст без специальных оговорок. Угловыми скобками обозначены места, где в рукописи оставлено место для пропущенного слова (номер

дома, фамилия, которые автор записок не могла припомнить, и т. п.). Подготовка текста к изданию и примечания О.Л.Фетисенко.

- 2 Мать И.А.Потаповой — Елизавета Никодимовна Потапова (урожд. Ходоровская; 1886—1966), художница по фарфору.
- 3 Так И.А. называла воспитавшего ее отчима своей матери, Афанасия Никитича Михайлова (1863—1942). В начале следующего наброска И.А. сперва называет его «дедушкой», а ниже «папусей». А.Ф.Михайлов был экономистом, служил в Министерстве торговли и промышленности, был членом Ученого комитета и Учебного отделения этого Министерства; входил в близкое окружение гр. С.Ю.Витте; в советское время — бухгалтер, последнее место работы — Инфекционная больница им. С.М.Боткина.
- 4 Камилла Адамовна Михайлова, урожд. Косцеша-Статковская, по первому мужу Ходоровская.
- 5 Марина Андреевна (Генриховна) Зеест (Зеест-Озерова), балерина, артистка Имп. балетной труппы (с 1916 (?) г.); дочь полковника Андрея (Генриха) Андреевича фон Зееста, известного фотографа, служившего в придворном конюшенном ведомстве; подруга (а, возможно, и родственница) Е. Н. Потаповой.
- 6 Болеслав Адамович Косцеша-Статковский (?—1932), двоюродный дед И.А.Потаповой.
- 7 Константин Дмитриевич Кудрявцев (?—1918), автор книг о теософии и сотрудник журнала «Вестник теософии».
- 8 Мальцовский рынок — ближайший к дому, где жила семья И.А., на Бассейной (ныне ул. Некрасова), д. 52. Называется

так по имени купца Ивана Сергеевича Мальцева, приобретшего участок земли под рынок в 1906 г.

- ⁹ Нина Константиновна Лосева (урожд. кнж. Шаховская; ок. 1875 — не ранее 1931); в 1931 г. была приговорена к 3 годам ссылки на Север.
- ¹⁰ Иван Александрович Лосев (1875—1930), полковник имп. армии, инженер Брикетного завода (1917), член правления Акционерного общества Николае-Павдинского горного округа.
- ¹¹ Алексей Степанович Потапов (1872—1924), генерал-майор, отец И.А.Потаповой; по сведениям, сообщенным двоюродной сестрой И.А., Г.М.Субботиной, в 1914 г., когда родилась И.А., он был женат, но отчим Е.Н.Ходоровской потребовал от него развестись с женой или по крайней мере дать имя дочери и фамилию Елизавете Никодимовне, что и было сделано; в конце Первой мировой войны он служил в Индии, откуда в 1919 г. приехал в Москву, уже как английский подданный, с визами для Елизаветы Никодимовны, Ирины, для матери, отчима, невестки (жены брата) и племянницы Елизаветы Никодимовны — Марины, родившейся в 1918 г.; именно в этот момент он и был арестован, после чего его никто не видел.
- ¹² Имеются в виду ранние литургии в храме Леушинского подворья на Бассейной улице (ныне ул. Некрасова).
- ¹³ И.А. мечтала стать оперной певицей и брала уроки у Л. А. Андреевой-Дельмас (1884—1969).
- ¹⁴ Протоиерей Фёдор Феодорович Окунев (1882—1938), духовник Е.Н. и И.А.Потаповых, последний настоятель храма Леушинского подворья, расстрелян в 1938 году.

- 15 Речь идет о жене Петра Никитича Михайлова, брата Аф.Н.Михайлова. См. 234 наст. издания.
- 16 Анненшуле (школа № 239) — одна из старейших петербургских школ; открыта в 1770 г. при лютеранской церкви св. Анны на Кирочной ул., в д. 8. В конце 1920-х гг. — школа № 11 первой и второй ступени. См. об этой школе: Архангельский И.В. Анненшуле сквозь три столетия: Школа на Кирочной. СПб., 2004.
- 17 Александра Георгиевна Ден, учительница; сестра офицера Преображенского полка Георгия Георгиевича Дена (1878—1932).
- 18 О доме И.А., построенном академиком архитектуры Эрнестом Францевичем Виррихом (1860 — не ранее 1949, с 1921 г. в эмиграции) в соавторстве с А.Ф.Бубырем и А.И.Заозерским для Бассейного товарищества собственных квартир (1912—1914; совр. адреса: ул. Некрасова, д. 58—60; Греческий, д. 10—12; Фонтанная ул., д. 3—5), см.: Кириков Б.М. Архитектура петербургского модерна: Особняки и доходные дома. СПб., 2003. С. 440—454.
- 19 Александр Иванович Боргман (1879—1942) был автором учебника по русской истории (1912).
- 20 Имеется в виду лабораторно-бригадный метод, который в то время применялся и в советском высшем образовании вместо традиционных лекций и семинаров. Суть его в том, что учащиеся объединялись в бригады и самостоятельно выполняли некие учебные задания.
- 21 Так И.Л. назвала созданный именно в 1930 г. Строительный техникум (просуществовал до 1933 г.)

- 22 Речь идет о Варваре Федоровне Рукавишниковой (1878—1867), художнице по фарфору и одной из ближайших подруг Е.Н.Потаповой.
- 23 Николай Филиппович Вольф — в период НЭПа владелец магазина в Ленинграде; жил на ул. Рылеева, д. 51.
- 24 Здесь подразумевается окончание периода «Новой экономической политики» (НЭПа).
- 25 Правильное написание фамилии — Фрейндлих. Сведений о них найти не удалось. Возможно они были родственницами Б.А.Фрейндлиха (1909—2002).
- 26 Речь идет об одном из братьев бабушки И.А., Семене Адамовиче Косцеша-Статковском (1854—?), с 1912 служившим в чине генерала-майора.
- 27 А.И.Бородулин (1910—?), первый муж И. А. Потаповой; в 1935 г. приговорен к 5 годам ссылки в Астрахань как «социально опасный элемент», в 1941 г., перед самой войной, вернулся в Ленинград из ссылки и ушел на фронт, был в плену, в 1947 (?) г. арестован как «власовец» и попал в карагандинские лагеря; реабилитирован в 1989 г.
- 28 Имеется в виду дом 2 по ул. Зодчего Росси (б. доходный дом Департамента уделов Министерства Имп. Двора), где в 1941—1945 гг. располагался штаб Ленинградского военного округа.
- 29 И.А. преподавала в Политехническом институте английский язык. См. подробнее в мемуарном очерке И.А.Косошкина.
- 30 Мариенбург — поселок в четырех км от Гатчины (сейчас — район г. Гатчины).
- 31 От прямого попадания в здание эвакогоспиталя на Суворовском (в то время — Советском) проспекте фугасных

и зажигательных бомб здесь погибло 442 человека. Это произошло во время дневного налета 19 сентября 1941 г., одного из самых страшных за все время блокады. См.: По сигналу воздушной тревоги. Л., 1974. Госпиталь размещался в дворовом корпусе здания Академии легкой промышленности им. С.М.Кирова, построенного в 1934—1937 гг. Сейчас в д. 50/52 размещается ГУВД Санкт-Петербурга. В 1995 г. на здании была установлена мемориальная доска.

- ³² Окунев Серафим Федорович (1910-е — в 1941 г. пропал без вести), второй сын прот. Феодора Окунева.
- ³³ Имеется в виду школа № 155 (б. 3-е реальное училище) на Греческом пр., д. 21 (здание построено в 1895—1897 гг. по проекту арх. А.Ф.Красовского). Некрасовский сад (неофициальное название — Прудки) — на другой стороне Греческого проспекта; он представляет собой соединение Греческого сада, разбитого в 1883—1884 гг., и сада, устроенного на месте засыпанных в 1891 г. бассейнов, снабжавших водой фонтаны Летнего сада (от этих бассейнов происходило название Бассейной ул., где жила И.А.); имя Н.А.Некрасова сад получил в 1922 г.
- ³⁴ Склады им. А.Е.Бадаева; деревянные помещения, построенные купцом С.И.Растеряевым, на юге Петербурга в 1914 г.; сгорели в результате бомбардировок 8 и 10 сентября 1941 г. С этого момента в Ленинграде начался голод.
- ³⁵ Политехнический институт был эвакуирован в январь — марте 1942 г. в Пятигорск, который в августе был занят немцами. С мая 1943 г. институт продолжил работу в

- Ташкенте. Эвакуация профессоров и наиболее ценного оборудования из Ленинграда началась еще в июле 1941 г.
- ³⁶ Во время воздушной тревоги специальные дежурные следили, чтобы никто не проходил по улице. Нужно было укрыться в убежище или стоять в подворотне.
- ³⁷ Владимир Иванович Бородулин (1915—1942), брат мужа И.А. — А.И.Бородулина; в 1935 г. вместе с ним был выслан в Астрахань на 5 лет; реабилитирован в 1989 г.
- ³⁸ В автографе: «в лаборатории Фака». Речь идет, по-видимому, о лаборатории биологического факультета ЛГУ, размещавшейся в больнице им. С.П.Боткина.
- ³⁹ Мытнинская ул. идет от 2-й Советской (б. Рождественской) до ул. Моисеенко; Исполкомская (б. Консистерская) — от Невского пр. до ул. Бакунина (б. Калашниковский пр.)
- ⁴⁰ Моисей Наумович Фишер (1894—?), доктор медицинских наук, профессор, микробиолог.
- ⁴¹ С.А.Кашин (1894—1941).
- ⁴² Имеется в виду Большеохтинское кладбище
- ⁴³ См. примеч. 87
- ⁴⁴ Имеется в виду дом на углу наб. Фонтанки (д. 54) и ул. Рубинштейна (д. 15/17), принадлежавший до революции гр. М.П.Толстому. Построен в 1910—1912 гг. по проекту арх. Ф.И.Лидваля; памятник архитектуры модерна.
- ⁴⁵ Леонид Петрович (1866—1942) и Мария Германовна (1873—1942), Персиковы — соседи И.А.Потаповой по квартире на ул. Некрасова.
- ⁴⁶ О.Л.Персикова.
- ⁴⁷ Юлия Николаевна Дитерихс-Ринк (урожд. фон Эссен) (1892—1963), дочь адмирала Н.О. фон Эссена, с 1912 г. жена

морского офицера, героя Первой мировой войны Владимира Владимировича Дитерихса (1891—1951), скончавшегося в эмиграции; в 1914 г. окончила курсы Общины сестер милосердия Красного Креста им. ген.-адъют. М.Н.Кауфмана и поступила сестрой милосердия в Петроградский морской госпиталь; в нач. 1930-х гг. преподавала английский язык в Ленинградском институте искусств, в марте 1935 г. была выслана в Тургай на 5 лет; в 1940—1941 гг. преподавала в Политехническом институте; в январе 1942 г. вновь выслана из Ленинграда; умерла в эмиграции; Ринк — возможно, ее фамилия по второму мужу.

- ⁴⁸ Ю.Н.Дитерихс жила в квартире, некогда принадлежавшей ее отцу, в д. 21 по Ковенскому переулку.
- ⁴⁹ По сообщению биографа семьи Эсенов, Юлия Николаевна и ее сестра М.Н.Страхова были эвакуированы в Нальчик вместе с Институтом им. Лесгафта (это противоречит свидетельству И.А.). Во время наступления немцев на Кавказе большинство эвакуированных убегало через Грузинский перевал, а сестры Эссен оказались запертыми в доме. Впоследствии они ушли вместе немцами, а затем оказались в США. См. об этом: Емелин А.Ю. Семья адмирала Эссена // Фамилия Эссен в Петербурге: Материалы научного семинара 23—24 нояб. 1999 г. СПб., 1999. С. 40—47.
- ⁵⁰ Николай Дмитриевич Богинский — инженер-мостостроитель, служил в тресте «Промтранспроект»; библиофил, поклонник И.А.Потаповой; жил в 1930-е гг. на Верейской ул., д. 17, кв. 3; в 1942 г. арестован и, вероятно, расстрелян; реабилитирован в 1950-е гг.

- 51 Галина Сергеевна Уланова (1909/1910—1998), до 1944 г. балерина Кировского театра.
- 52 Наталья Сергеевна Рашевская (1893—1962), актриса и режиссер Ленинградского академического театра драмы им. А.С.Пушкина.
- 53 Юрий Михайлович Юрьев (1872—1948), актер Александринского театра (с 1893), педагог.
- 54 Николай Эрнестович Радлов (1889—1942), художник, искусствовед, педагог.
- 55 Надежда Константиновна Шведе-Радлова (189?—1944), художница, с 1924 г. жена Н. Э. Радлова.
- 56 Анна Дмитриевна Радлова (урожд. Дармалатова) (1891—1949), поэтесса, переводчица, жена С.Э.Радлова.
- 57 Сергей Эрнестович Радлов (1892—1958), театральный режиссер, педагог.
- 58 Приятный собеседник и любитель удовольствий (фр.).
- 59 Елена Мартыновна Суперанская (1891—1942), заведующая кафедрой иностранных языков Политехнического института в 1941—1942 гг.; жена инженера-гидротехника, проф. Игоря Михайловича Суперанского (1893—1942), расстрелянного в 1942 г.; арестована в феврале 1942 г., умерла в лагере.
- 60 Ligamento — связка (анатомический термин).
- 61 Галина (Гейда) Львовна Ерусалимчик — главный врач Боткинской больницы в 1941—1952 гг.
- 62 М. П. Березовская (1871—1941).
- 63 Характерно здесь это безымянное «жильцы». Дело в том, что все перечисленные выше по именам многочисленные соседи по квартире были добрыми знакомыми или даже

дальними родственниками Михайловых и Ходоровских. В 1920-е годы, чтобы избежать лишних тягот «уплотнения», бывшие владельцы квартир старались сами подыскать себе соседей-«подселенцев», но это, конечно, не всегда было возможно. Государство не могло допустить существования таких «дворянских гнезд». Так в квартире А. Н. Михайлова появилась семья, которую И. А. до конца жизни вспоминала с ужасом и называла «жильцы», а еще чаще – «торговая сеть». Именно об этих соседях и идет здесь речь.

⁶⁴ И. А. здесь и далее называет улицу так, как если бы в именительном падеже она называлась кратким прилагательным — не «улица Некрасова», а «Некрасова улица». Такие названия характерны для Петербурга (Рашетова улица, Шамшева улица и т. п.). В последние годы малосведущие «новые петербуржцы» коверкают их названия, порождая неведомые «улицу Шамшева» и «улицу Рашетова» (настоящее название улицы в Удельной образовано от фамилии «Рашет», а не «Рашетов»). И. А. невольно следует петербургской традиции, «одомашнивая», «обживая» новое, советское, название родной для нее Бассейной.

⁶⁵ «Нет усилий, нет и выгоды».

⁶⁶ Николай Михайлович Суетин (1897—1954), живописец, график, художник по фарфору, с 1932 главный художник ЛФЗ. Н. М. Суетин и А. А. Лепорская жили в кв. 87 в д. 60 по ул. Некрасова.

⁶⁷ Людмила Ивановна Черницкая (?—1942), двоюродная сестра Е. Н. Потаповой. Черницкие, семья (16 братьев и сестер), родственники Е. Н. Потаповой, в частности, Зоя Ивановна

- (?—1942?), Екатерина Ивановна (?—1942), Мария Ивановна (?—1942), Елена Ивановна (1886—1942), Иван Иванович (1900—1942), Константин Иванович (? — 1942?).
- 68 Владимир Сергеевич Игнатовский (1875—1942) — профессор ЛГУ, член-корреспондент АН СССР (с 1932 г.); расстрелян.
- 69 Василий Иванович Черницкий (1894—1941), брат М.И.Игнатовской и Л.И.Черницкой (адрес: ул. Софьи Перовской, 12—6).
- 70 В книге А.И.Солженицына «Архипелаг ГУЛаг» проф. Игнатовский упомянут в первой части («Тюремная промышленность») первого тома, в главе 11 («К высшей мере»). Здесь он назван генерал-лейтенантом и инженером, говорится о расстреле всей «группы Игнатовского» (было сфабриковано дело о том, что он возглавлял подпольную организацию, управляемую немцами извне).
- 71 Дмитрий Павлович Булатов (ок. 1923 — 1924 — 1942), сосед И.А.Потаповой по дому на ул. Некрасова, жил в кв. 100.
- 72 Возможно, одно лицо с Надеждой Ивановной Кудрявцевой (?—1942), приятельницей Е. Н. Потаповой.
- 73 Игорь Глубоковский (ок. 1925—1942) – сосед И.А. по дому на Бассейной ул.
- 74 Ольга Андреевна Зеест (1895—?), сестра М. А. Зеест (возможно, двоюродная сестра; в справочниках «Весь Петербург» ее отчество указано как «Александровна»); товарищ председателя Сергиевского общества трудовой помощи, член приходского совета храма Воскресения

Христова (Спас-на-Крови); в 1930 г. высылалась из Ленинграда на 3 года на север; монахиня в тайном постриге.

- ⁷⁵ Фамилия не выяснена. Возможно, И.А. неверно запомнила имя этого человека. Среди преподавателей Герценовского института найти его не удалось. См.: Профессора РГПУ им. Герцена в XX веке. Библиогр. справочник. 2-е изд. СПб., 2002; Шубаев Л. П. История географического факультета и кафедр. Л., 1960.
- ⁷⁶ Название Каменноостровского проспекта на Петроградской Стороне в 1934–1991 гг.
- ⁷⁷ В феврале 1942 г. Герценовский институт был эвакуирован в Кыштым Челябинской области.
- ⁷⁸ Перечислены Иван Яковлевич Билибин (1876–1942), художник, график, участник объединения «Мир искусства» (отчим второго мужа И.А., М. Н. Потоцкого); Павел Семенович Наумов (1884–1942), живописец, профессор, заведующий кафедрой живописи Академии художеств (с 1934); Оскар Рудольфович Мунц (1871–1942), архитектор, профессор Академии художеств; Владимир Александрович Фролов (1874–1942), художник-мозаичист, профессор Академии художеств; Павел Александрович Шилинговский (1881–1942), художник, график; Константин Петрович Фурсов (1892–1942), художник, искусствовед, старший научный сотрудник Академии художеств. И. А. не назвала имена еще двоих погребенных в этой братской могиле профессоров Академии художеств: архитектора Якова Германовича Гевирца (1879–1942) и живописца и графика Алексея Еремеевича Карева (1879–1942).

- ⁷⁹ Имеется в виду Смоленское лютеранское кладбище, существующее с XVIII в.
- ⁸⁰ Серафимовское кладбище на севере Петербурга существует с 1905 г. Памятник жертвам блокады был открыт 27 января 1965 г
- ⁸¹ Большеохтинское (Георгиевское) кладбище было открыто в 1773 г. В 1920-е — 1930-е гг. уничтожены все его храмы, кроме Никольского (1812—1814). Братские могилы времен советско-финской войны и блокады Ленинграда расположены в восточной части. На Калужской дорожке (от алтаря Никольской церкви справа, за мостиком через ныне засыпанную речку Чернавку, ближе к границе кладбища) похоронены в одной могиле Е.Н. и И.А.Потаповы, здесь же, ближе к началу дорожки, погребены А.В.Щекатихина-Потоцкая и М.Н.Потоцкий, свекровь и муж И.А. Упомянуто также Волковское (Волоково) кладбище, основанное в 1756 г.
- ⁸² Мемориал на Пискарёвском кладбище был открыт в 1960 г., а в апреле 1961 г. было принято официальное постановление считать его основным памятником погибшим в блокаду.
- ⁸³ Дом на углу ул. Маяковского (б. Надеждинской) и Баскова пер. (по Баскову – д. 6); построен в 1904 г. по проекту гражданского инженера А. М. Шарлова.
- ⁸⁴ Николай Степанович Молчанов (1909—1942), поэт.
- ⁸⁵ Ольга Федоровна Берггольц (1910— 1975), поэтесса, прозаик, драматург.

- ⁸⁶ Мария Григорьевна Петрова (1906—1992), актриса, диктор Ленинградского радио, режиссер.
- ⁸⁷ Хряпа — верхние листья в кочане капусты, не идущие в пищу. Дуранда — плитки прессованного жмыха. Шроты — отходы после переработки масличных семян.
- ⁸⁸ В августе 1941 г. госпитали открылись и на самой территории Политехнического — в главном здании и во 2-м учебном корпусе.
- ⁸⁹ В здание Нового Эрмитажа попало 10 снарядов. Дома 14/16 на Невском проспекте не существует — это два разных дома; д. 14 — школа № 210, построенная в 1939 г. (тот дом, где восстановлена блокадная табличка об опасности во время артобстрела). Соседний дом, № 16, на углу Большой Морской ул., неоднократно перестраивался в XIX в. и менял владельцев. В 1942 г. здесь временно размещался Дом книги.
- ⁹⁰ Этот дом, выходящий, кроме Лиговского пр. (д. 1), еще и на Озёрный пер. (д. 14), был построен в первой трети XIX в., а перестроен в 1875 г. Здесь до 1917 г. размещались гимназия Ф. Бычкова и реальное училище Я. Г. Гуревича.
- ⁹¹ Кресты — тюрьма на Арсенальной набережной, д. 7; в 1868–1917 гг. Центральная пересыльная тюрьма, с 1923 г. Петроградская окружная изоляционная тюрьма.
- ⁹² Возможно, И. А. вспоминает американскую экранизацию романа с Гретой Гарбо в главной роли (1935, реж. Кларенс Браун).

- ⁹³ Именем большевика-литератора Ивана Ивановича Скворцова-Степанова (1870–1928) была названа психиатрическая лечебница Св. Пантелеимона в Удельной.
- ⁹⁴ Юрий Борисович Левитан (1914–1983), диктор Всесоюзного радио.
- ⁹⁵ Дом на углу Малой Садовой и Итальянской улиц, построенный в 1912–1914 гг. по проекту Вас.А., Вл.А. и Г.А. Косяковых для Благородного собрания; Дом радио разместился здесь в 1933 г.
- ⁹⁶ Вера Михайловна Инбер (урожд. Шпенцер) (1890–1972), поэтесса, прозаик.
- ⁹⁷ Карл Ильич Элиасберг (1907–1978) — главный дирижер Большого симфонического оркестра Ленинградского радиокомитета (с 1931).

В.Стерлигов. Ленинград. 1950-е

В.Стерлигов. Комната в Ленинградской квартире. 1950-е

Илья Кокошкин: Воспоминания*

Встреча с Ириной Алексеевной в октябре 1942 года определила весь ход моей жизни.

До начала войны я с отцом Александром Ивановичем, дедом, бабушкой и моей няней жил в Ленинграде, в доме на углу Кирочной улицы и проспекта Чернышевского, в квартире моего деда. Отец, доцент Политехнического института, ушел на фронт. Няня Анна Карловна и мой дед Борис Антонович умерли от голода. Бабушку, Марию Федоровну, арестовали. Меня, по словам соседки, подобрала команда, ходившая по квартирам и собиравшая беспризорников. Так я оказался в Детском доме на углу улиц Восстания, 26 и Некрасова, 38, на втором этаже.

В октябре 1942 года отец, участвовавший в боях на Невском пятачке (он называл часто деревню Арбузово), оказался в Ле-

** Кокошкин Илья Александрович, инженер.*

Родился в 1934 г. в Ленинграде, пережил блокаду.

Воспитанник И.А. и Е.Н.Потаповых

нинграде. Зашел домой, квартира была пуста. Отец попытался найти меня, но времени на поиски не было. И вот он уже шел в колонне солдат, отправлявшихся на фронт по улице Некрасова, мимо дома № 60, где жила Ирина Алексеевна Потапова, и в этот момент она вышла из парадного. Отец выбежал из строя и бросился к ней, узнав в ней преподавательницу английского языка из своего Политехнического института. Знакомы они не были, но отец не мог не заметить молодую преподавательницу кафедры иностранных языков, отличавшуюся от других аристократической внешностью и манерами.

Отец попросил Ирину Алексеевну разыскать меня, его сына, которого он потерял из виду, спешно нацарапал мои имя, фамилию и дату рождения карандашом на спичечном коробке, попрощался и побежал догонять свою колонну. Ирина Алексеевна пришла домой и рассказала своей маме, Елизавете Никодимовне, о случайной встрече со своим сослуживцем. Тетя Лиля, как называли ее родные, предложила не тратить времени на поиски через Городской Отдел народного образования, а тотчас же зайти в ближайший Детский дом и спросить, как поступить наилучшим образом. Этим домом и оказался Детский дом на углу улиц Восстания и Некрасова. Директор Дома сказал, что Илюша Кокочкин находится у них, но завтра утром всех детей увозят на Большую землю, по Ладожскому озеру на баржах, отдать же мальчика он не может, так как у Ирины Алексеевны нет на него документов. Дело шло к вечеру. Ирина Алексеевна побежала домой. Что делать? Елизавета Никодимовна сказала ей: «Вот тебе серебряные ложки, беги к директору, падай в ноги ему, проси и умоляй оставить мальчика в городе и не отправлять его в эваку-

ацию. Иначе мы его потеряем. Мы знаем его отца. Он на фронте, жив. Мальчик не сирота. Что мы скажем отцу?»

Уже наступил комендантский час. Тетя Лиля стала читать молитвы, чтобы Ирина Алексеевна, которая перебежала из подъезда в подъезд, благополучно добралась до Детского дома. Много лет спустя, когда я уже поступил в аспирантуру, то на одну из первых стипендий купил шесть серебряных ложек и символически возвратил их тётё Лиле. А тогда директор принял её предложение, меня оставили в городе и перевели в Детский дом по соседству— в Ковенском переулке, 12, напротив костёла. На следующий день я впервые увидел Ирину Алексеевну.

В тот день нас разбудили очень рано. Все дети собрали свои вещи и уехали. Меня почему-то не взяли. Я остался один. В середине дня воспитательница сказала мне, что ко мне пришла «тетя Ира». Среди моих родственников такой не было. Ее приход был большим и очень радостным событием для меня, так как почти ни у кого из детей не было родителей и родственников, и все мечтали, чтобы хоть кто-нибудь когда-нибудь навещал их. Тётя Ира, молодая, красивая, стройная, с тонкими манерами, совсем как у моей любимой няни, нежно меня обняла и сказала, что её послал мой отец. Этот осенний день, 22 октября, по милости Божией, и стал для меня началом новой жизни. Мне было в ту пору 8 лет, а моей новой тете и будущей приемной маме 28!

Ирина Алексеевна родилась 15 августа 1914 года в Москве. О её отце, генерале царской армии¹, мне известно немного. Сведения о нем, его фотографии Ирина Алексеевна всю жизнь хранила в

глубокой тайне, опасаясь репрессий. Впервые она заговорила со мной об отце и показала чудом сохранившийся журнал «Нива» с его портретом только за несколько месяцев до своей смерти в 2002 году. Под портретом была подпись: «Генерал-майор Алексей Степанович Потапов, отбивший с двумя батальонами латышей нападение немцев на Митаву. Латышские общества поднесли генералу Потапову золотую саблю с надписью «За храбрость»². Часть эфеса этой сабли сохранилась. Ирина Алексеевна знала о Митаве и говорила в конце жизни, что могла бы как почетная гражданка жить в Риге. Алексей Степанович знал французский, английский, японский и персидский языки, участвовал в дипломатических переговорах о присоединении Персии к России, купил там надел земли, а Ирину Алексеевну шутя называл «Шамаханской царицей». С дочерью он был добр, но и строг. Говорил, что она дочь военного и должна переносить стойко любые трудности.

Алексей Степанович с семьей жил в Москве, а в Петербурге на Каменноостровском проспекте, на втором этаже дома 26—28, владел квартирой, оставшейся от отца, Степана Петровича. Двумя этажами выше позднее была квартира секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) С. М. Кирова. Ирина Алексеевна уже годах в девяностых попросила меня посмотреть этот дом и узнать, не в квартире ли ее отца и деда жил С. М. Киров.

Через год после рождения Ирины Алексеевны ее мать Елизавета Никодимовна переехала в Петроград, в квартиру своего отца, Афанасия Никитича Михайлова, по адресу: ул. Некрасова, д. 60, кв. 97. Именно Афанасия Никитича Ирина Алексеевна всю жизнь называла «папочкой», делая еще запутаннее для окружающих свою биографию.

Судьба ее родного отца была трагической. В дни Октябрьской революции по делам службы генерал Потапов оказался в Лондоне. Вернулся в Россию за семьей, был арестован. На вопросы жены о его судьбе, расстрелян ли он, был дан ответ: «Мы таких не расстреливаем, мы таких отправляем в подвал...»

Мать Ирины Алексеевны, Елизавета Никодимовна Потапова (1886—1966), происходила по женской линии из знатного польского рода. Бабушка Ирины Алексеевны, Камилла Адамовна Косцеша-Статковская, вышла замуж за Никодима Ходоровского, но вскоре решительно ушла от него с двумя детьми — Елизаветой и ее младшим братом Михаилом, — и вышла замуж за Афанасия Никитича Михайлова. Елизавета Никодимовна получила хорошее домашнее образование, потом училась в Академии художеств в Санкт-Петербурге. Увлекалась философией, историей, парапсихологией, теософией. Ее интересовали йога и переселение душ, спиритические сеансы, передача мыслей на расстоянии. В доме хранились книги известного теософа К.Д.Кудрявцева³, негативы ладоней рук с линиями судьбы, книги по хиромантии⁴, астрологии, был и «Брюсов календарь»⁵.

Елизавета Никодимовна состояла в кружке Е.П. Блаватской⁶ и достигла немалых успехов как ее последовательница. Однако в какой-то момент она стала страдать сильными головными болями и галлюцинациями. Пришлось прервать занятия в Академии художеств. Врачи рекомендовали ей поехать в Крым для отдыха, пока решался вопрос о ее дальнейшей судьбе. Поездка улучшения здоровья не дала. Обратный путь из Крыма домой пролегал через Киев. В то время в Лавре жил известный старец, к нему Елизавета Никодимовна и обратилась в поисках исцеле-

ния. Елизавета Никодимовна вернулась в Петербург полностью здоровой. А слова старца: «Что с тобой, дитя мое?» — навсегда остались в памяти. Именно так она потом называла всех нас.

Елизавета Никодимовна отошла от всех своих увлечений, перестала быть поклонницей Блаватской, интересоваться хиромантией и астрологией, стала глубоко верующей христианкой. В 1914—1915 годах окончила курсы медицинских сестер и работала в госпитале. По ее вере в дом приходила помощь.

Помню один ее рассказ: уже после ареста отца Ирины Алексеевны во время обыска все предметы в комнатах были осмотрены, документы прочитаны, некоторые из них изъяты. Дошла очередь до осмотра энциклопедии, состоящей более чем из 40 томов. В одном из них хранился подлинник свидетельства о рождении Ирины Алексеевны и другие документы, которые не должны были попасть на глаза чекистам. Чекисты проверяли книги особым образом: книгу брали за корешок и перелистывали, держа ее вверх ногами, так, чтобы вложенные листы могли бы легко выпасть на пол. В какой-то момент этой процедуры Елизавета Никодимовна, сказала, что у нее страшно заболела голова, и села в кресло. Она закрыла глаза и стала усиленно молиться. И произошло чудо: опасный том был осмотрен, но документы «залипли» и из книги не выпали. Елизавета Никодимовна и Ирина Алексеевна были спасены.

О детстве и юности Ирины Алексеевны лучше всего рассказывают ее воспоминания, с которыми читатель может познакомиться в этой же книге. «Много слез и страданий», но — при этом — любовь, которой жила и держалась вся семья.

В 1930 году Ирина Алексеевна закончила среднюю школу и поступила на Высшие государственные курсы иностранных

языков сразу на два отделения (немецкий и английский языки). Английский язык ей преподавала графиня Анна Васильевна Сиверс (1873—1942), мать знаменитого иеросхимонаха Сампсона (Сиверса)⁷, которая таким образом зарабатывала на жизнь себе и на посылки сыну в тюрьму.

С 1936-го Ирина Алексеевна стала преподавать в Ленинградском государственном политехническом институте. Именно в эти годы мой отец, доцент кафедры «Паровые турбины» того же института, время от времени встречал в главном здании, где находилась кафедра иностранных языков, молодую красивую преподавательницу.

К довоенному времени (1934 — начало 1935 года) относится и первое замужество Ирины Алексеевны, о котором она почти никогда не упоминала. Со слов родственников известно, что по желанию мамы⁸ она вышла замуж за учителя математики Александра Ивановича Бородулина, которого Елизавета Никодимовна очень любила. Венчание было совершено в церкви Святых Симеона и Анны на Фонтанке и вскоре, в конце марта 1935 года, Александр Иванович был сослан на поселение в Астрахань на пять лет. Вместе с ним был сослан и его младший брат Владимир, а мать Александра Ивановича еще раньше была сослана в Коми АССР.

В самом начале войны А.И.Бородулин был призван в армию, и долго о нем ничего не было известно. Лишь в конце войны выяснилось, что он был в плену⁹. Вернулся он только в 1945 году и очень скоро, чуть ли не на следующий день, был арестован по доносу родственницы и вновь сослан, на этот раз в Казахстан, где и остался навсегда. Моему отцу, вызванному по этому делу в НКВД на допрос, сообщили, что Александр Иванович никогда

не вернется, и даже сказали, что отец «может жениться» на Ирине Алексеевне.

В мое время о муже Ирины Алексеевны в доме никогда не говорили, возможно, из-за страха: двоюродный брат Ирины Алексеевны, живший в их же квартире, однажды пригрозил доносом, если ему не отдадут комнату. Пришлось уступить: Ирина Алексеевна осталась жить в одной комнате с Елизаветой Никодимовной. От матери она никогда не уезжала и с мужем вместе не жила. Во всяком случае, в письме, отправленном из Астрахани в ноябре 1935 году, через несколько месяцев после ареста, Александр Иванович называет Ирину Алексеевну своей будущей (!) женой. Получается, что брак их был только церковным¹⁰. Можно предположить, что отсутствие официальной регистрации в ЗАГСе спасло Ирину Алексеевну от неминуемых репрессий. Церковь, в которой они венчались, была в январе 1938 года закрыта, и документы, видимо, выпали из поля зрения властей.

В конце 1939-го — начале 1940 года в жизни Ирины Алексеевны произошло особое событие — знакомство с художником и поэтом Владимиром Стерлиговым. Но Ирина Алексеевна никогда не упоминала о нём в разговорах ни со мной, ни с родственниками. Память об этих годах она хранила в глубокой тайне, потому что это были самые сокровенные её чувства, самые дорогие её сердцу воспоминания, и она никому не могла открыть свою душу и позволить к ним прикоснуться. Они принадлежало только двоим, ей и Владимиру Васильевичу.

Ирина Алексеевна не уехала в эвакуацию из-за боязни остаться в блокадном городе без помощи своих родных, и на ее долю выпало множество испытаний. Стержнем и моральной

опорой для всей семьи и окружающих людей была, конечно же, Елизавета Никодимовна. Она старалась всеми возможными способами поддержать дух и настроение в семье, в самое трудное время расписала и подарила дочери на день рождения чашку, которая сохранилась до нынешних дней.

Во время войны многие родственники и близкие Потаповых уходили на фронт или отправлялись в эвакуацию. Когда они приходили к тете Лиле попрощаться, она давала им ладанку с текстом Девяностого псалма («Живый в помощи Вышняго...»). Все эти люди вернулись или невредимыми, или ранеными, но живыми. Такую ладанку Елизавета Никодимовна дала и моему отцу, и мне в Детский дом.

Незабываемое чудесное событие. Первая блокадная зима 1941—42 годов. Страшный холод. Все соседи, кроме сестер Зеест, умерли. Отопление не работает. Дров нет. Топят «буржуйку», жгут мебель, газеты. И тут у Елизаветы Никодимовны украли продовольственные карточки на декаду. Есть совсем нечего. Запасов в доме нет. Дверь в квартиру не закрывается, так как воровать нечего, да и сил закрывать двери нет. Но вечером приходит знакомая Елизаветы Никодимовны, и приносит им в подарок маленький бидончик с кислой капустой. Им хватает бидончика на 10 дней, до новых карточек. Они спасены!

И был еще один счастливый случай. Однажды ночью в страшный холод они с Елизаветой Никодимовной голодные сидели в своей комнате у буржуйки и пили кипяток, чтобы согреться. «И тут, — рассказывала Ирина Алексеевна, — открылась дверь и с шумом вошли двое военных. Принесенные ими продукты спасли нам жизнь»... Это были мой отец и с ним солдат — они приш-

ли пешком в город с Невской Дубровки — приобрести в обмен на хлеб пишущую машинку, а также меховую шапку и юбку для невесты командира.

После нашей встречи в Детском доме Ирина Алексеевна по воскресеньям часто приходила ко мне и забирала с собой. Меня очень любили, кормили обедом, оставляя для меня свою порцию. Елизавета Никодимовна и Ирина Алексеевна хотели взять меня к себе насовсем, но у них не было на это оснований, так как мой отец был жив и находился на фронте. Помню, что я тяжело заболел из-за голода и тетя Ира повезла меня в Боткинскую больницу, где она тогда работала медсестрой. Уже пошли первые трамваи. Они ходили редко и были переполнены. Тетя Ира, сама больная и ослабленная голодом, посадила меня с трудом в переднюю дверь трамвая, а сама встала на ступеньку на колени, так как на ногах стоять у нее не было сил¹¹. Водитель-женщина сказала: «Держитесь крепче!» Болезнь не проходила, и тетя Ира перевела меня в специализированную детскую больницу на улице Чайковского, что и спасло мне жизнь. Именно здесь я узнал о прорыве блокады.

После Ковенского, 12 я был переведен на Мойку, 26, в Детский дом № 3 для детей-сирот воинов Великой отечественной войны. Там я пошел в начальную школу № 203, где и проучился до 4 класса. Тетя Ира продолжала опекать меня и даже договорилась с учительницей музыки о том, чтобы я учился играть на пианино. Я постоянно бывал у них в доме и наслаждался разглядыванием картинок в старинной энциклопедии, читал разные книги, в том числе повести Лидии Чарской¹².

Ирина Алексеевна продолжала часто навещать меня. Особенно мне запомнился ее приезд на мотоцикле, трофейном BMW,

Билет студентки Высших курсов
иностраннх языков
И.А.Потаповой. 1930

за рулем которого сидел морской офицер, капитан I ранга, прямо на поле, около Ораниенбаума, где мы, дети из Детского дома, занимались прополкой посевов. Ее приезд произвел на всех большое впечатление, и я, счастливый, уехал с ними на этой редкой для тех времен технике.

В конце войны отец мой после тяжелого ранения вернулся из госпиталя и некоторое время жил в доме Елизаветы Никодимовны и Ирины Алексеевны, пока ему не сняли черную повязку с руки. Он разместился в выделенной для него тетей Лилей маленькой комнате, и ему оказывалась всяческая помощь.

В доме часто звучала музыка. Ирина Алексеевна и ее друг детства Алексей Иванович¹³ хорошо играли на пианино, иногда в четыре руки. Певица из филармонии, Мария, пела красивым меццо-сопрано арии из опер. Один из послевоенных вечеров был посвящен юбилею Роберта Шумана. Было очень весело и празднично.

В феврале 1947 года отец забрал меня из Детского дома. Мы продолжили некоторое время оставаться у тети Иры, так как в комнате моего отца жила его сестра, моя тетя Лена, с детьми в ожидании получения жилья после возвращения из эвакуации. Я пошел в пятый класс школы № 155 Смольнинского района, на Греческом проспекте. Стал получать двойки по русскому языку, математике и английскому (английский преподавался с четвертого класса). Отец считал, что я должен взяться за ум сам. Но тетя Лиля и тетя Ира решили иначе. В нашем же дворе мне нашли преподавателей и по русскому, и по математике. Дело быстро поправилось. Я научился склонять и спрягать по примерам в уме. Пошла и математика. Английскому языку меня учила сама тетя Ира. И тетя Лиля, и тетя Ира меня очень любили.

Они купили мне первые в жизни лыжи и коньки, я стал вторым в классе по скорости бега на лыжах. Тетя Лиля не только писала по фарфору (она имела собственное клеймо художника, в виде многоконечной звездочки), умела делать красивые искусственные цветы, прекрасно вышивала. Мне неоднократно шились и перешивались нарядные верхние куртки, из материала двух цветов, и даже на молнии, что тогда было большой редкостью.

Вскоре отец женился, и я стал жить с ним и мачехой. Отношения не складывались. Когда мне было плохо, я убегал к тете Ире. Если я заболел, то шел болеть к ним в дом, где мне было тепло и уютно.

После смерти отца в 1958 году я фактически перебрался в дом к тете Ире и тете Лиле, а уже спустя много лет любил после возвращения из командировок приехать к ним и остаться ночевать.

Тетя Лиля имела очень доброе сердце, и у нее постоянно жил кто-нибудь из родственников или знакомых. Это были и ее племянница Галина Михайловна Ходоровская, и Петр Никитич Михайлов, брат Афанасия Никитича и управляющий его имением Щигры Курской губернии, и его жена Мария Александровна. Третья комната была отдана насовсем Анатолию Никитичу Михайлову, в которой он жил с сыном Анатолием, его женой Женей и дочерью Люсей. Приходили и многие другие люди, ненадолго оставались в доме. И на всех этих людей у Елизаветы Никодимовны всегда находилось время и силы, все они были окружены заботой и любовью.

Ирина Алексеевна, конечно, тоже не оставалась безучастной и помогала своей «мамочке», как она называла Елизавету Нико-

димовну, постоянно и во всем. Можно было часто наблюдать такую картину: у Елизаветы Никодимовны гости, Ирина Алексеевна сидит, примостившись у своего письменного стола около окна, слушает трофейный черного цвета радиоприемник фирмы «Нога» и правит студенческие работы. Звонит телефон. Ирина Алексеевна не отрывается от работы, снимает трубку и разговаривает, в то же время пододвигает что-то на столе гостям. Радиоприемник был выдан Ирине Алексеевне для занятий с офицерами госбезопасности, которым она ставила лондонское произношение. Об этом мне рассказала незадолго до смерти Ирины Алексеевны ее коллега, доцент филфака В.Ф.Мильк, преподававшая на тех же курсах грамматику. Сама же Ирина Алексеевна выработала правило никогда ничего лишнего о себе не рассказывать — такое у нее было средство самозащиты¹⁴.

В доме всегда соблюдались посты, отмечались христианские праздники. Мне запомнилось, как отмечалось Рождество Христово. В сочельник около елки накрывался стол с большим количеством — до 12 — кушаний. Под скатерть обязательно стелилось сено. Большим праздником для всех нас была Пасха. Елизавета Никодимовна умела и учила нас раскрашивать пасхальные яйца. Пеклись, как полагается, куличи, готовилась сырная пасха. Мы провожали Елизавету Никодимовну на вечернее богослужение в церковь, а утром вся семья собиралась за столом.

Мать и дочь всегда помогали старым и больным людям. Иногда Елизавета Никодимовна брала меня с собой. Мы посещали дома престарелых в Пушкине и напротив Смольного монастыря в Ленинграде. Елизавета Никодимовна брала меня и на Большеохтинское кладбище, где мы заходили в церковь. С тех пор я очень люблю Казанскую икону Богородицы в этой церкви и

каждый раз, когда захожу туда, с бесконечной грустью думаю о том времени. Мы с тетей Лилей ходили также в Преображенский собор (с оградой из пушек), и сам я заходил туда перед экзаменами в школе.

Ирина Алексеевна и Елизавета Никодимовна волновались из-за моего увлечения ездой на мотоцикле и постоянно молились обо мне, когда я по два раза в неделю приезжал к ним на дачу, в поселок Огоньки в районе Зеленогорска, с грузом продуктов.

После института, видя мои частые отлучки в командировку, Ирина Алексеевна строго сказала мне: «Деточка¹⁵, ты теряешь квалификацию! Ты должен получить право самостоятельно работать. Ты должен поступить в аспирантуру!» За этот совет я бесконечно благодарен Ирине Алексеевне. Окончил аспирантуру, защитил диссертацию, стал заведующим лабораторией, а затем начальником отдела. Впоследствии такой же совет я дал и своим детям.

После войны расположения Ирины Алексеевны добивались многие достойные молодые люди, но безуспешно. Несомненно, что принятию решения о замужестве все эти долгие годы Ирине Алексеевне мешало невольное сопоставление этих людей с масштабом личности Стерлигова. Особенно долго, более пяти лет, за ней ухаживал Михаил Александрович Крылов, главный инженер Кораблестроительного завода. Однако Ирина Алексеевна, как он признавался в письме, его «всегда избегала». В это же время она познакомилась с Мстиславом Николаевичем Потоцким, сыном известной художницы по фарфору Александры Васильевны Щекатихиной-Потоцкой, работавшей на ЛФЗ вместе с мамой Ирины Алексеевны, и пасынком художника Ивана Яковлевича

Билибина. Он, по его словам, «пересидел Мишаню»¹⁶. Мстислав Николаевич был интересным человеком, с большим чувством юмора, но прежде всего Ирина Алексеевна оценила в нем жертвенное отношение к тяжело больной маме. Мстислав Николаевич тоже знал, что Ирина Алексеевна бесконечно предана своей матери. Это сблизило их. Окончательно определились и отношения Ирины Алексеевны с ее первым мужем: к 1958 году стало известно, что в Казахстане он создал новую семью.

Спустя два года, в 1960 году, после долгих уговоров Ирина Алексеевна все-таки решила переехать с мамой к Мстиславу Николаевичу, на ул. Лизы Чайкиной. Сделала она это еще и потому, что в ее коммунальной квартире «классовая борьба» с соседями достигла апогея. Она стойко сносила нападки соседей по коммуналке, когда-то собственной квартире ее «папусы», где теперь проживало 25 человек. Сама Ирина Алексеевна с мамой ютились в одной из восьми комнат этой квартиры. Но никаких обид, ни слова жалоб, все переживания закрыты для окружающих. Внутренним стержнем характера Ирины Алексеевны были, конечно, полученные ею от матери воспитание и глубокое религиозное чувство.

В 1959 году им с Мстиславом Николаевичем пришлось пережить трагедию — потерю новорожденной дочери. Ирина Алексеевна долго не соглашалась официально оформить замужество. Мстиславу Николаевичу лишь в 1964 году удалось уломать Ирину Алексеевну. Во время прогулки он неожиданно предложил ей зайти в ЗАГС, будто бы для того, чтобы на будущее узнать о правилах оформления брака. Но оказалось, что их там уже ждали, и для регистрации требовался лишь паспорт Ирины Алексеевны, который «случайно» оказался в кармане Мстисла-

Ирина Погапова. Конец 1930-х

ва Николаевича! Так неожиданно Ирина Алексеевна стала женой этого, как она впоследствии говорила, «интересного, но с очень сложным характером» человека. Свою девичью фамилию Ирина Алексеевна, как и при первом замужестве, не сменила.

В доме Мстислава Николаевича Ирине Алексеевне пришлось встретиться с новыми трудностями. Две больные пожилые женщины требовали постоянного ухода. Елизавета Никодимовна и сама постоянно ухаживала за душевнобольной и немощной Александрой Васильевной. В той же небольшой квартире жила и прежняя семья Мстислава Николаевича: его первая жена, теща и сын. Это обстоятельство требовало от Ирины Алексеевны большого такта и выдержки. Она всячески старалась примирить обе стороны и особенно наладить отношения между отцом и сыном. Ирина Алексеевна принимала большое, хотя на первый взгляд и незаметное, участие в судьбе сына Мстислава Николаевича, Александра.

Мстислав Николаевич по профессии был биологом, специалистом по микромиру северных водоемов. Он обладал энциклопедическими знаниями в области искусства и истории медицины. Иногда читал нам свои подготовленные к печати статьи по истории науки, например, о темах и правилах защиты диссертаций, принятых в университетах Европы в Средние века.

Их дом, в котором Ирина Алексеевна сумела создать теплую обстановку, был всегда полон интересных людей: ученые, искусствоведы, музейные работники, художники, особенно с Фарфорового завода. Случались и редкие для той поры визиты иностранцев, особенно из Франции. С ними Мстислав Николаевич, окончивший в Париже иезуитский лицей, общался свободно.

Помню, что когда Мстислав Николаевич открыл доступ к архивам И.Я.Билибина и А.В.Щекатихиной-Потоцкой, в доме жили, работая над написанием книги о Билибине, чудесные аспиранты Академии художеств, будущий академик Сергей Васильевич Гольнец и его милейшая жена Галина Владимировна, ныне член-корреспондент Академии художеств.

На пороге дома гостей всегда встречала приветливая хозяйка, стройная, подтянутая, нарядная, с серьгами в ушах, ожерельем и шарфом на шее, и обязательно в туфельках на каблучках¹⁷.

Иногда она заводила разговоры о новых направлениях в искусстве. Тогда само собой заходила речь и о Стерлигове. Но Ирина Алексеевна незаметно уводила собеседников от вопросов, знакома ли она с ним и почему так хорошо разбирается в его творчестве.

До последних дней Ирина Алексеевна хранила четыре письма Владимира Васильевича и рисунок с шутливыми стихами — пародией на ее хлопотливую работу преподавателя иностранных языков. В книжку-малютку, сделанную Стерлиговым из кусочка твердой бумаги, на обложке которой написано «Разбитая жизнь. Поэма», а на одном из листов изображен характерный силуэт Ирины Алексеевны, она бережно вложила свою небольшую фотографию в овале.

Она, конечно, знала о выставках Стерлигова, посещала их, как и выставки его учеников и последователей, сохраняла пригласительные билеты. Ирина Алексеевна лучше других чувствовала и понимала суть творчества и особенности натуры этого художника, произносила его имя с каким-то особенно глубоким чувством и грустью. Считала, что никто из учеников

не смог приблизиться к Владимиру Васильевичу, он был особенным...

Круг друзей и знакомых Ирины Алексеевны, которым она помогала и о которых заботилась, был чрезвычайно велик. Она была всегда в постоянном движении, куда-то бежала, торопилась, кому-то звонила, ей звонили беспрестанно, что вызывало недовольство соседей и мужа. По первому впечатлению могло показаться, что она излишне много хлопочет и говорит. Часы у нее стояли на 45 минут вперед. Опаздывая на очередную встречу с друзьями, она произносила по телефону свою любимую фразу: «Я уже выхожу. Я уже в пальто и в шляпе».

При всем этом Ирина Алексеевна успевала за день сделать очень многое и помочь всем, кто к ней обращался. Она всегда была в хорошем расположении духа, всегда энергичной, веселой и жизнерадостной. Умела держать себя в руках во всех случаях жизни.

В 1949 г. Ирина Алексеевна была избрана народным заседателем Народного суда Смольнинского района. Эта работа требовала от нее больших душевных сил и была связана с многими переживаниями, так как речь шла о судьбах людей. Никогда нельзя было услышать от нее какого-либо неуважительного слова; если советы, то только доброжелательные, если оценки действий посторонних, то только добрые, снисходительные и с большим чувством юмора.

Ирина Алексеевна во многом способствовала пополнению художественной коллекции музея в Ивангороде, куда Мстислав Николаевич передал бесценные работы Билибина и Щекатихиной-Потоцкой, находившиеся в их доме. После смерти Мстислава Николаевича она передала музею и оставленные ей мужем

на «черный день» несколько акварелей Билибина, и другие семейные ценности.

В семье очень любили животных, всегда были одна или две собаки, а количество кошек доходило временами до четырех, плюс многочисленное потомство, периодическое «трудоустройство» которого доставляло всем нам достаточно хлопот. Прогулки с собаками составляли часть уклада семьи. Многие важные вопросы решались при этом как бы походя. Тетя Ира, гуляющая в сквере с собачкой, которая тянет хозяйку то в одну, то в другую сторону — одна из незабываемых картин, хранящихся в моей памяти¹⁸.

Незадолго до ухода из жизни Ирина Алексеевна рассказала мне об одном случае. Она безгранично любила свою маму и однажды, когда Елизавета Никодимовна серьезно болела, сказала ей: «Если ты умрешь, то и я без тебя жить не буду и лишу себя жизни». Елизавета Никодимовна ей ответила: «Не делай этого, ибо Господь Бог дал тебе жизнь и только Он может ее у тебя взять». Но когда в 1966 году Елизавета Никодимовна умерла, Ирина Алексеевна решила вскрыть себе вены. Выбрала день, когда муж и соседи ушли из дома, приготовила бритву, набрала таз теплой воды и понесла его из кухни в свою маленькую комнату. Стала закрывать дверь, но та ударилась о стеллаж, к которому была прислонена старинная резная этажерка. Этажерка упала, на пол посыпалось все содержимое. Среди бумаг Ирина Алексеевна увидела конверт с надписью «Моей дорогой и любимой Ирусе», вытащила записку и прочла:

«После смерти моей, Ируся, родная моя, не плачь, а молись за свою грешную мамусю, ты этим облегчишь мое существование за гробом, в особенности 40 дней, когда душа проходит мытарства.

Ведь все мы умрем; поплачь, но не убивайся и не мучь себя, знай меру; и помни, что я не умерла, умерло только тело; а я жива и также живу, как и вы все, но только в другом образе бытия. Я к тебе буду приходить и тебя не оставляю, а чтобы ты меня чувствовала, не надо плакать, быть спокойной и молиться. Физически мои глаза закрылись, а душевными я смотрю, и ты своей душой смотри и чувствуй меня. Когда пойдешь на кладбище, то не плачь и не думай, что я там лежу, там только тело, как будто я сбросила старое платье, а я стою около тебя и ласкаю тебя и говорю тебе в душу, в сердце, что я не умерла. Ради Бога, дитя мое не плачь; там, где я у Господа, светло и хорошо, и ты старайся свою жизнь устраивать милосердием и жалостью к людям и любовью к Богу. У меня было много ошибок в жизни и грехов перед людьми и перед тобой (не дала многого в жизни тебе и, может, не так воспитала), и если я перед тобой или кем-нибудь согрешила, обидела ли кого или оскорбила, то со слезами прошу всех простить меня и прошу всех молитв за мою грешную душу! И ты меня, моя родная, любимая, прости меня! И помолись за меня..

Всей душой любящая мама

Помни, что мы здесь на земле временно и должны своей жизнью, делами, поступками, стремиться попасть после смерти к Господу для лучшей светлой жизни и радостной <...> »

Ирина Алексеевна очень тяжело переживала смерть матери, стала чаще посещать соседний Князь-Владимирский собор, куда ходила и раньше, нередко переодеваясь в старое пальто и косынку, чтобы не быть узнаваемой, полностью отказалась от мясной пищи. Для гостей, однако, в доме, как и при жизни Елизаветы Никодимовны, всегда была наготове большая чугунная сковородка с жареным мясом. Стол был всегда накрыт, и приходившего в лю-

бое время приглашали выпить чашку чая, за которой следовало предложение съесть немного мяса, а затем после длинной беседы отведать... свежих щей или супа.

Через год после Елизаветы Никодимовны умерла Александра Васильевна, а в 1998 году ушел из жизни Мстислав Николаевич Потоцкий. Ирина Алексеевна продолжала работать в университете. Еще за год до смерти она руководила секцией романо-германской филологии в Доме ученых и преподавала там английский язык, давала частные уроки многим знакомым, причем абсолютно бесплатно. При этом она всегда оставалась хороша собой: ее стройная фигура в элегантном темном костюме, аристократический облик и манеры неизменно обращали на себя внимание окружающих.

В начале 2000 года Ирина Алексеевна решила рассказать своим близким о том, что в доме с 1930-х годов хранятся переданные Елизавете Никодимовне арестованным в 1937 году последним настоятелем храма Леушинского подворья о. Федором Окуневым¹⁹ реликвии: серебряный крест с частицей животворящего древа Господня, ковчежец с мощами многих святых, личная дароносица о. Федора, иконы. Все это было доверено Елизавете Никодимовне как духовной дочери о. Федора. Более семидесяти лет гонений на Церковь мать и дочь, рискуя жизнью, хранили святые реликвии у себя дома.

Ирина Алексеевна, таким образом, была последней прихожанкой старого Леушинского храма. В 1990-е годы началось его восстановление, и Ирина Алексеевна передала реликвии новому настоятелю, о. Геннадию. Здесь же Ирину Алексеевну отпевали. По ее завещанию ковчежец и Тихвинскую икону Божией Матерью я передал в храм в день ее похорон²⁰.

Умерла Ирина Алексеевна у нас дома 3 марта 2002 года после тяжелой болезни. Ее последними словами были: «Я поняла, что мне надо умирать, а я так люблю жизнь!»

- ¹ Алексей Степанович Потапов (1872—1924) был генерал-майором Генерального штаба; после Февральской революции возглавил Военную комиссию Государственной думы. На сайте «Русская армия в Великой войне», созданном, к сожалению, уже после смерти Ирины Алексеевны, представлен портрет Алексея Степановича в военной форме и содержится подробный послужной список и описание военных заслуг генерал-майора Потапова вплоть до 1917 года.
- ² Нива. 1915. № 28. С. 553.
- ³ Константин Дмитриевич Кудрявцев (?—1918) был автором книг о теософии и сотрудником журнала «Вестник теософии».
- ⁴ Среди родственников Елизаветы Никодимовны был известный хиромант, который работал на Пороховом заводе в Санкт-Петербурге. Он прочитал по своей руке, что должен погибнуть от огня. Уволился с завода. На заводе произошел сильный пожар, цех сгорел, и линия смерти от огня на его руке стерлась. Это произвело огромное впечатление на Елизавету Никодимовну.
- ⁵ Календарь, изданный в 1709 году, содержал сведения о времени восхода и захода солнца в Москве, включал даты церковных праздников, святцы, справочник географических

сведений, данные по астрологии, а также информацию о положении планет и Луны.

- ⁶ Елена Петровна Блаватская (1831—1891) — религиозный философ теософского направления, литератор, публицист, оккультист и спиритуалист, путешественница.
- ⁷ В миру Эдуард Эсперович Сиверс (1898—1979).
- ⁸ Ирина Алексеевна рассказала мне, уже незадолго до смерти, что она советовалась об этом с двумя священниками, часто бывавшими у них в доме, в том числе и со своим духовным отцом.
- ⁹ Вдова о. Федора Окунева писала в 1955 г. Елизавете Никодимовне, что Александр Иванович был отправлен немцами в концлагерь за помощь партизанам.
- ¹⁰ С семьей Бородулиных сохранились дружеские отношения. В записях о блокаде Ирина Алексеевна очень тепло говорит о младшем брате Александра Ивановича, который в это время жил у них и умер от голода. После войны Елизавета Никодимовна посылала Александру Ивановичу в Джезказган теплую одежду и продукты, а Ирина Алексеевна — техническую литературу для работы по новой специальности, не прекращала она и переписку со свекровью.
- ¹¹ В предвоенные годы у Ирины Алексеевны открылась неизлечимая, согласно официальной медицине, болезнь — туберкулез коленного сустава. Уже были готовы костыли. Ее спас врач-гомеопат А.П.Слижиков и постоянные горячие молитвы Елизаветы Никодимовны.
- ¹² Лидия Алексеевна Чарская (1875—1937) — писательница, автор нравоучительных книг для детей и юношества.

- 13 С Алексеем Ивановичем Ирина Алексеевна дружила в школе, тогда они думали, что в будущем создадут семью. За две недели до смерти Ирина Алексеевна продиктовала ему прощальную записку. Алексей Иванович был уже очень болен и умер несколько месяцев спустя.
- 14 Так, поехав в 1970-х годах в Англию в составе тургруппы Ленинградского университета, Ирина Алексеевна побоялась заговорить с шофером автобуса, чтобы попросить его провезти их не по окружной дороге, а через центр города.
- 15 «Деточка» было любимым обращением Ирины Алексеевны ко всем нам, уже взрослым, имеющим своих детей и даже внуков.
- 16 В буквальном смысле этого слова, так как однажды после позднего сидения вдвоем у Ирины Алексеевны они попрощались и вышли из дома, но Мстислав Николаевич тут же вернулся через черный ход и таким образом перехитрил соперника.
- 17 В книге К.Н.Михайловской «Цветущий кобальт. Очерки о художественном фарфоре» (М., 1980) описана обстановка, обитатели и посетители квартиры № 46 по улице Лизы Чайкиной, 25, где жили Ирина Алексеевна и Мстислав Николаевич. Дарственная надпись, составленная автором книги и художницей Фарфорового завода И.С.Олевской, гласит: «Самой женственной из женщин, прелестной Ирине Алексеевне. С нежностью и симпатией».
- 18 Последняя собака появилась в доме необыкновенным образом. По словам Ирины Алексеевны, около филфака ЛГУ долго бродил ничейный пес. Однажды в осенний дождливый вечер Ирина Алексеевна возвращалась после

лекции домой. Пес последовал за ней. Вместе они дошли до Стрелки Васильевского острова. Подъехал троллейбус, Ирина Алексеевна вошла в дверь. Пес в нерешительности стоял на улице. Мимо проходил пьянчужка и сказал: «Что ж ты (далее что-то нецензурное)... сама вошла, а собаку-то оставляешь?», и посадил в троллейбус пса. Так в доме появился Тоби, которому было суждено пережить свою хозяйку. Последний кот тоже попал в дом по чистой случайности. При отъезде с дачи, когда вещи уже были погружены в машину, выяснилось, что исчез кот. Бросились искать, и очень скоро кота нашли и сунули в машину, под ноги. По приезде домой разыгралась сцена: у кота — шерсть дыбом, обе собаки разрываются от лая. И тут выяснилась причина: кот оказался чужим, хотя и очень похожим на прежнего... Он прижился и более того, очень скоро стал всеобщим любимцем Котей.

- ¹⁹ Протоиерей Федор Федорович Окунев (1882—1938) был духовником Е.Н. и И. А.Потаповых.
- ²⁰ Похороны совпали с днем 8 марта, праздником, который она не признавала, не любила официальных красных гвоздик и просила, чтобы ее гроб не был красного цвета. Погребена Ирина Алексеевна на Охтинском кладбище в одной могиле с Елизаветой Никодимовной, а также с «дядей» (братом бабушки) Болеславом Адамовичем, младенцем Леночкой и близкой знакомой баронессой Надеждой Романовной Бодунген.

Портрет В.Стерлигова. Рис. Г.А.В.Траугот. 1950-е

Александр Траугот *:

«Стерлигов — человек из осажденной крепости»

1948 год. Мне было 18 лет, и я был очень самоуверенным молодым человеком, гораздо более самоуверенным, чем теперь. Владимир Васильевич Стерлигов в тот год неожиданно попросил меня слепить его портрет, и обязательно «в материале». «Хоть в гипсике», как он выразился.

Я работал тогда не так быстро, как теперь, и у нас состоялось довольно много сеансов. Нужно сказать, что портрет — наиболее сложная форма искусства. Мало кто сегодня может делать портреты: получается или просто фотография, или фантазия на тему.

Александр Георгиевич Траугот - живописец, книжный график, скульптор.

Родился в 1931 году в Ленинграде в семье художников Г.Н. Траугота (1903—1961)

и В.П. Яновой (1907—2004), брат художника В.Г. Траугота (1936—2009).

Вместе с отцом и братом оформил более 200 книг, до настоящего времени подписывает свои произведения «Г. А. В. Траугот».

Вот и Стерлигов спросил меня, как я его понимаю, какую ставлю задачу, делая его портрет. Я ответил: «Человек глядит из осажденной крепости. Этот человек — Вы». Он задумался над этим.

Стерлигов казался мне человеком, который видит вокруг всё чужое: чужой мир, чужой век, чужое время. Спустя 20 лет он написал такие стихи:

Впереди — враги
 Позади — враги
 Кругом враги
 Война сейчас.

Но то была не трусость, а отрицание чужого мира. У него не было с этим миром общего языка.

Ощущение, что он не дома, роднило его с женой, с Татьяной Николаевной Глебовой, при том что они были разные люди и художники. Стерлигов на самом деле был одинок, не только не признан, а незамечаем, гоним. Только в нескольких домах — в нашей семье, и в доме Суетина-Лепорской — его признавали. И это я и хотел выразить.

Ему нравился этот портрет. И только потому, что Стерлигов тогда жил в очень маленькой комнате треугольничком на Большом проспекте, он не забрал его. А у нас он всегда стоял на видном месте. Я портретом доволен. В бронзе я отлил его уже потом.

Стерлигов сумел бы стать очень хорошим священником, потому что обладал очень ценным качеством: мог испытывать ужас от жизни. Это редкое качество.

Он соединял в себе глубокомыслие и легкомыслие. Это очень приятное сочетание, потому что исключительно глубокомысленный человек становится трудным для общения. Он очень быстро вдохновлялся, воспалялся собственными рассказами. В Стерлигове была такая лёгкость, будто жил где-то в ином пространстве. Он очень любил людей морочить, подшучивать над ними и иногда забывался. Но ему важно было сыграть спектакль.

При этом он был человеком сомневающимся. Часто, когда смотрел наши работы, приговаривал: «Пора складывать кисточки». Позже, когда он уже был окружен учениками, положение заставило его играть роль профессора, совершенно чуждую ему роль, потому что был человеком смешливым и весёлым.

Стерлигов был влюбчив. Или скорее умел очаровывать и сам очаровывался девушками, вдохновлялся их красотой. Если он приходил в восторг, то и всех окружающих, включая свою жену Татьяну Николаевну, заставлял присоединяться к этому восторгу. Правда, если девушка выходила замуж, восторг сменялся раздражением. Так, его восторженное отношение к Марине Басмановой¹ сопровождалось неприязнью к Бродскому².

Татьяна Николаевна всё это терпела. Она вообще была преданным флагом солдатом. А он — прекрасным, легкомысленным мужчиной, но при этом совершенно чуждым какой-либо пошлости.

В Ирину Алексеевну Потапову Стерлигов был влюблен очень сильно, писал ей письма, и она отвечала. Как и ее мать, Елизавета Никодимовна, Ирина была наделена особой красотой, отличающейся от той, что была тогда в моде. Она была будто скульп-

Вечер у Трауготов. 1954. Справа налево: Александра Васильевна Шекочихина и ее сын Мстислав Потоцкий, Георгий Траугот и его жена Вера Янова, Людмила Глебова, Рене О'Коннель (спиной), Татьяна Глебова, Владимир Стерлигов, **неизвестная (похожа на Ирину Потапову!!!)** стоит сын Георгия Траугота — Валерий Траугот. Рис. Рене О'Коннель

птура Кановы: правильные черты лица, очень красивая фигура, косы вокруг головы.

Мы с Ириной дружили. Но можно было только догадываться, что их со Стерлиговым связывали романтические отношения. О его чувствах к Потаповой мы знали, но не представляли их глубины.

Она была строгих правил, и отвечая Стерлигову взаимностью, поставила между ними стену, так как была уже венчана в 1935 году и имела обязательства перед репрессированным мужем³. Стерлигов предлагал ей уехать с ним в эвакуацию⁴, но она отказалась оставить родителей в Ленинграде. Ирина была очень предана матери, так, что со стороны это выглядело как монашеское послушание.

А в Стерлигове в те годы никакой религиозности не было. К церкви он пришел позже, благодаря Людмиле, младшей сестре Татьяны Николаевны. Поначалу в семье иронически называли ее Иоанн Креститель. А потом уж она научила всех молиться. Стерлигов даже написал стихи, довольно пафосные: «Беру свой огненный венец и опускаюсь на колени», которые вызывали у его знакомых тайные насмешки.

Впрочем, он и сам немного стеснялся собственных стихов и не ценил их. Только от Ирины Алексеевны я слышал стихотворения «Пальто», «Пир», которые Стерлигов отправлял ей в письмах, а она запомнила. Для него это была доступная форма работы в те два года, 1939-м и 1940-м, когда он оказался в изгнании и не мог ни писать, ни рисовать.

У меня сохранился автограф одного из стихотворений. Вот оно:

«Смерть сказала: «Я хозяйка».

А мальчишка рассмеялся

и подбросил звонкий шарик,
 где летал весёлый голубь.
 Смерть сказала: «Я хозяйка»,
 Юноша остановился.
 По лицу его мгновенно
 Пролетел кусочек тени.
 Смерть сказала: «Я хозяйка»,
 Муж с тоской обводит взором
 Всё кольцо земли и неба,
 Пашню, вспаханную ныне.
 Смерть сказала: «Я хозяйка.
 Я ждала тебя, невеста.
 Я давно сложила руки,
 Нет в груди моей дыханья».

Это он написал, по-моему, в 1948-ом году.

Гением мы все считали только Введенского⁵. Даже Хармса гораздо меньше ценили. Он заслонил Введенского уже впоследствии, когда стали публиковаться воспоминания знавших его людей. Хармса признали, а Введенский остался известным в узких кругах.

Сильным качеством Стрелигова было умение увлекать своими художественными идеями молодых художников, которые потом могли пойти своим путем, и во многом благодаря его своевременной поддержке. Нам с Мишей Войцеховским⁶ Стерлигов очень помогал, когда мы поступали в Академию художеств и провалились. Профессор, скульптор Крестовский тогда заметил: «Если бы я их принял, они бы мне испортили весь курс». Конечно, так и было бы, потому что истина была на на-

Маска В.Стерлигова в мастерской А.Траутота.
Работа А.Траутота. 1970-е

шей стороне. Но именно Стерлигов тогда с большим чувством сказал нам: «Вы избранные».

Мы чувствовали себя его товарищами в области искусства. После войны, когда появилось деление на официальное и неофициальное искусство, мы хорошо знали: работы, что висели у нас дома, нельзя показывать комиссиям... Такое это было время. Помню квартирную выставку, устроенную в комнатке Стерлигова и Глебовой в огромной коммуналке, когда-то целиком принадлежавшей семье Глебовых. Это были его «Облака перед несуществующим»⁷. Маленькая белая комнатка, много приглашённых: Лепорская, Друскин⁸, Петров⁹, мы сами, наши родители... Все что-то говорили... и когда дошла очередь до Войцеховского, он сказал: «Владимир Васильевич, вы всё наврали». Все напряженно замолчали, но Стерлигов подошел, обнял его и поцеловал.

Надо сказать, что для искусства, как и для религии, преследования полезны. Когда начались гонения, наши отношения со Стерлиговым стали идеальны. Была искренняя любовь и настоящая дружба. Мы не просто объединялись, спланивались против всеобщего зла, но и за — за искусство, за тайну. Мы были «островом» и в отличие от большинства дышали другим воздухом...

Время было страшное, но всё-таки мы не боялись, всегда говорили очень свободно, и как-то Бог хранил... Правда, Стерлигов придумал произносить слово «универмаг» вместо «Сталин», так, чтобы подслушивающие ничего не поняли. Помню эпизод, показательный для характеристики времени. Мы рисовали белую ночь: я, Стерлигов и с нами две девушки. На Петроградской стороне у каждого дома всю ночь дежурили дворники. Дворники были в белых фартуках. Белой ночью они как-то по-особенному светились, я даже заметил, что они похожи на пингинов. Мы

рисовали и разговаривали, как вдруг эти «пингвины» собрались в одну кучу, и вскоре появилась милиция... Милицию дворники и вызвали, услышав наши разговоры - такие слова, как «пингвин», «ультрамарин», они решили, что мы - шпионы, говорящие на иностранном языке.

После смерти отца в 1961 году мы со Стерлиговым разошлись. Я долго надеялся, что мы еще встретимся, потому что я его любил. Кроме того, я люблю его работы. У него такой рисунок был: гамак, в котором девушка. Называлась «Моя душа». Я в нем видел эту нежность души.

- ¹ Марианна Павловна Басманова — книжный график, ученица В.В.Стерлигова.
- ² Иосиф Александрович Бродский (1940—1996) — поэт, прозаик, эссеист.
- ³ См. примечания, стр.
- ⁴ В воспоминаниях И.А.Потаповой упомянуто, что эвакуироваться ей предлагал также Н.Д.Богинский, см. стр. 00 настоящего издания.
- ⁵ Александр Иванович Введенский (1904—1941) — крупнейший поэт, драматург и философ русского авангарда, один из основоположников литературы абсурда, участник объединения ОБЭРИУ.
- ⁶ Михаил Владимирович Войцеховский (1931—2015) — художник, соученик А.Г. Траугота по художественной школе
- ⁷ «Облака перед несуществующим» — цикл гуашей В.В.Стерлигова. Художественный образ взят из работы Якова Друскина «Формула несуществования».

- ⁸ Яков Семенович Друскин (1901—1980) — философ, литератор, теолог, искусствовед. В 1920—1930 годах участник содружеств поэтов, писателей, философов «Чинари» и ОБЭРИУ
- ⁹ Всеволод Николаевич Петров (1912—1978) — искусствовед, в те годы — заведующий отделом советской живописи в Русском музее.

А.Траугот. Портрет В.Стерлигова. Гипс. 1970-е

Лица круга Стерлигова Рис. Г.А.В.Траугот. 1950-е

Андрей Шишкин: Что я помню о Стерлигове

Пройдя полукругом по площади Льва Толстого в сторону реки Карповки на Большой проспект, я привычно сворачиваю в парадную дома 98. Лестница 1911 года в начале шестидесятих годов еще сохраняет фрагменты недолгого петербургского серебряного века: изразцы, остатки витражей, лепнину. После темноты передней вхожу в первую комнату налево. Здесь пахнет масляными красками, травами и воском, повсюду вдоль стен стоят картины, холсты. Это — комната В.В.Стерлигова и Т.Н.Глебовой.

Пройдя длинный коридор коммунальной квартиры и большую кухню, могу постучаться в дверь еще одной маленькой комнаты. Когда-то в барской квартире Глебовых это помещение служило комнатой прислуги, потом здесь поселилась сестра Татьяны Николаевны — Людмила. Комната небольшая, но уютная, в ней располагается фисгармония, по преданию принадлежавшая Даниилу Хармсу. На фисгармонии, на кровати, на подоконнике лежат в работе искусственные цветы — ими

Людмила подрабатывает. Окна ее комнатки выходят на площадь Толстого, где несколько лет роют котлован под станцию метро «Петроградская».

Это Петербург, окруженный несколько агрессивным Ленинградом. Владимир Васильевич по-своему сопротивляется ему: когда идет речь об упрощении орфографии, переходит на правописание старое, дореволюционное, и даже конверты надписывает по орфографии «той». Потом, когда уже построили ветку метро, он какое-то время игнорировал его.

Моя семья — дед, ботаник Б.К.Шишкин, бабушка, микробиолог О.И.Шишкина и мать А.Д.Яшвили — живут рядом, в доме №100 по Большому проспекту. Мы обмениваемся визитами, Стерлигов интересуется моими детскими рисунками, и несколько даже забрал себе — в каком архиве они теперь?

Следующий эпизод — вторая половина 60-х, поездки к Стерлигову в Петергоф. Владимир Васильевич нетерпеливо требует, чтобы моя матушка определила тему работы, написанной им поверх обоев в большой комнате. Там изображена «Троица», но матушка евхаристическую чашу опознает как корабль в морских хлябях. Алла Повелихина запаздывает на званый вечер, она только что вернулась из Бурятии, из буддийских монастырей, волосы у неё красно-золотые, лицо от мороза покраснелось, на ярком джемпере наискось элегантно черная полоса. В зимних сумерках в тёмной большой комнате празднуется день рождения. Гостей много, но все как-то размещаются на двух длинных скамьях. На столе свечи. Стерлигов наливает холодную водку в миниатюрный серебряный стаканчик, остаток семейного наследия, вспоминает о детской поре: чистый дом, луч солнца в спальне; старинный дворянский уклад, молитва перед

Портрет В.Стерлигова. 30 апреля 1956
Рис. Г.А.В.Траугот

едой. А как нынче в общепите, не снимая шапки? Потом заговаривает о «Пире во время чумы», кто прав: священник или Вальсингам? «Священник», — отвечает Алексей Гостинцев. «А вот я думаю — Вальсингам». Пушкин оказывается союзником и в разговорах об искусстве. «Зачем повторы у Некрасова: «Однажды в студеную зимнюю пору / Я из лесу вышел: был сильный мороз». То ли дело у Пушкина: «Мороз и солнце; день чудесный».

Из XX века самый почитаемый — Хлебников. Как драгоценность дает в руки харджиевское издание 1940 года. Во время войны солдат Стерлигов зашёл в оставленную школьную библиотеку, где книги лежали высокой кучей, а с края — харджиевский томик Хлебникова. Положил во внутренний карман шинели, так всю войну и проходил.

Последний эпизод — мастерская на ул. Широкой 52, недалеко от Большого проспекта, 98. Похожий на корабль дом в стиле модерн. «Советского» названия улицы — улица Ленина — избегают, хотя на 3 этаже того же дома располагается музей вождя. Каждое воскресенье, после литургии, в мансарде Стерлигова художники показывают созданные за последнее время картины; говорят о религии и об искусстве. Разговор идет только о самом важном. «Отобразить в искусстве жизнь подробно до последней ресницы», — повторяет как власть имеющий Стерлигов. Но жизнь — в ее реальнейшем, поэтому Левитан, к примеру, осмеивается и причисляется к низшему виду искусства. Круг узкий, но не закрытый. Помнится визит академика Д.С.Лихачева, который очень внимательно смотрел выставку.

Осенью 1972 монологи и диалоги в мастерской Стерлигов поручает записывать мне. Наверное, они найдутся в моем петербургском архиве. Но это будет уже другая книга.

Отпевание В.В.Стерлигова. 3 ноября 1973
Рис. Г.А.В.Траугот

В.Стерлигов. Жонглер. 1968. Акварель, коллаж.

Алексей Гостинцев:
Владимир Васильевич Стерлигов —
поэт, философ, художник*

Владимир Васильевич говорил: каждый человек — художник, каждый рисует свою жизнь. А художник, кроме того, карандашом на бумаге или кистью на холсте показывает, как он ее нарисовал.

Стерлигов прожил трудную жизнь, в которой были «Казимир Северинович, Даниил Иванович, Александр Иванович, Евгений Львович»¹. Журналы «Чиж» и «Ёж», где он работал, лагерь, война, фронт, контузия, эвакуация в Алма-Ату, — там он не мог даже в очереди за хлебом стоять — падал...

Читал стихи — Лермонтова, Есенина, Хлебникова, Хармса. Как-то спросили Владимира Васильевича, что он думает о Хармсе. Владимир Васильевич ответил, что Даниил Иванович был ангел. Потом подумал и добавил — это был Георгий Победоносец.

**Алексей Гостинцев (р. 1950), художник. В 1970 познакомился с В.В.Стерлиговым и вошел в группу его учеников. Живет и работает в Санкт-Петербурге.*

Очень высоко ценил Введенского. А вот собственных стихов не читал.

Спрашивал, кто написал:

Били копыта.

Пели будто:

Гриб.

Грабь.

Гроб.

Груб.

Как ни странно, никто не знал ответа. Называли Хлебникова, Хармса, про Маяковского никто не вспоминал.

А в последние годы после занятий вдруг мог прочитать рассказ Чехова.

Жизнь начинал заново несколько раз.

Вот одно из воспоминаний Владимира Васильевича о лагере: Карлаг — больше, чем Франция и Голландия, наверное. По дороге идёт старик и плачет. Старообрядец. И Владимир Васильевич спрашивает его: «Иван Иванович, что случилось? Почему вы плачете?» Иван Иванович отвечает: «Бог меня не любит». — «Почему?» — «Меня выпускают из лагеря».

В лагере профессор математики, которого потом расстреляли, читал лекции о математике, астроном рассказывал о звездном небе, поэт о литературе. Владимир Васильевич — об истории искусства, живописи.

Ирина Алексеевна Потапова как-то сказала мне: «Владимира Васильевича не могли оставить на свободе, — за ним пошли бы миллионы».

Терял всё, потерял все свои довоенные работы. Сохранилась каким-то чудом работа 1929 года — «Супрематическая композиция», в которой есть сюжет. Стерлигов считал, что литература возможна в живописи, если она — форма.

Цитировал, кажется, из Ционглинского²: «Не до конца убить в себе дикаря, быть в ладу со своим дураком».

Повторял: «Каждый день — вешать своего академика. Искусство — это жизнь, жизнь — это искусство».

Не любил джаз. Любил Рамо³. А в последние годы — Щютца⁴.

Дружил с Олегом Прокофьевым⁵.

С Татьяной Николаевной Глебовой, женой, ходили на концерты «Мадригала» Волконского⁶, дружили с Марией Вениаминовной Юдиной⁷.

Когда выступал на открытиях выставок, обсуждениях, в зале наступала совершенная тишина. Говорил значительно, ловили каждое слово. Мог выйти с дудочкой и перед выступлением вдруг продудеть, потом серьезно о любви в искусстве как главном даре художника. Сохранились стенограммы, что-то напечатал Евгений Федорович Ковтун⁸ в каталоге выставки в Русском музее.

По-обериутски мог на веревочке протащить за собой книжку с критикой абстракционизма, которая называлась «Кризис безобразия», как собачку.

Собак и кошек любил. Считал, что люди виноваты перед животными. Кошки и собаки всегда были в доме.

Все время призывал: «Ищите смысл происходящего». Иногда разговаривал притчами. Но то были времена, когда все прослушивалось. Бывало, что он и сам, проходя мимо телефона в квартире, говорил в пространство: «А подслушивать нехорошо».

У них с Татьяной Николаевной было кольцо. Время от времени его относили в ломбард, потом выкупали, — так и справлялись с безденежьем.

Помню, как хмурым осенним днем встретил Стерлигова и Глебову: они стояли на автобусной остановке в Петергофе, им было весело, их лица сияли, они что-то обсуждали. Все кругом, унылые и вялые, были стариками, а они-то, как раз, стариками и не были.

Он был не разрушитель, а созидатель. Он был и художник и человек мессианский. И жизнь, и творчество своё он воспринимал как миссию, задание, смысл. Не как случайность, случайности не бывает.

Вообще конечно не был, а есть. Прошлое время здесь не годится.

- ¹ Казимир Северинович Малевич (1879—1935), Даниил Иванович Хармс (1905—1942), Александр Иванович Введенский (1904—1941), Евгений Львович Шварц (1896—1958).
- ² Ян (Иван) Францевич Ционглинский (1859—1912) — польский и российский художник, талантливый педагог-новатор, его учениками были М.В.Матюшин и П.Н.Филонов.
- ³ Жан-Филипп Рамо́ (1683—1764) — французский композитор и теоретик музыки эпохи барокко.
- ⁴ Генрих Шютц (1585—1672) — немецкий композитор, писавший духовную музыку.
- ⁵ Олег Сергеевич Прокофьев (1928—1998) — художник, скульптор, поэт

- ⁶ Андрей Михайлович Волконский (1933—2008) — композитор, клавесинист, создатель ансамбля «Мадригал».
- ⁷ Юдина Мария Вениаминовна (1899—1970) — пианистка, выдающийся музыкальный и духовный деятель.
- ⁸ Евгений Федорович Ковтун (1928—1996) — специалист по истории русского авангарда, входивший в круг В.В.Стерлигова

Рисунок В.Стерлигова. 1950-е

Хроника жизни и творчества Владимира Васильевича Стерлигова

18 (5) марта

- 1904** Родился в Варшаве, где отец, историк, преподавал в университете. Был третьим из четверых детей.
- 1905** Семья возвращается в Москву. Рано лишился матери, воспитан двоюродной бабушкой. Учится в одной из лучших гимназий Москвы. Рано начинает рисовать. Живописи и рисунку обучается в частной студии.
- 1921** После недолгой работы в библиотеке поступает в Летнюю школу, где учится на картографа.
- 1923—1925** Литературные курсы при Всероссийском Союзе Поэтов. Публикации в «Огоньке».
- 1925** Знакомство с родственницей своего школьного друга художницей В.Ермолаевой, сотрудницей К.Малевича. По ее рекомендации переезжает в Ленинград. Начало неофициальной работы в Государственном институте художественной культуры (ГИНХУКе) под руководством К.Малевича

- 1926** Внештатный практикант Отдела живописной культуры ГИНХУКа. Занимается живописью под руководством К.Малевича, изучает систему кубизма и супрематизма вместе с Н.Суетиным, Л.Юдиным, А.Лепорской, К.Рождественским, Е.Сафоновой, Б.Эндером. Знакомится с поэтами-ОБЭРИУтами Д.Хармсом, А.Введенским, Л.Липавским, Н.Олейниковым и Н.Заболоцким. Продолжает работать с К.Малевичем и после разгрома ГИНХУКа.
- 1926** Гражданский брак с певицей Л.Мейснер. Поселяется на Крестовском острове.
- 1928** Дружба с Басмановыми. Участвует в подготовке вечеров и спектакля ОБЭРИУ в Доме Печати.
- 1929** Совместно с В.Ермолаевой, Л.Юдиным, К.Рождественским, Н.Суетиным, А.Лепорской входит в «Группу живописно-пластического реализма».
- 1929** Работает в книжной иллюстрации.
- 1934** Как художник и поэт сотрудничает в детских журналах «Еж» и «Чиж».
- 1931** Выход в свет поэтической книги «Огород» и повести «На самолёте в Америку» с собственными иллюстрациями.
- 1930-е** Занимается промграфикой, делает этикетки для парфюмерного объединения ТЭЖЕ. Горкомом ленинградского ИЗО причислен к художникам высшей категории. Передаёт основы живописной культуры, полученной в ГИНХУКЕ, ученикам.
- С 1931-го** Занимается с А.Батуриным.
- С 1932-го** Занимается с О.Карташёвым.

- 1932** В июле 1932 году переписывается с Д. Хармсом, сосланным в Курск.
- 1933** На квартире В.Ермолаевой устраивает выставку своих учеников и ученицы Ермолаевой М.Казанской. Д.Хармс бывает у Стерлигова на Крестовском.
- 1934** Арестован вместе с учениками и В.Ермолаевой. Обвинен в антисоветской деятельности. Осужден на пять лет.
- 1935** Сослан в Карагандинский исправительно-трудовой лагерь. В Казахстане в одном лагере с художниками В.Ермолаевой и П.Соколовым. Вместе с ними в поселке Долинка расписывает клуб для лагерного начальства и ставит пьесу А.Островского «Доходное место». Жена художника Л.Мейснер выслана в Саратов, позднее там арестована. Обстоятельства ее смерти в 1942 году не известны.
- 1938** Освобожден, но остается в Караганде. Председатель оргбюро местного отделения Союза художников.
- 1939** Получает «минус 6», то есть запрет на проживание в шести центральных городах СССР. Прописан в Петушках, нелегально живет в Москве и Ленинграде у друзей. Знакомится с И.Потаповой.
- 1940** Расписывает панно в павильоне «Ленинград и Северо-Запад» Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.
- 1941** Прописывается в Малой Вишере. Пишет стихи. Встречается с Д.Хармсом и А.Введенским. Получает одобрительный отзыв. Работает как книжный иллюстратор, художник по костюмам в кино. Из довоенного времени сохраняются лишь

немногие тексты. Из живописных работ — только «Супрематическая доска» 1927/1928 г. и несколько рисунков.

- 22 июля 1941** Призван в армию. Служит в 47-ом артиллерийском полку.
- 2 января 1942** Под Кавголовым тяжело контужен и демобилизован. С февраля по май 1942 находится в госпитале в блокадном Ленинграде. Навещает семью И.Потаповой.
- 13 июня 1942** Эвакуирован из Ленинграда. Едет в Саратов, где безуспешно разыскивает родных. В начале июля приезжает в Алма-Ату.
- С 1942 по 1945** Работает в студии детского вещания Казахского радио, в кукольном театре, Театрально-художественном училище и в местном книжном издательстве. Женится на ленинградской художнице Т.Глебовой. Занимается живописью и графикой, участвует в выставках.
- 1945 ноябрь** Возвращается в Ленинград. Принят в члены ЛОСХ.
- 1946—1947** Работает в Эрмитаже. Серия рисунков, посвященных восстановлению музея.
- 1946** Выполняет обмеры и фиксационные чертежи дворцов Ораниенбаума. Составляет реставрационные кальки и эскизы. Занимается живописью и графикой.
- 1946** Семейная дружба с Г.Трауготом и П.Басмановым, а также с А.Лепорской и Н.Суетиным.
- 1947** Дружит с Я.Друскиным, Н.Козыревым.
- 1949** Работает для Торговой палаты. Продолжает традиции супрематизма.

- 1950—1952 Под руководством Г.Траугота работает над экспозицией Музея этнографии народов СССР.
- 1951 Знакомится со священником о. Петром (Белавским). В ленинградском Доме ученых выставляет рисунки и акварели Гатчины совместно с Т.Глебовой.
- 1954 Создает гуаши евангельского цикла: «Крещение», «Вход в Иерусалим».
- 1955 Путешествует по старым русским городам.
- 1956—1957 Работает в команде Г.Траугота над оформлением экспозиции Музея истории Ленинграда совместно с Т.Глебовой, Б.Коплянским, Т.Купервассер-Русаковой, А.Трауготом, М.Войцеховским.
- 1957 Устраивает квартирные выставки А.Траугота, М.Басмановой.
- 1960 Открытие «чашно-купольной» системы и создание собственной школы. Окружен художниками-единомышленниками среди которых В.Волков, Г.Молчанова, С.Спицын, П.Кондратьев. Позже в его круг входят Е.Александрова, А.Киселев, Г.Зубков, В.Смирнов, Е.Гриценко, Г.Лакин, М.Цэрүш, А.Кожин, В.Соловьева, Ю.Габанов, А.Гостинцев, А.Носов, искусствоведы А.Повелихина, Ю. Денисов, Е.Ковтун.
- 1961—1962 Пишет «обериутские» рассказы.
- 1962 В месте с Т.Глебовой работает в Алушке, где создает работы, посвященные «чаше моря».
- 1961 Проводит у себя выставку В.Ермолаевой. Продолжает разрабатывать теорию «чашно-купольного бытия».

- 1963 Посещает мастерские московских «левых» художников в Лианозове, участвует в дискуссиях, находит свою аудиторию в Институте физических проблем, показывает там свои художественные «формулы».
- 1964 Занимается пластическими поисками. Делает объекты из бумаги и прозрачного пластика. Выставляется в Москве в квартире А.Юмашева.
- 1965 Выставка в мастерской художника В.Волкова. В технике офорта тиражом 10 экз. ученики издают каталог с теоретическими заметками В.Стерлигова «Прямая и кривая», «О каноне», «О грязной эстетике».
- 1965 Содействует появлению первых посмертных публикаций Д.Хармса.
- 1966 Произведения Стерлигова (четыре акварели) впервые появляются на официальной выставке ЛОСХа.
- 19 апреля 1966 Творческий вечер и выставка В.Стерлигова и Т.Глебовой в Секции графики ЛОСХа без афиши и каталога. После требований посетителей предоставить больший зал выставка закрывается.
- 1966 Переезд в Петергоф.
- 1967 Выступление на вечере, организованном клубом «Россия» в Кофейном домике Летнего сада. Первая возможность рассказать о своей пластической системе, выставить и показать работы 1960-х. В Праге выходит статья Е.Ковтуна о пластических принципах Стерлигова.
- 1968 Публикация Л.Костиной об иллюстрациях В.Стерлигова в журнале «Детская литература». Участие в вечере памяти П.Филонова. Попытки легально выставиться

- терпят крах. В мастерских художников Ленинграда проводятся выставки-семинары группы Стерлигова.
- 10 марта 1970** Вечер «От прямой к кривой», сопровождаемый однодневной выставкой при большом стечении народа.
- 22 октября 1970** Однодневная выставка графических работ и теоретический вечер В.Стерлигова и Т.Глебовой в Гравюрном кабинете ГМИИ им. А.С.Пушкина, куда посетители допускались милицией по заранее утвержденному списку.
- 1971** В.Стерлигова посещают европейские искусствоведы и любители искусства. Статью о нем «Прямая — это не архитектура» публикует Мишель Рагон. В мае — выступление на вечере памяти П.Соколова.
- 1972** Участие в организации выставки В.Ермолаевой. Т.Глебова получает мастерскую на ул. Ленина 52, где группа В.Стерлигова регулярно устраивает выставки и теоретические встречи.
- 1972** Выставки в мастерской Т.Глебовой: «Матюшин у себя в мастерской» и «Графика Елены Гуро».
- 1973** Последняя персональная выставка В.Стерлигова в мастерской Т.Глебовой. В октябре выставка В.Стерлигова и его учеников «Скрытая геометрия форм».
- 1 ноября 1973** Умер в Петергофе. Похоронен на Бабигонском кладбище.

Иллюстрации:

Фронтиспис	Портрет В.В.Стерлигова Рис. Г.А.В.Траугот. 1950-е
Стр. 4	Лица круга Стерлигова Рис. Г.А.В.Траугот. 1950-е
Стр. 30—31	Развитие природной формы. 1969. Бумага, фольга, коллаж, гуашь. 51 x 67
Стр. 37	Рукопись В.В.Стерлигов. 1939
Стр. 40	Рукопись В.В.Стерлигова. 1940
Стр. 123—124	Композиция 1. 1972. Бумага, акварель, масляная пастель. 52 x 67
Стр. 156—157	В.В.Стерлигов. Ленинград. Бумага, уголь. Рисунок. 1950-е
Стр. 282—283	Алупка. Море. 1967. Холст, масло. 52,5 x 65

Издательство «Барбарис»
Издатель: Ирина Тарханова

Вниманию наших читателей!
Заказ: www.brbrs.ru
+7 985 428 7268

Следите за нашими новостями на сайте
и странице издательства в социальных сетях:
www.facebook.com/BarbarisPublishing
www.vk.com/brbrs
www.instagram.com/barbaris_books
Все ваши замечания и комментарии
присылайте пожалуйста
на наш e-mail: info@brbrs.ru

